

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 10 № 2 Часть 2 2018

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

С 1 января 2018 г. по группе специальностей 22.00.00 социологические науки под № 1072

В 2015 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор

к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 10 # 2 Part 2 2018

Web Version address: <http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

From January 1, 2018 on the group of specialties 22.00.00 Sociological Sciences under № 1072

The journal «Historical and Social-Educational Idea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:

PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:

A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office

Journal «Historical and Social-Educational Idea»

Phone/fax: 8 (861) 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариельский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Икеда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
Tokyo. Japan

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, член диссертационного совета по историческим наукам при Кубанском государственном университете
Краснодар. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете
Омск. Россия

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergey A. Kisitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia

Valery N. Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Kuban, Honored Science Worker of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Higher School, Department of Russian History, Kuban State University, Member of Dissertation Council for Historical Sciences of Kuban State University
Krasnodar. Russia

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco. USA

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University
Omsk. Russia

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер. Великобритания

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester. UK

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Шагапсоев Заурби Лелович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции
Нальчик. Россия

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Honored Specialist of the Russian Higher Professional Education, Doctor of Law, Professor, Head of North-Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Colonel
Nalchik. Russia

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, временно исполняющий обязанности директора Института истории Сибирского отделения РАН
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург. Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
г. Владивосток. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board**Editor-in-Chief**

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences
Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Исторические науки и археология	Historical Sciences and Archaeology
БУГАЙ Н. Ф. г. Москва, Россия ПРОБЛЕМЫ ДАЛЕКОГО И БЛИЗКОГО КАМЧАТСКОГО КРАЯ. 1920-1930 ГОДЫ	N. F. BUGAI Moscow, Russia PROBLEMS OF THE FAR AND NEAR KAMCHATKA REGION FROM THE 1920S - 1930S YEARS
11	
КОЖОБЕКОВ М.Ч. г. Бишкек, Кыргызстан ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ В КЫРГЫЗСКОМ КАГАНАТЕ	M.Ch. KOZHOBKOV Bishkek, Kirghizstan STATE APPARATUS IN THE KIRGHIZ KHAGANATE
28	
Социологические и гуманитарные науки	Sociological and Humanities Sciences
АРТАМОНОВА В. В. г. Иркутск, Россия РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ГЕЙМИФИКАЦИИ В XXI ВЕКЕ	V.V. ARTAMONOVA Irkutsk, Russia GAMIFICATION CONCEPT DEVELOPMENT IN THE XXI CENTURY
37	
АТТАЕВА Л.Ж. г. Москва, Россия АЗАМАНОВА Г.К., ВИНДИЖЕВА А.О. г. Нальчик, Россия ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В РОССИИ	L.Zh. ATTAEVA Moscow, Russia G.K. AZAMANOVA, A.O. VINDIZHEVA Nalchik, Russia INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON REALIZATION OF PRENATAL PREVENTION OF HIV INFECTION IN RUSSIA
44	
АФОНЬКИНА Ю.А., ЖИГУНОВА Г.В. г. Мурманск, Россия СРЕДОВЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НАУЧНОГО АНАЛИЗА ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕД ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ	Yu.A. AFONKINA, G.V. ZHIGUNOVA Murmansk, Russia ENVIRONMENTAL APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS OF THE SCIENTIFIC ANALYSIS OF THE ACCESSIBILITY OF THE SOCIAL ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH DISABILITY
50	
ВАН Хайянь г. Ланьчжоу, КНР МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ	H.WANG Lanzhou, P.R. China INTERNATIONAL ACADEMIC MIGRATION: HISTORY AND TRENDS
58	
ГИЗАТУЛЛИН А.А. г. Москва, Россия СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МО РФ	A.A. GIZATULLIN Moscow, Russia STRATEGIES FOR RESOLVING SOCIAL CONFLICTS IN MILITARY UNITS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF DEFENSE
67	
ГЛУШКО И.В., ЗУЕВА Т.М. г. Зерноград, Россия ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	I.V. GLUSHKO, T.M. ZUEVA Zernograd, Russia TRUST AS A RESOURCE FOR CHANGING SOCIAL PRACTICES AND INSTITUTIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY
72	
ГРИГОРЬЕВ О.В. г. Новосибирск, Россия ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I	O.V. GRIGORIEV Novosibirsk, Russia MILITARY JUSTICE OF THE EMPEROR OF NICHOLAS I
78	
КАМЕНСКАЯ А.О. г. Москва, Россия КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПУТАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)	A.O. KAMENSKAYA Moscow, Russia CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS A TOOL OF THE REPUTATION MANAGEMENT (EVIDENCE FROM THE AUTOMOTIVE INDUSTRY)
86	
КАРИПБАЕВ Б.И. г. Караганда, Казахстан ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАТАХ КАЗАХСТАНА	B.I. KARIPBAEV Karaganda, Kazakhstan FORMATION OF THE CONCEPT OF RELIGIOUS TOLERANCE AND ETHNIC CONSOLIDATION IN THE EDUCATIONAL FORMATS OF KAZAKHSTAN
92	
КОЖЕВИНА А.П., ДУБРОВИНА С.В. г. Иркутск, Россия ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДОБРОВОЛЬНЫХ И ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ	A.P. KOZHEVINA, S.V. DUBROVINA Irkutsk, Russia FEATURES OF MOTIVATION OF WORK VOLUNTARY AND FORCED MIGRANTS IN RUSSIA
97	

ЛЕПЕШЕВ Д. В. г. Кокшетау, Казахстан ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	103	D.V. LEPESHEV Kokshetau, Kazakhstan PROBLEMS OF CULTURAL IDENTITY IN MODERN EURASIA
ЛУ Сяоин г. Челябинск, Россия ПОВОРОТЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ С 1992 ПО 1996 гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	108	X. LU Chelyabinsk, Russia TURNS IN THE SPHERE OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA FROM 1992 TO 1996: CAUSES AND CONSEQUENCES
МАГОМЕДОВ М.-Г. Г., АЛИБЕКОВ М.-З. М.-Р. ДАИТМИРЗАЕВ С.А. г. Махачкала, Россия СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 60-70 гг.	115	M.-G. Kh. MAGOMEDOV, M.-Z. M.-R. ALIBEKOV, S.A. DAITMIRZAEV Makhachkala, Russia FORMATION OF MATERIAL AND TECHNICAL BASE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN 1960-1970 S.
МУХА В.Н., МОЖАЕВА Е.Ю., ЛЫСЕНКО А.И. г. Краснодар, Россия ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ КУБГУ)	120	V.N. MUKHA, E.Yu. MOZHAIEVA, A.I. LYSENKO Krasnodar, Russia PECULIARITIES OF FOREIGN STUDENTS PRIMARY ADAPTATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES (ON EXAMPLE OF KUBSTU)
ОЗЕРОВА К. А. г. Казань, Россия НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И «ИЗОБРЕТЕНИЕ» ТРАДИЦИЙ	127	K.A. OZEROVA Kazan, Russia VOLGA BULGARIA HERITAGE AND REGIONAL IDENTITY: THE POLITICS OF MEMORY AND THE “INVENTION” OF TRADITION
ОКУНЕВ И.Ю., ТИСЛЕНКО М.И., БИБИНА Э.С. г. Москва, Россия ОЦЕНКИ ПОСЛЕДСТВИЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА	133	I.Yu. OKUNEV, M.I. TISLENKO, E.S. BIBINA Moscow, Russia EVALUATIONS OF THE CONSEQUENCES OF THE CONNECTION OF PERM REGION AND KOMI-PERMYAK AUTONOMOUS DISTRICT
ОРЛОВА Т. Г. Москва, Россия СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКУЮ СМЫСЛОВУЮ ДОМИНАНТУ «УЧЕНИЕ, ЗНАНИЕ, МУДРОСТЬ»	148	T.G. ORLOVA Moscow, Russia COMPARATIVE STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS EXPRESSING THE MORAL-ETHIC SENSE DOMINANT “STUDYING, KNOWLEDGE, WISDOM”
ПОДБЕРЕЗНЫЙ В.В., ЗАРУБИНА Р.В. ПЕТРУШЕНКО С.А. г. Таганрог, Россия МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	157	V.V. PODBEREZNY, R.V. ZARUBINA C.A. PETRUSHENKO Taganrog, Russia MODERNIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF INTEGRATION PROCESSES
СИРКИЯ Н.П. Краснодар, Россия ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС vs ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)	164	N.P. SIRKIIA Krasnodar, Russia POLITICAL DISCOURSE vs POLITICAL INTERNET DISCOURSE: SIMILARITIES AND DISTINCTIONS (COGNITIVE ASPECT)
ШАПОШНИКОВ Д. А. г. Санкт-Петербург, Россия ТРАДИЦИОННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЕЙ	171	D.A. SHAPOSHNIKOV Saint-Petersburg, Russia TRADITIONAL CHRISTIANITY AND LEGITIMATION OF EXTRAMARITAL AFFAIRS
ШЕСТЕРНИН Е.Е. г. Тюмень, Россия ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЭКСКЛЮЗИЮ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	178	E.E. SHESTERNIN Tyumen, Russia INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON SOCIAL EXCLUSION IN MODERN SOCIETY
Информация	186	Information

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 930.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27

БУГАЙ Николай Фёдорович
Институт российской истории Российской
академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolai F. BUGAI
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ДАЛЕКОГО И БЛИЗКОГО
КАМЧАТСКОГО КРАЯ. 1920-1930-е ГОДЫ**

**PROBLEMS OF THE FAR AND NEAR KAMCHATKA
REGION FROM THE 1920S - 1930S YEARS**

В предлагаемой публикации автором сделана попытка на основе имеющихся наработок предшественников, выявленных новых документов воссоздать картину прошлого, связанного с борьбой за Советы на территории самого отдаленного от центра субъекта страны - Камчатской области (губернии, округа). Проблема периферийности всегда привлекала внимание как историков Западной Европы, так и Союза ССР, России. Особое внимание в плане развития проблемы периферийности уделялось в историографии учеными Италии. Важное направление исторической науки во многом позволяет стабилизировать некоторые процессы восстановления отдельных этапов истории полуострова, охватить как огромные территории государства, так и его составляющих, в том числе и Камчатки, которая не является исключением из правил, так же как и многие другие территории окраин Союза ССР, России. В статье обращено внимание узловым вопросам развития революционного процесса, адаптации в России накануне 1917 года. Наряду с этим показана специфика, особенности, присущие исключительно регионам Севера. Во многом затрагивается процесс формирования самосознания и национального сознания населения, принадлежащего к разным этническим общностям, проживавших на Камчатке. Разумеется, такая ситуация не была одинаковой применительно к разным регионам полуострова. На архивных материалах, как опубликованных, так и выявленных, прослеживается процесс формирования органов государственной власти на Камчатке, тем самым затрагиваются и проблемы институционализации самого процесса борьбы за формирование новых общественных отношений. Для Камчатки было свойственным также применение новых технологий управления революционными процессом, нашедших свое проявление в создававшейся системе наррекомов, ревкомов, когда многие задачи этой эпохи пришлось решать в условиях чрезвычайной обстановки. В связи с этим определены роль и место многих из участников того периода на Камчатке. Проведен анализ и таких особенностей региона, как место соседних государств (Япония, США) в судьбе Камчатского полуострова, что было, конечно же, временным явлением. Однако оно имело негативные последствия в ходе решения вопросов вовлечения этнических меньшинств в управление государством, освоение края, вопросов национально-государственного и советского строительства, в работу органов власти, в общественно-просветительскую деятельность в изучаемый период.

In the proposed publication, the author made an attempt to reconstruct a picture of the past, connected with the struggle for councils on the territory of the most remote from the center of the subject of the country - the Kamchatka region (gubernia, okrug) on the basis of the existing achievements of predecessors, new documents that have been opened. The problem of periphery always attracted attention as historians of Western Europe, the USSR and the USSR, Russia. Particular attention in terms of the development of the problem of periphery was given in historiography by scholars of Italy. An important direction of historical science in many ways allows to stabilize many processes of restoring individual stages of the history of the peninsula, to cover both the vast territories of the state and many of its components, including Kamchatka, which is not an exception to the rules, as well as many other territories of the outskirts of the Union SSR, Russia. The article drew attention to the key issues of the development of the revolutionary process, adaptation in Russia on the eve of 1917. Along with this, the specifics, peculiarities peculiar to the regions of the North, are shown. The process of formation of self-consciousness and national consciousness of the population belonging to different ethnic communities living on Kamchatka is largely touched upon. Of course, this situation was not the same for different regions of the peninsula. On archival materials, both published and identified, the process of forming state power bodies in Kamchatka is traced, thereby addressing the problems of institutionalizing the very process of fighting for the formation of new social relations. For Kamchatka, the use of new technologies to control the revolutionary process was also characteristic, which found its manifestation in the system of provincial and revolutionary committees that were being created, when many tasks of this epoch had to be solved in an emergency. In this regard, the role and place of many of the participants of that period in Kamchatka was determined. The analysis of such peculiarities of the region as a place of neighboring states (Japan, USA) in the fate of the Kamchatka Peninsula was carried out, which was, of course, a temporary phenomenon. However, it had a negative effects in the course of solving the issues of involving ethnic minorities in state administration, the development of the province, in solving issues of national-state and Soviet construction, the work of government bodies, and in public outreach activities during the period under study.

Ключевые слова: Камчатка, этнические меньшинства, советское строительство, Советы, бандитизм, национально-государственное строительство, Япония, США, ревкимы

Keywords: Kamchatka, ethnic minorities, Soviet construction, councils, banditry, national-state building, Japan, USA, revolutionary committees

Остается непонятным, почему так мало пишут о Камчатском крае в историческом плане в 1990-2017 гг. как о самом дальнем от Центра субъекте Российской Федерации. Где изданная обобщающая история Камчатского края? Как-то ранее все территориальные автономии, края и административные области стремились создать историю своей малой родины. На Украине, например, даже было издано солидное собрание всех областей, получившее поддержку со стороны государственных и партийных органов власти. Не богат историографический фонд Камчатки и в Институте российской истории Российской академии наук.

Надо приложить немалый труд, чтобы, например, восстановить историю какого-либо из десятилетий в общем процессе эволюционного развития того или иного края, области, региона.

В настоящей статье автором предпринята попытка обратиться к событиям на Камчатке в 1920-1930-е годы¹.

В связи со 100-летием Великой русской революции актуально, хотя бы приблизительно восстановить картину хода борьбы за народную власть против разного рода альтернативных сил самой революции, сколачивавшихся бандитских группировок на далекой Камчатке. Каким образом власть отстраивала саму себя в этой ожесточенной борьбе? Каким был вклад в этот процесс населения Камчатки, представлявшего его народы, и в чем заключалась их вина? За что их подвергали деструктивным воздействиям со стороны органов партийной и советской власти?

Дело в том, что установление советской власти на Дальнем Востоке происходило позднее по сравнению с центральными районами России. Камчатка отличалась своей спецификой. На протяжении многих лет здесь продолжали функционировать оппозиционные партии и движения. В экономике региона значительное место занимал иностранный капитал, частный предприниматель. Здесь было больше, чем в других частях страны, граждан, отрицательно относившихся к новой власти. В силу особого положения центра Камчатки развитой была сеть контрабанды.

Короткий экскурс в историю прошлого. Материалы по истории Камчатки первых двух десятилетий существования Советов собирались постепенно. Изучение этого периода применительно к другим регионам страны позволило сделать вывод, что для Камчатки было характерным наличие и революции, и Гражданской войны. По моему мнению, выделяются особенности, присущие, например, и территории Северного Кавказа.

У каждой территории своя специфика. И таким было положение повсеместно до тех пор, пока регион в целом не занимал прочную позицию по отношению к Советам, к центру России, не оказывал всемерной поддержки Советам как органам власти, объявленным в ту пору политической основой народной власти. На Камчатке действовали и пра-

¹ Камчатка в своем эволюционном развитии прошла длительный путь и неоднократные переподчинения в административном отношении, оставалась составной частью административно-территориального обустройства государства. С 1909 г. по 1920 г. Камчатская область (губерния с начала декабря 1922 г.) оставалась в составе Российской империи. В связи с созданием 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики Камчатка становится ее составной частью (до 15 ноября 1922 г.). С ноября 1922 г. Камчатка (в составе 6 уездов) пребывает как административного округ в созданной Дальневосточной области (до 4 января 1926 г.), когда был создан Дальневосточный край.

30 октября 1932 г. четырем округам, в том числе и Камчатскому округу, придается статус области в составе края до 1938 г. Затем попеременно Камчатская область входила в состав Хабаровского (с 20 окт. 1938 г.) и Дальневосточного краев. В 1956 г. область получает статус самостоятельной области. С 1 июля 2007 г. в результате объединения с Корякским национальным округом область обретает статус Камчатского края.

вительство Колчака (Омск), и правительство С.Д. Меркулова, занявшее Петропавловск (осень 1921 г.), и органы власти Приморья, функционировавшие до революции.

Камчатка находилась в процессе становления власти Советов в подчинении и ДВР, и Дальневосточного краевого комитета Советов и самоуправлений, в котором область имела в качестве представителей три места, и Дальревкома (Чита), и Сибревкома (Новониколаевск), и Камчатского областного комитета (И.Е. Ларин), и Камчатского народного ревкома (осень 1922 г.), и Областного съезда Советов (март 1920 г.), Камчатского областного ревкома.

В публикации использованы документы из фондов ЦА ФСБ Российской Федерации, которые в определенной мере помогают реально воссоздать историю Камчатского края в один из самых сложных периодов формирования советской государственности, сопровождавшегося ожесточенной борьбой с альтернативными силами (бандитизм, действия белого офицерства, казачества и пр.). Особую ценность, несомненно, представляют документы по Камчатке, тем самым дается ответ на вопрос, как жили народы страны, в том числе и Камчатского округа, какие испытания и неведомые ранее масштабные социальные эксперименты выпали на их долю в XX столетии.

При подготовке статьи автор также опирался на уже проделанную предшественниками работу. Их научные труды [11; 7; 8; 19; 2], публикации новых сборников документов [6; 4; 3] затрагивают отдельные стороны жизни Камчатской губернии (области). Здесь в одинаковой мере представлены вопросы и советского строительства, и национально-государственного обустройства (нациестроительство), и этнические меньшинства в области, их вклад в развитие региона, и взаимодействие между органами власти, общественными движениями, экономический аспект и первые достижения в сфере развития культуры народов Камчатки др.

Что касается Камчатки, то Петропавловск-Камчатский категорически протестовал против захвата полуострова японцами и просил Сибирь (которую «камчатцы» называли материком) и Россию поддержать их в этой ожесточенной борьбе с Японией. Эти идеи были изложены в политической сводке 5-й армии для председателя Сибирского революционного комитета (ревкома) И.Н. Смирнова о положении на Дальнем Востоке от 10 марта 1920 г. [3, с. 21].

Из имевшихся в Охотско-Камчатском бассейне 23 консервных заводов (производили 900 тыс. ящиков консервов), только два принадлежали русским (Демби и Грущевскому, производили 200 тыс. ящиков консервов). Из 490 морских рыболовных участков, арендованных японцами, работали в 1922 г. 213, принадлежавших 90 арендаторам, входивших в один синдикат [6, с. 85-86]. Это было действительно хищническое разграбление природных ресурсов России.

Камчатский облнарревком сразу же проявил заботу и об органах власти, создававшихся на местах. Заместитель председателя облнарревкома М.И. Савченко в интервью газете «Дальневосточный путь» (14 ноября 1921 г.), вспоминая об этом периоде, особо отмечал об активизации деятельности разных сил в регионе, при этом делая упор на развитии партизанского движения на Камчатке в 1921 г. Он также сообщал, что в феврале 1921 г. отряд белых силой в 40 человек должен был пройти по западному побережью Камчатского полуострова в Большерецк [5, с. 257-258]. Цель - устроить грабежи. Однако отряд областного комитета принял решение не допустить такой акции. В революционном отряде насчитывалось 70 партизан. Японцы, размещавшиеся в это время в Большерецке, не позволили партизанам занять город. Отряд отступил. Одним словом, завоевателям Камчатки не удалось исполнить свой коварный замысел.

В политической сводке 5-й армии (март 1920 г.) сообщалось из Охотска¹ о том, что начал функционировать Совет рабочих и крестьянских депутатов. Население округа также выступало против японцев, их стремления оккупировать Восточную Сибирь.

¹ С мая 1925 г. район передавался из подчинения Камчатского в Николаевский округ.

С апреля 1920 по ноябрь 1922 г. Камчатка, Прибайкалье, Забайкалье, Амурская область, Северный Сахалин входили в состав Дальневосточной республики. С ноября 1922 г. - в состав Дальневосточной области.

Обстановка была напряженной как в самой республике, так и на соседствовавших с ней территориях [13, с. 256]. Так, обострило обстановку восстание в Якутской области. А. Пепеляев, руководивший силами контрреволюции, не смог наступать на территории Якутии¹. Восстание растянулось на длительное время и было подавлено с большим трудом. Его всячески поддерживали белогвардейские силы. Пепеляевские группировки стремились захватить Якутск, чтобы иметь возможность продвигаться дальше к Байкалу. Население Якутии сочувствовало ему. ГПУ располагало необходимыми сведениями о заготовке якутами 10 тыс. ездовых оленей и 500 кибиток, предназначавшихся для пепеляевских соединений.

Восстания, вспыхивавшие на широкой территории страны в этот период, носили спонтанный характер, протекали стихийно, являясь проявлением народного движения, вызванного репрессиями со стороны государственной власти, особенно тем, что ни одно из требований, выдвинутых революцией, не было удовлетворено. Тем не менее такие восстания, наоборот, подавляют и деморализуют массы, способствуют укреплению контрреволюции, позиций ее правителей, а нередко они и вызывались последними.

Восстания подобного типа необходимо было переводить в русло организованной партизанской борьбы [Архив ИРИ РАН. Секретариат «История Гражданской войны в СССР». Ф.6. Оп.6. Д.6. Л.6-7; Резолюция, стоявших на платформе Советов, была принята на конференции во Владивостоке (апрель 1919)].

По-разному оценивались восстания на территории Советской республики. В ходе их выдвигались требования главным образом экономического порядка, участники обращались к лозунгам революции, обещаниям партий и пр. Несомненно, не совсем логичными были взгляды и оценки устроителей этих восстаний. Ведь надо было еще отстроить государство, наладить в нем хозяйственную сферу, что позволило бы перейти к решению коренных вопросов социальной политики, а не добиваться решения насущных проблем по формуле «сейчас и сразу», выдвигаемыми в ходе восстаний требованиями, созданием конфронтационной ситуации в обществе.

Как бы в подтверждение изложенному информацию о настроениях населения озвучил в докладе сотрудник Сибирской комиссии по иностранным делам Олег Вебс в послании о военно-политическом положении на Дальнем Востоке (апрель 1920 г.) председателю Иркутского губернского ревкома Я.Д. Янсону. Он сообщал о том, что работники советских и партийных органов власти преследует единственное стремление - соединение с Советской Россией, применение советских принципов в жизни и в государственном строительстве Приморской области, Камчатки и о. Сахалина. Основой всех этих заявлений, чисто политического характера, выступала единственная причина - стремление Японии «к распространению своего экономического влияния на Дальнем Востоке» [3, с. 40].

В эти планы входили Сахалин, Камчатка и Приморская область, может быть, также полоса отчуждения и Забайкалье. Именно об этой территории писал 11 июня 1920 г. в своем донесении о военно-политическом положении Дальневосточной республики (ДВР)

¹ Пепеляев Анатолий Николаевич (1881 – 1937). Уроженец гор. Томска. Из семьи офицера, брат Виктора Николаевича Пепеляева, главы Колчаковского правительства. В 1908 г. окончил Омский кадетский корпус, в 1910 – Павловское военное училище. Служил в 42 Сибирском стрелковом полку. Имел воинское звание в царской армии – полковник, в белой армии – генерал-лейтенант. В марте 1918 г. организовал контрреволюционный мятеж в г. Томске, поддержанный белочехами. Выступление закончилось поражением. В 1919 г. эмигрировал в Харбин. В августе 1922 г. во главе, так называемой, Сибирской добровольческой дружины (750 человек) участвовал в антисоветском Якутском мятеже (1921 – 1923 гг.). В июне 1923 г. в порту Аян с остатками отряда сдался советским войскам. По приговору военного трибунала 5-й Краснознаменной Армии от 15 февраля 1924 г. осужден к ВМН. Постановлением Президиума ВЦИК от 29 февраля 1924 г. расстрел заменен 10-летним заключением со строгой изоляцией. Не реабилитирован.

главком Г.Х. Эйхе на имя помглавкома В.И. Шорина и председателя Сибревкома Н.И. Смирнова. По заключению Г.Х. Эйхе, центр тяжести экономических интересов Японии в данное время переносился в Приморскую область, Уссурийский край, Камчатку и о. Сахалин» [3, с. 87]. Кстати, этот вывод прозвучал с учетом того, что над Амуром Япония уже господствовала.

Тем не менее в это же время и на Камчатке разворачивалась работа по решению проблемы институционализации власти в областном масштабе в условиях чрезвычайной ситуации.

Советы в тех, фактически военных, условиях работать не могли. Требовалась совершенно новая технология управления национальными процессами. Необходимость решения этой задачи обеспокоились и в Центре. Секретарь ЦК РКП В.И. Яковлева в начале мая 1921 г. в письме на имя Б.З. Шумяцкого указала на необходимость создания ревкома на Камчатке, как чрезвычайного органа власти, способного работать в экстремальной обстановке.

Невозможно обойти вопрос преемственности работы этих органов власти, например по вектору «ревкомы - Советы». Конечной целью существования ревкомов как раз и выступала задача передачи власти в руки Советов. Правда, этот процесс не был единовременным и занимал продолжительный период. Например, на территории Камчатской области ревкомы функционировали еще и в конце 1920-х годов, оставаясь составляющей системы институционализации советской власти на полуострове, ее олицетворением в условиях военной обстановки и послевоенного ее развития. И тем не менее в конечном итоге они передавали власть Советам.

Сиббюро РКП просит ускорить решение вопроса в ЦК и Наркомате внутренних дел о Камчатке. Сиббюро организовало Камчатский ревком. В первом его составе были Кузнецов, И.П. Кларк и один из местных работников, кандидатуру которого просили «наметить Дальбюро с последующей санкцией Сиббюро». Предстояло решить задачу выезжавшего в это время в Читку Кузнецова и установить взаимоотношения ревкома с Сибирским центром.

Председатель Сибревкома Н.И. Смирнов в силу своей чрезвычайной занятости, очевидно, не был осведомлен, кто такой Кларк, который направлялся на Камчатку. Смирнов тут же запросил сведения о нем. При этом здесь же был задан вопрос: «Как туда проехать?» (на Камчатку. - Н.Б.) [3, с. 234-235].

Все это свидетельствует о том, что решение вопроса осуществления советского строительства на Камчатке носило спонтанный характер; особенной обеспокоенности обстановкой на полуострове не проявлялось.

Институционализация власти в чрезвычайной ситуации на Камчатке, несомненно, содействовала и оживлению работы в целом на полуострове. Уже 5 мая 1921 г. Н.И. Смирнов сообщал в Наркомфин РСФСР о полученных сведениях из Петропавловска-Камчатского, которые касались анализа обстановки в торговле пушниной, и констатировал: «Русские, американские и японские коммерсанты, торгующие, обратились в облревком о приостановлении действия обязательного постановления Комитета от 26 ноября 1920 г. № 3872 о десятикратном налоге на пушнину впредь до получения ими ответа Центрального правительства о законности этого налога.

Постановление было издано Комитетом на основании решения 3-го съезда, состоявшегося в октябре 1920 г. Согласно документу санкции коммерсанты и кооперативы платят приблизительно с апреля по октябрь 1920 г. Комитет считает это постановление законным и просит Вашего срочного подтверждения в виду предстоящего открытия навигации» [3, с. 237-238].

Разумеется, коммерсанты, занятые скупкой пушнины, проявили недовольство по поводу вмешательства в эту сферу со стороны государственных органов власти. Информация от 18 мая 1921 г., представленная наркомом Лариным и секретарем Дудко из Петропавловска-Камчатского на имя Сибревкома, а далее - в Наркоминдел РСФСР, касалась ноты японского консула по поводу торговли пушниной с иностранцами. Японский консул в г. Петропавловск-Камчатский Ямагучи как раз свидетельствовала об этом следующим

образом: «Императорское консульство в гор. Петропавловске, по имеющимся сведениям Гудсон-Бей и К^о в Канаде, отправляет на Камчатское побережье американскую моторную лодку "Цасцо" с целью покупки пушнины. Шхуна эта 15 мая сего года выходит из Ванкувера, затем отправляется в Берингово море. Поставляя о вышеизложенном в известном, прошу Вас сообщить мне, какими русскими властями означенной шхуне разрешено такое плавание. Нам не известно» [3, с. 244-245].

В последующем было письменно предложено японскому консулу с такого рода запросами обращаться непосредственно в Москву.

Разумеется, и в этой сфере хозяйствования постепенно устанавливался строгий порядок. В частности, в телеграмме от 14 июня 1921 г., направленной в Петропавловск о принятии решительных мер против посторонних скупщиков пушнины на Охотском побережье, была изложена просьба «принять действенные меры по запрещению вывоза пушнины иностранными коммерсантами». Для этого необходимы были соответствующие решения.

Поразительно то, что ни в одном из документов коммерсантов не содержится даже намек на тех, кто добывал эту пушнину. Учитывались ли каким-либо образом их интересы?

В этом ключе развивалась и ситуация с государственным подходом к работе промышленности. В связи с этим привлекает внимание содержание письма от 30 мая 1921 г. комиссара Камчатки, члена Камчатского ревкома И.П. Кларка о занятии японцами рыбными промыслами. Например, в Большерецке рыболовные участки Центросоюза были уступлены для эксплуатации японской фирме Цуцуми. И порядок на промысле устанавливали именно японцы. Газета «Дальневосточная правда» от 28 апреля 1921 г. по этому поводу констатировала: «В Японии, для японских рыбопромышленников. Этим должны руководствоваться при производстве промысла на Камчатке». Правда, эти правила не распространялись на Большерецкие участки.

И.П. Кларк по пути следования на Камчатку в одном из посланий писал о том, что «Американо-китайская фирма "Китае", русско-американская "Вульфсон" предложили по исходным ценам поставить продовольствие через Николаевск или Шанхай, франко Петропавловск-Камчатский¹ под флагом Китая или Америки и на этом же пароходе доставить меня и служащих на Камчатку».

«Если на это не согласиться, - замечает Кларк, - то экономическое преобладание на Камчатке перейдет в руки Японии. Кроме того, крайне нуждающиеся в хлебе, соли и вообще в предметах первой необходимости служащие камчатских правительственных учреждений, две трети которых принадлежат к спекулянтам и контрреволюционерам, наверное, в конце концов, обратятся к Японии с просьбой о поддержке их. Фактически это будет равносильно полному захвату Камчатки Японией». И далее И.П. Кларк констатирует: «В настоящее время отношения между Нарревкомом Петропавловска и японцами дружеские и японцы не вмешиваются во внутренние русские дела на Камчатке, контролируют лишь японский рыбный промысел» [3, с. 257-258].

Осенью 1921 г. на Камчатке продолжало действовать правительство С. Меркулова. О его работе оставил воспоминания один из членов Народного собрания, управляющий делами Правительства Меркулова, председатель Охотско-Камчатского совещания С.П. Руднев [5, с. 253-254].

Особое внимание правительства уделялось содержанию и охране котиковых промыслов на Командорских островах. Население особых неприятностей не доставляло. И не выступало рьяным сторонником большевиков и Советов.

¹ ФРАНКО (от итал. franco – свободный) применяемый в торговых договорах термин, употребляемый в сочетании с обозначением пункта доставки (франко-судно, франко-вагон, франко-склад) (См.: Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. – 1999).

Власть осуществлялась в непосредственном присутствии военных кораблей Японии. В этой ситуации Приамурское правительство как суверен Охотско-Камчатского края направило экспедицию под командованием есаула Бычкова в Охотск, на Камчатку. Сюда командировались особоуполномоченный представитель на Камчатке Бирич, а также бывший секретарь несоциалистического съезда Н. Соколов.

В июле-сентябре 1921 г. экспедиция работала в Охотске, на Камчатке. Был сделан по ситуации вывод. В случае оставления Камчатки японцами появится возможность «нацеленно задержаться на Камчатке». Для завоевания Камчатки красными не хватит сил и флота. Адмирал Старк оборудовал даже мастерскую для ремонта судов. При этом полагалось, что продовольствие будет поставляться из Америки и японского порта Хакодаде.

Табл. 1. Численность и расположение революционных комитетов (ревкомов) по территории Дальневосточной республики (июнь 1920-1922 гг.)

Table 1. Number and location of revolutionary committees on the territory of the Far Eastern Republic (June 1920-1922)

Регион	Год	Ревкомы									
		Республ.	Обл.	Губерн.	Уездн.	Участк.	Район.	Город.	Волостн.	Сельск., аульск., хуторск.	Всего:
Дальневосточная республика Амурская, Приморская, Прибайкальская, Камчатская, Сахалинская губернии	$\left\{ \begin{array}{l} 1921 \\ 1922 \end{array} \right.$	-	1	4	14	-	-	-	-	150	169

Источник: Мухачев Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР в 1917-1920 гг. Новосибирск, 1975; Исаева Т.С., Сонин В.В. Из истории развития советской государственности на Дальнем Востоке, 1992-1926. Владивосток, 1974; Рябов А.В. Народно-революционные комитеты - местные органы власти Дальневосточной республики / Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск, 1978 и др.

Source: Mukhachev B.I. Emergence of Soviet power and the fight against foreign expansion in the North-East of the USSR in 1917-1920. Novosibirsk, 1975; Isayeva T.S., Sonin V.V. From the history of the development of Soviet statehood in the Far East, 1992-1926. Vladivostok, 1974; Ryabov A.V. People's Revolutionary Committees as local authorities of the Far Eastern Republic. Materials of the All-Union Scientific Student Conference. Novosibirsk, 1978, and others.

Судя по всему, И.П. Кларк добрался до Камчатки. 12 июля 1921 г. он направляет донесение Н.И. Смирнову (Сибревком) об экономическом положении на Охотском побережье [5, с. 271].

При этом Кларк посылает свое донесение и Сибревкому, и в Наркомвнудел РСФСР. Он обращается с просьбой предоставить в его постоянное распоряжение два судна не только

для рейса Владивосток-Петропавловск, но и для своевременного объезда побережья с целью доставки продовольствия населению осенью.

«Положение считаю достаточно прочным, - писал далее И. Кларк. - В Урянхае имеется наш вооруженный отряд... Русское население тяготеет к советской власти. Однако до сих пор оказываем помощь, и только в отношении медицинском и народного образования. Для постоянной связи с Урянхаем необходим представитель Наркоминдела, очевидно, имеющий контакты с Шумяцким» [5, с. 274].

Таким образом, И.П. Кларк, благодаря известности в высших кругах, а также своей необыкновенной деловой активности, четко представляя ситуацию в стране и конкретно на полуострове, принимал решительные меры по обустройству жизни населения, укреплению советской власти. Прочные отношения устанавливались им и с Сибревкомом. Сибревком обратился к председателю Совмина ДВР с просьбой об оказании содействия руководителям Камчатского нарревкома (15 июля 1921 г.) - «сделать распоряжение всем подведомственным Совмину ДВР учреждениям оказывать содействие тов. Кларку - председателю Камчатского революционного комитета и тов. Кузнецову, его заместителю, при исполнении ими возложенных на них обязательств» [5, с. 274].

Таким образом, И.П. Кларк возглавил Камчатский ревком. Вероятно, такой шаг был правильным, так как он, конечно же, был в тесном контакте с органами власти Центра, имел налаженную связь с Сибревкомом. Бывший же председатель ревкома Кузнецов был всесторонне осведомлен о событиях на местах. Такое сочетание дополняло работу руководителей в это непростое время, делало ее более эффективной, дающей определенно позитивные результаты.

26 ноября 1921 г. ЦК РКП(б) направил местным партийным организациям письмо о работе среди национальных меньшинств, в котором напомнило о решениях X съезда, призывавшего к активизации деятельности по отношению к национальным меньшинствам, улучшению условий их жизни. «Необходимо не отгораживать работу среди национальных меньшинств от общей работы, - читаем в документе, - а стремиться объединить усилия трудовых масс всех населяющих край народностей» [20, с. 59].

Это проблема была актуальной и для органов власти на Камчатке, так как на территории региона проживали как этнические меньшинства чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, эскимосы, ительмены, эвенки, алеуты. В структуре ревкома в связи с этим действовал институт уполномоченных, в частности в Анадырском и Чукотском уездных ревкомх.

Однозначно, проблема с обеспечением продовольствием, его доставкой зависела от многих факторов, прежде всего транспортных связей с полуостровом. Использовалась любая возможность. Зачастую суда, в том числе с продовольствием, подвергались нападению. Так случилось и в очередной раз, когда корабль с продуктами был обстрелян у северных островов Японии. В связи с обстрелом корабль пришвартовался в японском порту Хокодате. Грузы оказались без дальнейшего продвижения.

Не было возможности в короткий срок решить эту проблему. В связи с этим секретарь Дальбюро Янсон предложил Сиббюро ЦК (Новониколаевск) принять меры или по срочной ликвидации, или по перевозке груза через Харбин в Приморье для снабжения партизанских отрядов. В противном случае это продовольствие могло быть захвачено японцами [3, с. 339].

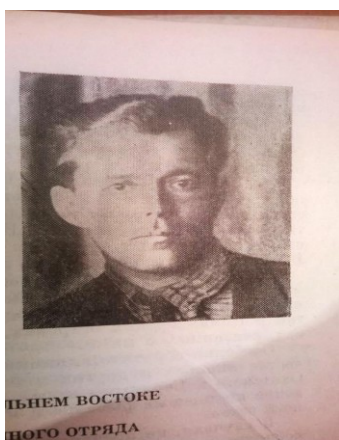
8 июля 1922 г. с территории Камчатки в Японию была направлена экспедиция, которой поручалось решение вопроса с грузами, предназначенными для Камчатки.

Каким же образом характеризовалась политико-экономическая обстановка в РСФСР осенью 1922 года? Аналитики соответствующих органов государственной власти понимали, что осенью 1922 г. еще наблюдалось значительное улучшение «общего политического и экономического состояния РСФСР» [13, с. 296].

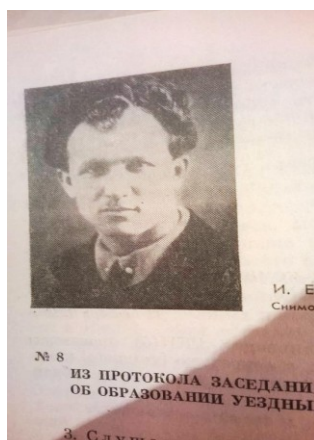
А октябрь 1922 г. рассматривался как месяц окончательно обозначившегося перехода в сторону улучшения. Дело в том, что к этому времени стабилизировался рубль, что содействовало материальному улучшению, другим становилось и настроение рабочих и служащих. Урожай в стране содействовал несколько и улучшению положения крестьянства.

Одним словом, происходил процесс политического замирения, ослаблялось и проявление контрреволюционных действий. Тем не менее такие районы на территории страны, как Туркестан, Кавказ, Сибирь, все же ощущали еще напряженную ситуацию. Сибирь как органичная часть страны продолжала оставаться ареной действий контрреволюционных сил, хотя в сентябре-ноябре и там положение «потеряло катастрофическую остроту летних месяцев» [13, с. 273].

В этих сложных условиях в Камчатской области продолжалось укрепление местных органов власти. На территории Камчатской губернии (февраль 1923 г.), по данным Дальревкома, действовали: в Петропавловском уезде - 88 селькомов, 11 волревкомов, 2 райревкома (Усть-Камчатский [пред. М.П. Щербаков] и Тигильский), Гижигинском [с 12 дек. 1924 г.] - 22 селькома, в Охотском [ревком долины р. Камчатка, пред. А. Марков] - 22, в Анадырском - 20 [пред. со 2 июля 1923 г. Глушков], Командорском - 2 [пред. ревкома с 30 марта 1923 г. Ф.Ф. Волокитин], Чукотском [уездный ревком Воронов, Хорошавцев] - 63 селькома [6, с. 65-66]. Были созданы Проведенский, Яндогайский и Уэленский волревкомы [9, с. 37].

М.И. Савченко, пред. Ревкома (Фонд ГАКО)

И.Е. Ларин - пред. Камнарревкома (Фонд ГАКО)

П.Г. Ларичев (Ивашкин) - секр. ревкома (Фонд ГАКО)

В.Д. Богомолов, член Ревкома

1926. Члены Камчатского окрревкома (слева направо): И.Е. Ларин, Масян, П.И. Дудко, (?), Богатырев (пред.), крайние слева - Ф.Т. Якимов, Кузнецов

22 октября 1923 г. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) утвердило новый состав Камчатского губревкома: М.П. Вольский - предс., Бузин, П. Ларичев, В.М. Кручина, М. Щербаков, В. Богомолов и др.

30 октября 1925 г. Дальревком принимает решение по выборам Советов в Камчатской губернии, определяет численность представителей от населения в Советах. Предусматривалось и положение о выборах в родовые Советы, призванные проводить работу среди этнических меньшинств. В январе 1917 г. Камчатский губревком обратился к населению области с просьбой отказать полное содействие в проведении этой политической акции.

Выступая с докладом о работе Камчатского окружного ревкома в октябре 1926 г., и.о. предревкома И.Е. Ларин привел обобщенные данные и применительно к чрезвычайным органам власти - ревкомам. По его сведениям, из 5 уездов, 14 волостей и 132 сельских советов были организованы 8 районов и 132 сельских совета [9, с. 153].

Охотский уезд был передан Николаевскому округу. Проведенная выборная кампания имела такие результаты. По всем районам Камчатки приняли участие в выборах 6297 избирателей (без Чукотского, Пенжинского районов и Петропавловска-Камчатского). Присутствовало на выборах 4294 избирателя (65,7%). В числе избирателей было русских - 267 чел. (38%), туземцев - 415 (58%), прочих национальностей - 26 (4%). В состав Петропавловского городского совета было избрано 74 депутатов [9, с. 191].

В целом же для поддержания стабильной обстановки в областном масштабе, налаживания работы созданного аппарата власти требовалась и вооруженная сила, чтобы противостоять проискам контрреволюции.

Отмечалось, что единственной крупной контрреволюционной силой, действовавшей на Дальнем Востоке, можно было бы признать лишь пепеляевский отряд. В связи с занятием Народно-революционной армией Владивостока Пепеляев прекратил подготовку похода на Якутск (Нелькан), где его ожидали повстанческие отряды. В этой ситуации был сделан вывод, что Пепеляев оставит план захвата Якутска и уйдет на Камчатку.

Анализируя ситуацию с бандитизмом в этот период в рассматриваемом регионе, ГПУ отмечало в сводке особое развитие политического бандитизма. Он пока замечается почти во всех крупных центрах Дальнего Востока. Руководители банд разворачивали агитационную деятельность среди населения и проникали даже в красногвардейские воинские части. Вновь рассматривалась позиция в этой обстановке, которую оставил гарнизон в Нелькане, снова прозвучала мысль, что Пепеляев изменит свой маршрут на Камчатку. Это позволит уменьшить степень политического бандитизма на освобожденных территориях.

Не случайно в упоминавшемся письме ЦК РКП(б) прозвучал и призыв временно подчинить партийные и советские организации Охотского съезда Камчатской губернии РСФСР комиссии в составе Байкалова (председатель), а также по одному представителю от Дальбюро (он же представитель Дальревкома) и Якутского обкома (он же представитель ЦИК Якутской АССР). Этой комиссии поручалось проведение политических мероприятий по ликвидации восстания.

При рассмотрении вопроса о присоединении Охотского уезда к Якутии предписывалось «разрешить с дополнительным участием заинтересованных сторон» ¹.

В январе 1923 г. на местах ощущалось проявление кризиса и отмечалась тенденция его нарастания (заметен был рост цен, экономическое недовольство, недостаточные тарифные ставки, несвоевременность выдачи жалования, рост безработицы, грубость администрации). Эти причины обостряли обстановку более других. Повсеместно вспыхивали забастовки.

Безусловно, это послужило основой для усиления политического бандитизма. По данным информации ГПУ, в Сибири на январь 1923 г. «бандитизм по-прежнему сохранял

¹ В 1924 г совместно с Ольским районом (общая численность 4700 человек) вошел в состав Николаевского округа (См.: Дальревком... С. 220).

преимущественно политический характер и насчитывал свыше 1500 бандитов в 63 бандах». Камчатка в этом плане не была исключением. Ощущался рост бандитизма в Восточной Сибири в начале весны 1923 г. Дело в том, что именно на Сахалин и Камчатку отходили разгромленные банды Пепеляева. В Восточной Сибири в этот период действовали 15 банд общей численностью около 600 человек [13, с. 883]

Очевидно, что ситуация во многом зависела от состояния сферы экономики в области и от тех мер, которые принимались органами власти по ее стабилизации и улучшению. Тревожная обстановка создавалась и в снабжении населения продовольствием. Эту обстановку сложно переносило даже крестьянство, что распространялось и на средние его слои. Частичный голод был отмечен на территории Актюбинской, Ферганской областей, в районах действия басмачей, а также на Камчатке. Голод наступал одновременно в Поволжье, особенно в Саратовской губернии.

Такое положение не могло не вызывать в обществе нездоровые настроения. Само население искало выход из создававшейся обстановки. Господствовали упаднические настроения, что было характерно и для других регионов страны.

Особенно в трудном положении оказались и этнические меньшинства. Из докладной записки зав. отделом нацменьшинств отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) С.М. Диманштейна в Оргбюро ЦК РКП(б) «О мерах содействия сохранению малых народов Севера» от 16 мая 1924 г. о северных племенах (самоеды, тунгусы, чукчи, лопари) отмечалось, что именно на почве ухудшения экономического состояния становилось все более сложным и положение народов Севера [РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.535. Л.110-112].

На Камчатке органы советской власти сосредоточивали в своих руках торговлю пушниной и всем тем, что производили названные народы. Вопрос о положении этнических меньшинств все более переходил в политическую плоскость. Отдельные политики выступали с предложением в конститутивный период защищать интересы вымирающих туземцев Севера России Лигой наций.

Что касается Камчатки, то со стороны американцев предпринималась открытая интервенция обучавших туземцев Северной Камчатки английскому языку посредством целой кучи миссионеров. В то же время американцы поощряли добычу «за более или менее сходные цены», привлекая тем самым к благосклонному пониманию американцев. Несомненно, такой расклад в отношении этой проблемы не всегда соответствовал интересам органов советской власти, хотя они и соприкасались с туземцами, но не обращали должного внимания на защиту их интересов, в оправдание ссылаясь на дальность расстояния уездных и губернского центров от регионов расселения туземцев. Ощущались также прежние стереотипы в оценке этих меньшинств, их роли и места в обществе, пока в силе оставался колонизаторский уклон по отношению к Сибири и Северу, как и к названным этническим меньшинствам. Это формировало ориентацию и местных органов власти. По этому поводу С. Диманштейн замечал: «Всякое мероприятие быта туземцев, которые будут поручены только местным властям, не приведет к цели, Надо преодолевать громадную косность, чтобы заставить переменить отношение к беззащитным туземцам» [6, с. 210-212].

Выход был очевидным: эту четко выраженную проблему необходимо было решать на государственном уровне. Такая позиция признавалась отдельными губернскими центрами (Енисейский губернский исполком и др.). Требовался комплекс мер в экономическом, политическом и культурном отношении. Тут же предлагался и механизм решения проблемы. Надо было в первую очередь разрешить вопрос с институционализацией этого направления, а для этой цели сформировать при ВЦИКе «Комитет содействия развитию малых народностей северных окраин».

Путем внедрения института уполномоченных можно было бы представить всю картину положения туземцев, учредить контроль, особенно в сфере торговли, обеспечивать снабжение их продовольствием, предметами первой необходимости, с помощью

уполномоченных поддерживать тесные контакты с органами государственной власти на местах, контролировать проводимые мероприятия. Успех можно было бы обеспечить и формированием Комиссии из представителей НКВД, Комвнутриторга, Центросоюза, Госплана под председательством ЦК [20, с. 20].

Именно такой позиции придерживался в своей практике и Камчатский окружной ревком, наметивший конкретный план работы с этническими меньшинствами, в частности в области пушного промысла, рыбной промышленности, снабжения населения, оленеводства, работы предприятий и др. [9, с. 148-150].

В то же время положение мало выправлялось, что было характерно и для других губерний страны. Во многих из них распространялись слухи «о наборе рабочих на Камчатку». В информации ОГПУ СССР осени 1924 г. читаем: «По некоторым губерниям (Иваново-Вознесенская, Вятская, Пензенская и др.) население как раз испытывало сложную обстановку: «имело место распространение слухов и якобы о наборе на Камчатку американцами, причем формировались группы желающих (Иваново-Вознесенская губ.), достигающие по численности до 75 человек, а также делались запросы в Москву (ВСНХ), «Русско-Азиатскую концессию на Камчатке».

Такие волнения на местах обуславливалось проведением налоговых кампаний, которые повсеместно встречали недовольство широких кругов крестьянства. Поступление налогов протекало крайне медленно и с чрезмерно завышенными нормативами. В некоторых губерниях сказывалась неудачная политика регулирования цен, антианалоговая агитация кулачества.

Одним словом, главным тормозом развития общества в области, его структур, как управленческих, так и хозяйственных, выступал бандитизм. И в первой половине 1925 г. положение мало изменилось. В обзоре ГПУ за март 1925 г. по вопросу о бандитизме отмечалось: «В Камчатской губернии возросла активность банд Артемьева-Карамзина, Гамбетова, Слепцова, которые проникали и на побережье вплоть до Охотска [14, с. 194].

Фактически во всех районах области проводилась активная агитация со стороны бандитов, происходило развитие мелкого уголовного бандитизма, осуществлялась попытка создания более широкого выступления банды к началу весны.

И в апреле 1925 г. в Политсводке ОГПУ говорилось о продолжении активных действий бандитов на Камчатке. А в середине марта пришлось столкнуться с бандой в районе Новое Устье (близ Охотска). Местная банда состояла главным образом из тунгусов (75%) и якутов (25%). Во главе выступали лидеры движения из белых офицеров, а также бывших советских служащих [14, с. 248].

Летом 1925 г., конечно же, бандповстанческое движение приобретало более крупный масштаб. На Дальнем Востоке действовали 27 банд, с общим числом участников в 629 человек.

В Камчатской губернии, самой неблагоприятной по бандитизму, были достигнуты позитивные результаты: после проведенных переговоров сдался сам глава банды Карамзин со штабом и 35 бандитами. Одновременно была отправлена делегация с приказом - оперировавшей в Оймяконе группе сдать оружие. Еще до прибытия отряд банды Иванова-Новгородова, пытавшийся захватить Верхоянск, самовольно расформировался. Уже в сентябре 1925 г. специалисты Информотдела ОГПУ сообщали об обстановке во «внутренних районах страны»: «Активность бандитизма после сдачи главаря банды Карамзина и всей его шайки в Камчатской губернии значительно сократилась. В настоящее время Камчатская губерния является самой благоприятной и по бандитизму» [14, с. 194].

Тем самым Камчатская область постепенно готовилась и к выборам в Советы. Еще 3 марта 1923 г. Дальревкомом была сформирована Центральная избирательная комиссия по выборам в Советы. Затем сформировали комиссии и на местах - в губерниях, уездах, волостях. Эта кампания развернулась на территории, подведомственной Дальревкому. Развернуть эту кампанию в масштабе всей Камчатской области пока не удавалось. И даже

в отчетном докладе первому краевому съезду Советов Дальневосточного края председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник по этому поводу заметил: «...Прошел только один год, и мы могли ликвидировать революционные комитеты повсюду, вплоть до губерний, созвать губернские съезды Советов, создать губернские исполнительные комитеты. Остался только Дальневосточный ревком, да ревкомы на Сахалине и Камчатке. Нам приходилось и придется еще сохранить на Сахалине и Камчатке революционные комитеты...» [6, с. 259].

Одним словом, вся вторая половина 1920-х годов сопровождалась имевшими место в обществе трансформациями. Было заметным ухудшение положения рабочих и в начале 1930-х годов. Об этом свидетельствует и информация ОГПУ о материально-бытовом положении и настроениях рабочих, завербованных в порядке промколонизации на о. Сахалин и Камчатке (9 августа 1930 г.). В таком положении оказались в первую очередь рыбаки, прибывавшие на о. Сахалин и Камчатку. Нехватка продовольствия, скученность в местах проживания, отсутствие внимания со стороны органов власти, непосредственное усиление негативных общественных явлений среди самих рабочих [15, с. 442-444] - это был явный ресурс для создания взрывоопасной обстановки.

В масштабе страны в этот период Центр проводит реформу управления округов. Округ выполнял связующую роль до ликвидации округов промежуточного звена между региональным органом власти, а также областью и регионом. После проверки целесообразности существования округов (апрель 1930 г.) в Центре сочли округ излишним в территориальной системе. В июле 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о ликвидации округов. Их права и обязанности, а также материальные и финансовые ценности передавались городским, районным и сельским Советам.

Реформа охватила и территорию дальнего Востока. Часть территории ДВК, в частности территории Читинского и Сретенского округов, отошли в Восточно-Сибирский край. На территории Дальнего Востока оставались лишь два самостоятельных округа - Камчатский и Сахалинский, впоследствии ставшие областями. Преследовалась, тем самым, цель укрепить район руководящими кадрами, повысить их роль в хозяйственном и культурном строительстве. Дальревком на руководящую работу направил в 1930 г. - 522 рабочих, в 1932 г. - 785 [18, с. 156].

Осуществлялось новое районирование территории Дальнего Востока. 10 декабря 1930 г. создаются три национальных округа - Чукотский, Корякский и Охотско-Эвенкийский. Затем два года спустя, в 1932 г., в составе Дальневосточного края были созданы области - Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская и Нижне-Амурская. В хозяйственном плане Камчатская область приобретала свой статус в рыбопромышленном секторе [18, с. 160].

В условиях советизации области оставался еще ощутимым иностранный грабёж. Поэтому эта задача переходила в число приоритетных. Постепенно вводилось плановое ведение хозяйства. Созданное АКО продвинуло развитие Камчатки в целом. Это не могло не сказаться и на экономических показателях. Если в 1927-1928 гг. вес выловленной рыбы на Камчатке вырос на 13%, то в 1932 - на 23% [18, с. 264]. Камчатская область справилась с плановым заданием на первую пятилетку.

Однако в середине 1930-х годов общественно-политическая обстановка в области заметно менялась, что было обусловлено саботажем посевной кампании со стороны кулаков. По имеющимся сведениям, на середину июля 1935 г. единоличниками было засеяно 31 618 га (55% по плану). Наличие перегибов при установлении посевных заданий было широко использовано альтернативными Советам силами для организации саботажа, потом и выполнения посевных обязательств. Первоначальной формой выступало сопротивление единоличников, которые игнорировали посевные мероприятия.

В это же время отрицательным моментом выступал массовый отток единоличников из деревни, в отдельных местах - отказ от земли. По данным 15 районов Западно-

Сибирского края, было установлено, что с января по апрель 1935 г. из этих районов было около 11 397 единоличников. Только на Камчатку убыли около 100 человек [17, с. 117].

Рост показателей по уловам рыбы был таковым: в 1927-1928 гг. - 229,7 тыс. ц, в 1932 г. - 801,9 тыс. ц. И тем не менее трудно еще было делать вывод о спокойной ситуации в области. Проводимые Центром меры в аграрной сфере сказались и на состоянии общества в целом. ПП ОГПУ, представляя информацию о подготовке к началу рыбной путины на Дальнем Востоке, о посевной кампании, происках кулачества, а также о повстанческом настроении среди населения, альтернативных революции сил, в записке от 4 апреля 1931 г. констатировало: «В районе Тигиль Камчатского округа туземным кулачеством усиливается распространение среди населения повстанческих слухов как о повсеместном восстании против советов, так и о неизбежности захвата Камчатского округа» [16, с. 390]. В связи с этим активные агитаторы подлежали изъятию [16, с. 705].

Кулаки всячески стремились создать чрезвычайную обстановку. Возникали пожары. Так, в сел. Соболево Большерецкого района Камчатского округа была сожжена кооперативная лавка и контора. Была уничтожена документация. Общий ущерб составил 25 тыс. руб. [16, с. 706].

Вряд ли можно утверждать, что населению Камчатки не было известно о проводимых принудительных переселениях на территории Союза ССР в 1920-1930-е годы. Эта мера рассматривалась в качестве механизма стабилизации ситуации в отдельных регионах государства. Более того, уже в 1920-е годы подобная мера была применена в отдельных случаях на Камчатке. В первую очередь она затронула в основном рабочих - советских корейцев, пребывавших в первой половине 1920-х годов в Охотске и Аяне. Группа численностью в 700-800 человек была депортирована в Японию [ГАРФ. Ф.1335. Оп.1. Д.218. Л.68].

В 1924 г. на Дальнем Востоке переселение коснулось алеутов. На заседании Комиссии по охране побережья Дальнего Востока, функционировавшей при секции Госплана СССР по районированию, 17 сентября 1924 г. рассматривался вопрос о Командорских и Карагинских островах. Разумеется, признана была целесообразность и выселения алеутов с территории Командорских островов, «за исключением питомника и рабочих, связанных с его обустройством». [ГАРФ. Ф.1335. Оп.1. Д.159. Л.74-75].

Конечно, вторая половина 1930-х годов не отличалась обстановкой, которая позволяла бы заниматься вопросами совершенствования государственного строительства на местах, укреплением власти Советов. С учетом создававшейся неоднозначной обстановки в самих государственных и партийных органах власти не могла она отражаться и на общем состоянии в регионах государства, в том числе на жизни этнических общностей, включая и китайскую общину. Уже начиная с 1932 г. наблюдалось ужесточение борьбы с различными антисоветскими группировками, окопавшимися на территории Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют и оценки ситуации, содержащиеся во многих информационных материалах СПО ОГПУ об оперативной работе на местах.

С учетом установок центра участились аресты руководителей подобных групп, в частности в Хабаровске, Биробиджанском районе - 93 чел., в отдельных пограничных селах - в общем 225 человек. Эта участь постигла и многие организации, появившиеся в статусе шпионских, орудовавшие в угольной и соляной промышленности под руководством японцев. Они действовали также во Владивостоке, Артеме, Сучане и др. Разворачивалась работа подобных организаций и на Камчатке. Здесь ими руководил консул Японии Шамаде [12, с. 370, 471]. Известно о действиях в этом плане и кулацких объединений Амурского казачества в устье р. Амур.

Общее представление о названных группировках, их распределении по территории Дальнего Востока дает таблица 2.

Табл. 2. Формирование и распределение бандгрупп по территории Дальнего Востока (первая половина 1930-х годов)

Table 2. Formation and distribution of bandit groups throughout the Far East (first half of the 1930s)

№ п/п	Наименование административных единиц	Внутренние банд-группировки, число участников	Закордонные банд-группировки, число участников	Всего: группы, участники
1.	Охотский округ	2 (10 участн.)	-	2 (10 участн.)
2.	Приморская обл.	6 (42 участн.)	-	6 (42 участн.)
3.	Владивостокская обл. (приграничн. районы)	1 (17 участн.)	-	1 (17 участн.)
4.	Амурская обл.	15 (166 участн.)	2 (5 участн.)	17 (171 участн.)
5.	Всего:	24 (235 участн.)	2 (5 участн.)	26 (240 участн.)

Источник: «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. М., 2017. С. 5-71.

Source: "Top Secret": Lubyanka - Stalin about the situation in the country (1922-1934). Vol. 10. Part 2. Moscow, 2017. Pp. 5-71.

Многие из участников подобных движений были арестованы уже в середине 1930-х, пополнив лагеря заключенных. В этот период в лагерях Дальнего Востока находились 24 510 заключенных, 5000 из них трудились на линии Карымская-Уруш [12, с. 252].

Вторая половина 1930-х годов была отмечена также очередным принудительным переселением с территорий как Камчатки, так и Сахалина. «Совершенно секретно, - писал Нарком внутренних дел Н. Ежов председателю СНК В.М. Молотову 25 октября 1937 г., - выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено было 171 178 человек» [ГАРФ. Ф.5446. Оп.29. Д.48. Л.7]. Осталось на ДВК, Камчатке, в Охотске до 700 спецпереселенцев, которые будут выселены сборным эшелоном до 1 ноября того же года [1, с. 112].

Таким образом, если исходить из указаний Ежова в адрес главы Управления НКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова¹, то корейцам оставалась неделя для сборов. Но из-за сложных погодных условий это мероприятие принимало несколько затянувшийся характер. Поэтому и в ноябре 1937 г. продолжалось принудительное переселение корейцев.

Что касается корейцев острова Сахалин, то они направлялись на сборный пункт во Владивосток 18 октября 1937 г. Их было 1196 граждан. Из Хабаровска и области первый эшелон с 2300 взрослых граждан и 1090 детей, то есть 3390 человек, отправились на

¹ Не того ли господина японского консула в гор. Петропавловск-Камчатский Ямагучи (ведал делами торговли пушниной с иностранцами) присвоил себе имя, по данным главы НКВД СССР Н.И. Ежова, «лучший чекист» Союза ССР Генрих Генрихович Люшков, когда он в 1938 г. предал Родину, бежал в Маньчжурию, затем в Японию. Находясь в Японии, он выступил с разоблачительными статьями о происках НКВД СССР и Сталина, был назначен советником 2 отдельного штаба Квантунской армии под именем Ямагучи Тосикадзу.

По данным Н.Н. Аблажея, Г. Люшков в течение семи лет работал консультантом по Советскому Союзу в различных подразделениях японской военной разведки в Японии и Маньчжурии. Позднее он был уничтожен сотрудниками японской военной миссии. В ноябре 1945 г. бывший начальник военной миссии в Дайрене показал на допросе, что он «лично застрелил Люшкова» (Аблажей Н.Н. С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 121).

спецпоселение 24 сентября. К решению задачи по корейцам Камчатской области и Охотска (он был в составе Николаевского округа) приступили в ноябре. Теперь же вопрос касался 700 граждан корейской национальности. Вероятно, что они были доставлены в Петропавловск-Камчатский и очередным транспортом отправлялись на «большую землю», во Владивосток, а далее по намеченному маршруту - в Казахскую ССР и республики Средней Азии.

Такой была реальность и событийный ряд на Камчатке в 1920-1930-е годы, один из сложнейших периодов становления республики Советов. Камчатка, как отдаленный от центра край, переживала те же трансформации, что и другие регионы страны. Однако народы, расселенные на территории области, стремились изменить порядок, отказаться от сложившихся стереотипов, установить связи с другими регионами страны, строить и созидать, отстаивать территорию для более удобного проживания в суровых условиях Севера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев) / ред. М.Н. Губогло. - М.: ЦИМО, 1998. - С. 112.
2. Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. - Владивосток, 1994.
3. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
4. Дальневосточная Республика. Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922 г.). Ч. 2. - Владивосток, 1993.
5. Дальневосточный путь. 14 ноября 1921; Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - февраль 1922 г.). Ч. 2. Ноябрь 1920 - ноябрь 1921 г. - Владивосток: Дальнаука, 1993. - С. 257-258.
6. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг: Сборник документов / ред. Н.И. Рябов. - Хабаровск, 1957. - С. 65-66.
7. Мухачев Б.И. Борьба за власть Советов на Камчатке. - Петропавловск-Камчатский, 1979.
8. Мухачев Б.И. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 г. // Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Вып. 1, 1960.
9. Ревкомы Северо-Востока СССР. (1922-1928 гг.). Сборник документов и материалов. - Магадан, 1973. - С. 153.
10. Ревкомы Северо-Востока СССР (1922-1928 гг.). - Магадан, 1973.
11. Серебрякова М.П., Зибарев В.А. Начало советского строительства среди малых народов Дальнего Востока (1922-1926 гг.) / Сборник научных трудов Томского электромеханического института железнодорожного транспорта. Т. XXVI. - Тайга, 1958.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. - М., 2017. - С. 370, 471.
13. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. - М., 2001. - С. 256.
14. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. - М., 2002. - С. 194.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 8. Ч. 1. - М., 2008. - С. 442-444.
16. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 9. - М., 2013. - С. 390.
17. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 4. 1935-1939. - М.: РОСПЭН, 2012. - С. 117.
18. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. - Владивосток, 1972. - С. 156.
19. Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. - Томск, 1964.
20. ЦК РКП(б) - ВКП(б) и национальный вопрос. - М.: РОСПЭН. 2005. - С. 20.

REFERENCES

1. Bugay N.F. Social naturalization and ethnic mobilization (the experience of Russian Koreans). Moscow: TsIMO, 1998, P. 112 / Ed. M.N. Guboglio.
2. Questions of the history of the Civil War and intervention in the Far East. Collection of scientific papers. Vladivostok, 1994.
3. Far Eastern policy of Soviet Russia (1920-1922). Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1996.
4. The Far Eastern Republic. Becoming. The struggle against intervention (February 1920. November 1921 Vladivostok: Dal'nauka, 1993. Pp. 257-258.
5. Far Eastern way. November 14, 1921. Published also in the Far Eastern Republic. Becoming. The struggle against intervention (February 1920. February 1922). Part 2. November 1920. November 1921 Vladivostok: Dal'nauka, 1993. Pp. 257-258.
6. Dalrevkom. The first stage of peaceful Soviet construction in the Far East. 1922-1926 Collection of documents. Khabarovsk, 1957. Pp. 65-66. Ed. N.I. Ryabov
7. Mukhachev B.I. The struggle for power of the Soviets in Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1979.
8. Mukhachev B.I. Establishment of the people's revolutionary power in Kamchatka in 1920. Proceedings of the Central State Archives of the RSFSR of the Far East. Issue. 1. T., 1960.
9. Revcoms of the North-East of the USSR. (1922-1928). Collection of documents and materials. Magadan, 1973. P. 153.
10. Revcoms of the North-East of the USSR. (1922-1928 gg.). Magadan, 1973.
11. Serebryakova M.P., Zibarev V.A. The beginning of Soviet construction among the small peoples of the Far East (1922-1926 gg.). Collection of scientific works of the Tomsk Electromechanical Institute of Railway Transport. T. XXVI. Taiga, 1958.
12. "Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922-1934). Vol. 10. Part 2. Moscow, 2017. Pp. 370, 471.
13. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 1. Part 1. M., 2001. P. 256.
14. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 3. Ch. 1. M., 2002. P. 194.
15. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 8. Part 1. M., 2008. Pp. 442-444.
16. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 9. M., 2013. P. 390.
17. "The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. Documents and materials in 4 volumes. T. 4. 1935-1939. Moscow: ROSSPEN, 2012. P. 117.
18. Unpelev G.A. Socialist industrialization of the Far East. Vladivostok, 1972. P. 156.
19. V. Flerov. The construction of Soviet power and the fight against foreign expansion in Kamchatka. Tomsk, 1964.
20. CC RCP (b) - VKP (b) and the national question of Moscow: ROSSPEN. 2005. P. 20.

Информация об авторе:

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена: 04.03.2018

Для цитирования: Бугай Н. Ф. Проблемы далекого и близкого Камчатского края 1920-1930-е годы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. 11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27.

Information about the author:

Nikolai F. Bugai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 04.03.2018

For citation: Bugai N.F. Problems of the far and near Kamchatka region from the 1920s - 1930s years. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 2-2. Pp. 11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27. (in Russ)

УДК 947.1(575.2):39

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-28-33

Mouratbek Ch. KOZHOBKOV
Kirghizstan-Turkey Manas University
Bishkek, Kirghizstan
k_murat2001@mail.ru

КОЖОБЕКОВ Муратбек Чалакеевич
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
г. Бишкек, Кыргызстан
k_murat2001@mail.ru

STATE APPARATUS IN THE KIRGHIZ KHAGANATE

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ В КЫРГЫЗСКОМ КАГАНАТЕ

In this article are being observed the role and the meaning, and the structure of the state's structure during the Kirghiz Khaganate. The state's governmental structure plays a great role in the the implementation of state power and its functionality which can determine the level of society development. In the historical science there is no ambiguous assessment of the history of the Kirghiz Republic state's administration. Some historians are hesitating question on the Chinese authors' reports on the structure of power in the Kirghiz state. However, the results of comparison the Chinese sources with the materials of Yenisei runic writing make it possible to assess positively the presence of public administration in the Kirghiz Kaganate. The apparatus of the Kirghiz Kaganate state administration was created by analogy Tang China, but at the same time there are some features in the structure and titles of power. Apparently, this moment contains the result of adaptation of the foreign origin power organization to local conditions.

В статье рассматривается роль и значение, а также структура аппарата государственного управления в Кыргызском каганате. Аппарат управления играет важную роль в осуществлении государственной власти, и по ее функциональности можно определить уровень развития общества. В исторической науке нет однозначной оценки истории создания государственного аппарата управления у кыргызов. Некоторые историки ставят под сомнение сообщения китайских авторов о структуре власти в кыргызском государстве. Однако результаты сопоставления китайских источников с материалами Енисейской рунической письменности дают возможность положительно оценить наличие органов государственного управления в Кыргызском каганате. Аппарат государственного управления в Кыргызском каганате был создан по аналогии с Танским Китаем, но в то же время имеются некоторые особенности в структуре и титулатуре власти. Видимо, данный момент содержит результат адаптации властной организации иностранного происхождения к местным условиям.

Keywords: Kirgiz, Kirgiz khanate, Tang China, state administration, government, Qaghan, van, total, minister, title

Ключевые слова: кыргыз, Кыргызский каганат, Танский Китай, государство, аппарат управления, власть, каган, ван, тутук, министр, титул

As the Kirghiz country was governed by a Qaghan in the Middle Ages scholars define the Kirghyz state by the term "khaganate". However, there are contradictory facts in history which may add clarification to the name of the Kirghiz country. The fact of giving states the names connected with the leader title is frequent in the history, for example, the state names Kingdom of Franks, Duchy or Kingdom of Rus' are known to be given according to the power type and the title of the state governor. Particularly this tendency is typical for the states of the middle ages.

The Turkic (T'u-chueh) and Uighur states in Central Asia were called khaganate according to the form of power as well. If to analyze the power system of the Kirghiz country we face some doubts about the propriety of the term "khaganate" usage otherwise there is a necessity of clarifying the state name. These doubts first of all come from the data connected with the Kirghiz state power system and state governor's title. The Kirghiz country's government power apparatus along with a governor's title were entirely different from other Turkic-speaking peoples' states. According to Chiu T'ang-shu written sources the state structure of the Kirghiz Khaganate was formed similarly to the government power apparatus of Tan in the Chinese Empire. The particular attention should be paid to the fact that there was no such a government structure among the Turkic-speaking states. A number of scholars expressed concern about the peculiarities observed in the Kirghiz state. A.N. Bernshtam analyzed the following information taken from Chinese written sources: "Lord's home is protected, consists of cabins with kiyiz (felt rugs) and called Midichji. Lower chiefs live in small cabins. The army is formed from all clans. Dependent peoples pay taxes by lynx and squirrels' fells" [5, p. 352] and came to the conclusion that the Chinese in order to understand other peoples' social structure put punishment according to their own development level [3; p. 75; pp. 290-291]. In addition A.N. Bernshtam had some doubts about the data written in Chinese written resources: "lower chiefs are divided into six

layers, they are ministers, senior chiefs, leaders, clerks, chiefs and daghans". There are seven ministers, three senior chiefs, ten leaders. All of them are responsible for army control. The number of clerks is fifteen; chiefs and daghans are out of power" [5, p. 352]. As there is no such information in the Kirghiz runic texts the scholar considers them as temporary news and generally contradicts the written sources data [4, p. 189].

Indeed it is easy to negate some information due to the insufficient amount of data. However it is necessary to keep in mind that each source has great informational significance. Undoubtedly the Chinese author who described the Kirghiz state's government power structure relied on the sources and people with the sense of responsibility. In addition it is possible to notice some similarities between the informational sources describing the Kirghiz state's government power structure made by the Chinese author causing A.N. Bernshtam's doubts and runic monuments. Now we will try to analyze all the problems mentioned above.

The distinctive feature of the Kirghiz state political structure is naming the state leader differently in different languages. In the Kirghiz runic written monuments the state leader is called "khan" <...> "kan". Apparently in the Kirghiz political terminology the name "khan" was used to show the highest power leader. For example they called the Chinese emperor Tabgach khan, Tibetan tsenpo - Tuput khan [11, pp. 29, 57 - 58; 7, pp. 262-266].

If we take the Orhon texts devoted to Turkic rulers "a strong Qaghan of the Kirghiz" has been mentioned *Qyrqyz küč (lig) qayan* [10, p. 62; 21, p. 106]. In the Chinese sources it is written that *if the state ruler is called Ajo (governor) he is titled as Ajo* [5, p. 352]. It is also known that according to the Chinese sources sometimes the Kirghiz governor was called *van*, in other cases *keghan'* [12, p. 282; 15, p. 67-68]. In the works of Arab-Persian authors the Kirghiz leader was named *hirhiz hakany* [13, p. 41] *Khirkhiz-khaqan* <...> *Qirqiz-khan* [20, p. 259].

According to the present-day scientific research results the term "Qaghan" used in government system of the Turkic-speaking ethnos was borrowed from Juan-juan vocabulary. Later it turned into the highest government title of the Turkic and Mongolian peoples. There is one more particularly significant issue for the science related to the Muslim scholars' ideas about the Qaghan title. For example al'-Biruni determined the title "hakan" analogically with the Turkic, Hazar and Toquzghuz's title "malik (han)" (Biruni, 1957: 183). Al-Horezmi mentioned that the term "qhan" appeared from the term "hakan" [14, p. 135].

So, in accordance with the language peculiarities perception of different peoples the fact that the Kirghiz Khaganate government leaders were called "self-serving power" in different ways has been testified in written sources. The Kirghiz people's naming their governor "qhan" was equal to the "qaghan" title used by the Turkic-speaking peoples.

In accordance with the idea of the sinologist E.I. Kychanov among, all the Turkic-speaking Khaganates the Kirghiz government power apparatus was very similar to the Chinese administrative structure [9, p. 65]. If to rely E.I. Kychanov's investigation the Kirghiz Khaganate lower chiefs division into six layers named "*lyu den*" converges with the "*lyu bu*" (six ministries) system used in the government system of the Tang dynasty [9, p. 65].

The "six layer" division consisted of ministries of management, ceremonial, justice (punishment system), finance, and personnel, military and public activities [5, p. 352; 9, p. 65; 8, p. 56]. N.V. Kyuner translated the oral records *Tai Chi Ping Huanyuy* and introduced the titles of *Ju - Syanb, du - du, Chiang - chun, da - qian* [8, p. 56].

According to E. I. Kychanov's idea such a government apparatus system was a "particularly flexible well-tested system and would able to meet all state requirements even at present time" [9, pp. 65-66].

Similarly to the Chinese Tang the Kirghiz government was ruled by "*zaixiang*" (chancellor, vizier, Prime Minister). There were seven *zaixiangs* in the country and each of them ruled local regions in the state. One of seven *zaixiangs* was considered to be the chief while the rest ruled separate "dans".

The process of ruling six dans by six *zaixiangs* is particularly harmonious with the lines in the Kirghiz records «*alty bag budunka bag artim*» which means "*I was a headman (bek) in six regions*". In the Uyuk Tarlac records the epitaph hero's name was El Tugan with a title "*tutuq*" (*totoq*) [11, p. 11]. The title of "*tutuq*" used by the Turkic-speaking ethnos appeared from the an-

cient Chinese term “*tu-tu*” (*tu-o-tuok*). According to Ecsedy’s idea the Turks mastered this Chinese title in their government system till 558 [18, p. 85]. In the Kirghiz records it is written as “*tutk*” and “*tutuk*” in full. The Kirghiz might have accepted this title “*Tuo-tuok*” from the Turkic-speaking peoples. If to pay attention to the “*tutuk*” term’s distribution area it is necessary to mention that this term had been widely spread in a settled field.

In the Chinese written sources it is written about three supreme authority leaders [5, p. 352]. E. I. Kychanov regards them as “*tutuktuk*” or three administrative divisions [9, p. 65].

In accordance with the information mentioned above the Kirghiz Khaganate was formed of “*alty bektik*” (six regions ruled by bek (headman)); at the time it was joined into three “*tutuktuk*” (administrative division). The triple system was suitable for the Central Asian nomadic government system and met the military-administrative requirements. For the peoples leading nomadic and semi nomadic lifestyle the triple system was historically well-tested and served as a union for the flexible government coordination. The results of the Kirghiz runic records analysis basically have strengthened the main point of view mentioned above. According to the forth Chakul hero records it was testified that the state was “red flag tutuk” and he was not satisfied with his Heaven state, his beks (leaders) [11, pp. 38-39].

Due to the information mentioned above we may note that “*alty bektik*” (six regions ruled by “*beks*” (headmen)) was formed based on the local generic principles; the triple (“*uch tutuktuk*”) government system was formed with the help of the military-administrative right, left and central alliance.

Due to the Kirghiz runic records analysis it was determined that the “*tutuk*” title was the highest in the supreme power of the Kirghiz khaganate. The Kejilig-hobu records hero Komul Oge described his way to the throne in the following way: “I became the counselor of state (“*oge*”) at the age of thirty. When I was forty I got the title of Tutuk and started to govern my people” [11, pp. 81-82].

In the Kirghiz khaganate the people of higher position (egeler) were different from ordinary people. The title of Tutuk was given to a person worthy of this post by the Khan and as a symbol of power he was given a white golden belt» [11, pp. 94-95].

It is possible that the title of “*Oge*” denoted the counselor in the central and local state administration [2, p. 99].

In the Ancient Turkic Dictionary vocabulary the term “*Oga*” is interpreted as - sage, thinker [6, p. 379]. According to scholars’ opinion Og Ug (Uga) “Өг” = “ҮГЪ” (ҮГЪА) denotes sage, arbiter, workman See [2, p. 99]

In the Kirghiz state the local authorities’ activities were controlled by the “*chji shi*” - observers from the central government system [5, p. 353; 9, p. 65]. The term mentioned in the Chinese titles converges with the title “*chigshi*” in the Kirghiz runic written records. This title appeared from the Chinese title of “*tsy shi*” [18, p. 86]. In the Chinese sources they controlled the provinces’ activities with the emperor’s order.

The Chinese title of “*Tsy-shi*” *tz’ü - shih* (*ts’iäk - ši*) - *čegši* [11, p. 45; 18, pp. 86-87] was accepted in the Kirghiz government system as “*chigshi*”.

For the country with social, political, and economical systems the statistical service plays an important role. In addition, to conduct internal and external policy of the Kirghiz Khaganate the Chjanshi Secretariat consisting of fifteen people [5, p. 353; 9, p. 55; 16, p. 164] worked. In the historical literature the “*chzhanshini*” were translated as a chief Secretary [16, p. 164].

This title was accepted by the Turkic and Mongolian peoples as *chang - shih* (*tiang - ši*) *čänši* [18, p. 88]. In the Kirghiz runic records the title of *Čänši* is written as “*Chanshy*” [11, pp. 60-61]. Some turkologists regard this term as a name of a person [6, p. 139]. H.N. Orkun reads a term defining the Uibat records’ hero as a person name as well. [21, pp. 552-553].

Nevertheless according to the Uibat written records the name “*chanshy*” denotes the important title in the Kirghiz khanate. In accordance with E. I. Kychanov’s investigation the Chjanshi Secretariat in the Kirghiz Khaganate consisting of fifteen people occupied higher position in the state rather than secretaries at present time [9, p. 65].

In the Kirghiz Khaganate the tax policy was controlled by tarkans, their amount was not clarified in the written sources [5, p. 353]. All the people of the Kirghiz state paid taxes to the

central government. Also all the young men were obliged to join the army. Perhaps the men who reached the adult age paid taxes and according to their amount the number of "tarkans" serving the state was estimated.

The soldiers were led by famed "sanuns". J. Hamilton notes that Turkic peoples borrowed this title from the Chinese *Jianjun* title by changing the form *tsiang* - *kiun*, *tsiang* - *kjuan* into *Saun/ Sänün*. In accordance with his words the title of *Sanun (Saun)* denotes "general"[19, p. 155]. F. W. Cleaves considers this term as it is known that the Chinese title "Tsiang-kiun" turned into *jangjun* - «general» in the Mongolian military terminology [17, p.23].

In general, having summarized all the facts mentioned above we may conclude that the Kirghiz Khaganate became a centralized state. The formation of state government structure according to its agricultural and cultural type allowed the country potestades process to develop without any changes. The excellent knowledge of the state leaders in educational and personnel policies served to keep even balance of the power structure and strengthen intergovernmental relations between the Kirghiz Khaganate and Central Asian developed states.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бируни А.Р. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. - Ташкент: Изд-во АН Уз.ССР, 1957. - 487 с.
2. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисейка. - Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. - 249 с.
3. Бернштам А.Н. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Инв. № 128. - 334 с.
4. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II / Сост. К. Ташбаева, Л. Ведутова. - Бишкек: Айбек, 1998. - 704 с.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - 379 с.
6. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. - 677 с.
7. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников) // *Turkologica*. - Л., 1976. - С. 258-267.
8. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М.: Изд-во вост. лит., 1961. - 392 с.
9. Кычанов Е.И. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991. - С. 64-66.
10. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - 452 с.
11. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - 116 с.
12. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. - Новосибирск: Наука, 1989. - 432 с.
13. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I / Отв. ред. В.А. Ромодин. - М.: Наука, 1973. - 280 с.
14. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М.: Наука, 1990. - 266 с.
15. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун Хойчан Ипиинь Цзи». Изв. АН Кирг.ССР. Сер. обществ. наук. - Фрунзе, 1963. - Т. 5. - Вып. 1. - С. 67-81.
16. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. - М.: Наука, 1968. - 178 с.
17. Cleaves F.W. The Colophon to the Bolor Erike // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. - 1968. - Vol. 28. - Pp. 5-43.
18. Ecsedy H. Old Turkic Titles of Chinese Origin, *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. - 1965. - Vol. 18. - No. 1/2. - Pp. 83-91.
19. Hamilton J.R. Les Ouïghours À l'époque des Cing Dinasties. D'après Les Documents Chinois. - Paris: Presses universitaires de France, 1955. - XI. - 201 p.

20. Minorsky V. Addenda to the Hudud al - Alam, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. - 1955. - Vol. 17. - No. 2. - Pp. 250-270.
21. Orkun H.P. Eski Türk Yazitlari. - Ankara, 1988. - 962 p.

REFERENCES

1. Biruni A.R. Izbrannye proizvedeniya. [Selected works.]. Tom 1. Pamyatniki minuvshih pokolenij. Tashkent: Izd-vo AN Uz.SSR, 1957. 487 p. (In Russ.).
2. Batmanov I.A., Aragachi Z.B., Babushkin G.F. Sovremennaya i drevnyaya eniseika. [Modern and ancient Yeniseika]. Frunze: Izd-vo AN Kirg. SSR, 1962. 249 p. (In Russ.).
3. Bernshtam A.N. Istoriya kyrgyz i Kyrgyzstana s drevnejshchih vremen do mongol'skogo zavoevaniya. [The history of Kyrgyzstan and Kyrgyzstan from ancient times to the Mongol conquest]. Rukopisnyj fond Nacional'noj Akademii nauk Kyrgyzskoj Respubliki, Inv. No. 128. 334 p. (In Russ.).
4. Bernshtam A.N. Izbrannye trudy po arheologii i istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana. [Selected works on archeology and history of Kyrgyz and Kyrgyzstan]. T. II, Sost.: K. Tashbaeva, L. Vedutova. Bishkek: Ajbek, 1998. 704 p. (In Russ.).
5. Bichurin N.Ya. Sobranie svedenij o narodah, obitavshchih v Srednej Azii v drevnie vremena. [A collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. T. 1. M.; L.: Izd. Akademii Nauk SSSR, 1951. 379 p. (In Russ.).
6. Drevnetyurkskij slovar. [Ancient Turkic dictionary]. L.: Nauka, 1969. 677 p. (In Russ.).
7. Klyashtornyj S.G. Stely Zolotogo ozera (K datirovke enisejskih runicheskikh pamyatnikov). [The stelae of the Golden Lake (To the dating of the Yenisei runic monuments)]. Turkologika. L., 1976. Pp. 258-267. (In Russ.).
8. Kyuner N.V. Kitajskie izvestiya o narodah Yuzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka. [Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. M.: Izd-vo vost. lit., 1961. 392 p. (In Russ.).
9. Kychanov E.I. Apparat upravleniya u enisejskih kyrgyzov (po kitajskim svedeniyam). [Office of management of the Yenisei Kyrgyz (according to Chinese sources)]. Istochniki po srednevekovoj istorii Kyrgyzstana i sopredel'nyh oblastej Srednej i Central'noj Azii. Bishkek, 1991. Pp. 64-66. (In Russ.).
10. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1951. 452 p. (In Russ.).
11. Malov S.E. Enisejskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody [The Yenisei script of the Turks. Texts and translations]. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1952. 116 p. (In Russ.).
12. Malyavkin A.G. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii: Teksty i issledovaniya [Tang chronicles about the states of Central Asia: Texts and research]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432p. (In Russ.).
13. Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Vyp. I. Otv. red. V.A. Romodin. M.: Nauka, 1973. 280 p. (In Russ.).
14. Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza. [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. M.: Nauka, 1990. 266 p. (In Russ.).
15. Suprunenko G. P. Dokumenty ob otnosheniyah Kitaya s enisejskimi kyrgyzami v istochnike IX veka «Li Vehj-gun Hojchan Ipii' Czi». [Documents on China's relations with the Yenisei Kyrgyz in the source of the Century "Li Wei-gun Hohan Ipi Ji"]. Izv. AN Kirg.SSR. Ser. obshchestv, nauk. Frunze, 1963, t. 5, vyp. 1. Pp. 67-81. (In Russ.).
16. Taskin V.S. Materialy po istorii syunnu. [Materials on the history of the Huns]. Vyp.1. M.: Nauka, 1968. 178 p. (In Russ.).
17. Cleaves F.W. The Colophon to the Bolor Erike. Harvard Journal of Asiatic Studies, 1968. Vol. 28. Pp. 5-43. (In Eng.).
18. Ecsedy H. Old Turkic Titles of Chinese Origin, Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Vol. 18, No. 1/2 (1965), pp. 83-91. (In Eng.).
19. Hamilton J.R., Les Ouïghours À l'époque des Cing Dynasties. D'après Les Documents Chinois, Paris: Presses universitaires de France, 1955. XI, 201 p. (In French).
20. Minorsky V. Addenda to the Hudud al - Alam, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 17, No. 2 (1955), pp. 250-270. (In Eng.).
21. Orkun H. P. Eski Türk Yazitlari. Ankara, 1988. 962 p. (In Turk.)

Information about the author:

Mouratbek Ch. Kozhobekov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kirghizstan-Turkey Manas University,
Bishkek, Kirghizstan
k_murat2001@mail.ru

Received: 25.03.2018

For citation: Kozhobekov M.Ch. State apparatus in the Kirghiz khaganate. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 2-2. Pp. 28-33. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-28-33. (in Russ)

Информация об авторе:

Кожобеков Муратбек Чалакеевич, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
г. Бишкек, Кыргызстан
k_murat2001@mail.ru

Получена: 25.03.2018

Для цитирования: Кожобеков М.Ч. Государственный аппарат в Кыргызском каганате. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.28-33. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-28-33.

***Социологические
и гуманитарные науки***

***Sociological
and Humanities Sciences***

УДК 316.42

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-37-43

АРТАМОНОВА Виктория Владимировна
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Россия
viktoria.v.artamonova@yandex.ru

Viktoriia V. ARTAMONOVA
Baikal State University
Irkutsk, Russia
viktoria.v.artamonova@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ГЕЙМИФИКАЦИИ В XXI ВЕКЕ

GAMIFICATION CONCEPT DEVELOPMENT IN THE XXI CENTURY

Игровой процесс является основным инструментом развития и становления личности, который заложен в человеке самой природой [1]. Игра сопровождает людей на протяжении всей их жизни. Основная функция игр - вовлеченность: с одной стороны, игра может удовлетворить стремление индивида к каким-либо потребностям, приобретенным индивидуальным опытом, с другой - пробудить интерес к чему-либо. Интерес к концепции геймификации с научной точки зрения был обусловлен развитием компьютерного обучения в конце XX в. и использованием в процессе обучения игровых элементов. Однако в последние годы сфера применения геймификации расширилась. К наиболее актуальным сферам применения концепции в настоящее время относят системы отслеживания показателей работы сотрудников, управления инновациями, образования, личностного развития и взаимодействия с клиентами. В связи с этим многие ученые признают необходимость дополнительных исследований в этой области для достижения организациями положительных результатов от использования геймифицированных систем. В рамках статьи предпринята попытка определить место геймификации в науке, степень ее влияния на различные социальные и экономические аспекты действительности. Рассматривается влияние исторической ретроспективы на прикладной аспект использования концепции геймификации на современном этапе развития.

Gameplay is the main instrument of development and formation of the personality, which is inherent in the person by the nature itself [1]. The game accompanies people throughout their lives. The main function of games - involvement: on the one hand, the game can satisfy the desire of the individual to any needs acquired by individual experience, on the other hand-to awaken interest in anything. Interest in the concept of gamification from a scientific point of view was due to the development of computer training at the end of the 20th century and the use of game elements in the learning process. However, gamification has expanded in recent years. The most relevant areas of application of the concept currently include systems for tracking employee performance, innovation management, education, personal development and customer interaction. In this regard, many scientists recognize the need for additional research in this area to achieve positive results organizations from the use of gamified systems. The article attempts to determine the place of gamification in science, the degree of its influence on various social and economic aspects of reality. The influence of historical retrospective on the applied aspect of the gamification concept at the present stage of development is considered.

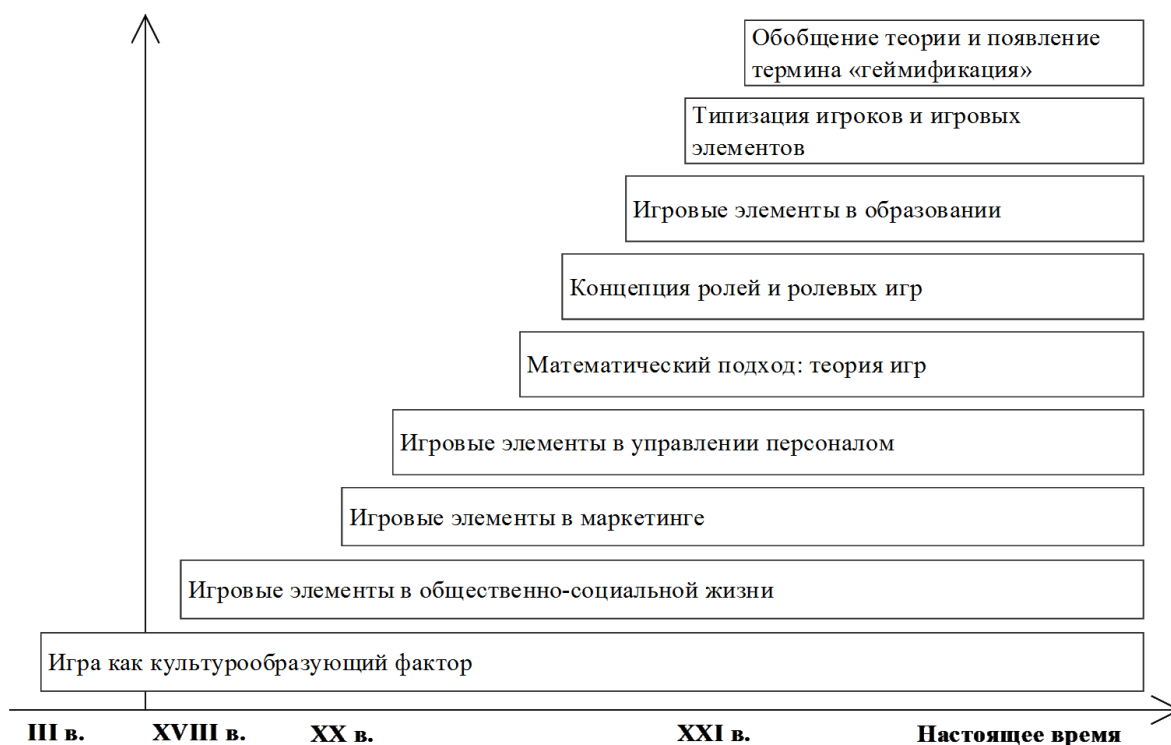
Ключевые слова: геймификация, исторические аспекты, вовлеченность, этапы развития, игровые элементы в образовании, типизация игроков

Keywords: gamification, historical aspects, involvement, stages of development, game elements in education, classification of players

На протяжении последних лет геймификация является предметом изучения во многих научных областях. В настоящее время данная концепция продолжает развиваться и как новый тренд информационного мира получила свое распространение в экономической, образовательной, политической и социальной сферах общества.

Обладая такими характеристиками, как применение игровых элементов и игрового мышления в неигровых контекстах, введение дополнительных игровых правил в любую деятельность, мгновенная обратная связь, вовлеченность и добровольность, геймификация выступает средством повышения внутренней мотивации желаемого поведения пользователей или потребителей в решении стратегических задач организации. В течение многих лет игры способствовали прогрессу в самых разных областях (рис. 1). Широкие возможности геймификации позволяют использовать ее в прикладных разработках [2].

Рис. 1. Этапы развития и формирования концепции геймификации
 Fig. 1. Stages of development and formation of the gamification concept

Источник: составлено автором.

Source: completed by the author.

Для анализа динамики развития концепции геймификации в статье будут рассмотрены основные этапы ее формирования, начиная с конца XX в.

1. Игровые элементы в образовании (конец XX в. - наст. время)

По мере того, как компьютерные игры становились все более широко распространенными в обществе, ученые, занимающиеся вопросами образования, стали задумываться об их использовании в целях повышения качества обучения. Первым исследователем, кто начал рассматривать игры с точки зрения побуждения и мотивации пользователей критически мыслить и решать проблемы, стал Т. Мэлоун. В 1980 г. ученый опубликовал ряд научных статей о зарождающейся области дизайна видеоигр. Игры он понимал как источник «эвристике для приятных интерфейсов» и считал, что с их помощью дети могут учиться [3, с. 9].

Т. Мэлоун доказал [4], что мотивация игроков зависит от баланса таких поведенческих факторов, как вызов, фантазия, любопытство и контроль. Именно эти факторы легли в последующем в основу создания ряда образовательных игр, например, «The Oregon Trail» (1971 г.), «Where in the World Is Carmen Sandiego?» (1985 г.). Позже были проведены более углубленные исследования, посвященные коммерческим и развлекательным играм для массового потребления [5]. В своих исследованиях авторы сошлись во мнении, что даже такие компьютерные игры, как, например, Tomb Raider, могут содержать в себе встроенные обучающие механизмы.

Журналист Дж. Гарро в своей статье [6], посвященной анализу функций игр, отмечает, что «даже такие простые компьютерные игры, как Minesweeper и Solitaire, используются не просто для получения удовольствия, а включают в себя образовательную составляющую - обучают пользователя навыкам интерфейса. Microsoft включила игру Solitaire в Windows, чтобы успокоить людей, которые боятся работать в операционной

системе. А такая простая игра, как Solitaire, позволила пользователю делать с компьютером что-то знакомое и забавное, а также научила их пользоваться мышью».

2. Типизация игроков и игровых элементов (конец XX в. - наст. время)

Впервые термин «геймификация» был употреблен в 1980 г. британским писателем и доктором по искусственному интеллекту Р. Бартлом [7, с. 68]. Однако под этим термином понимались совсем не те характеристики, какие используют ученые сейчас при формулировании этой категории. Геймификация по Р. Бартлу - использование игровых элементов для совместной работы пользователей.

Р. Бартл является одним из создателей первой многопользовательской онлайн-игры, основанной на текстовой информации, которая дала начало всей индустрии массово-многопользовательских игр. Его разработка не была направлена на обобщение всех игр без учета пользователей, но тем не менее стала полезным алгоритмом для понимания, зачем люди играют в игры. Роль ученого в этом проекте заключалась в разработке платформы с первыми элементами геймификации.

В 1996 г. на основе созданной платформы Р. Бартл разработал классификацию игроков видеоигр «Классификация типов игроков по Бартлу» (пер. «Bartle taxonomy of player types») [8]. В основе классификации лежит сегментирование всех игроков по психологическим типам: «накопители» (achievers), «киллеры» (killers), «исследователи» (explorers), «социальщики» (socializes). Данную типологию до сих пор используют многие разработчики игр разных стран. Например, технологическая компания Mail.Ru Group применяет ее в социальных сетях для оптимизации каталога игр под каждого пользователя.

Взаимодействие человека и компьютера способствовало появлению научного интереса к изучению различных аспектов пользовательского опыта, дизайна игр, вовлеченности и мотивации. Область использования элементов игрового дизайна в неигровых контекстах, продуктах и услугах для мотивации желаемого было принято называть «геймификацией».

3. Обобщение теории и появление термина «геймификация» (начало XXI в. - наст. время)

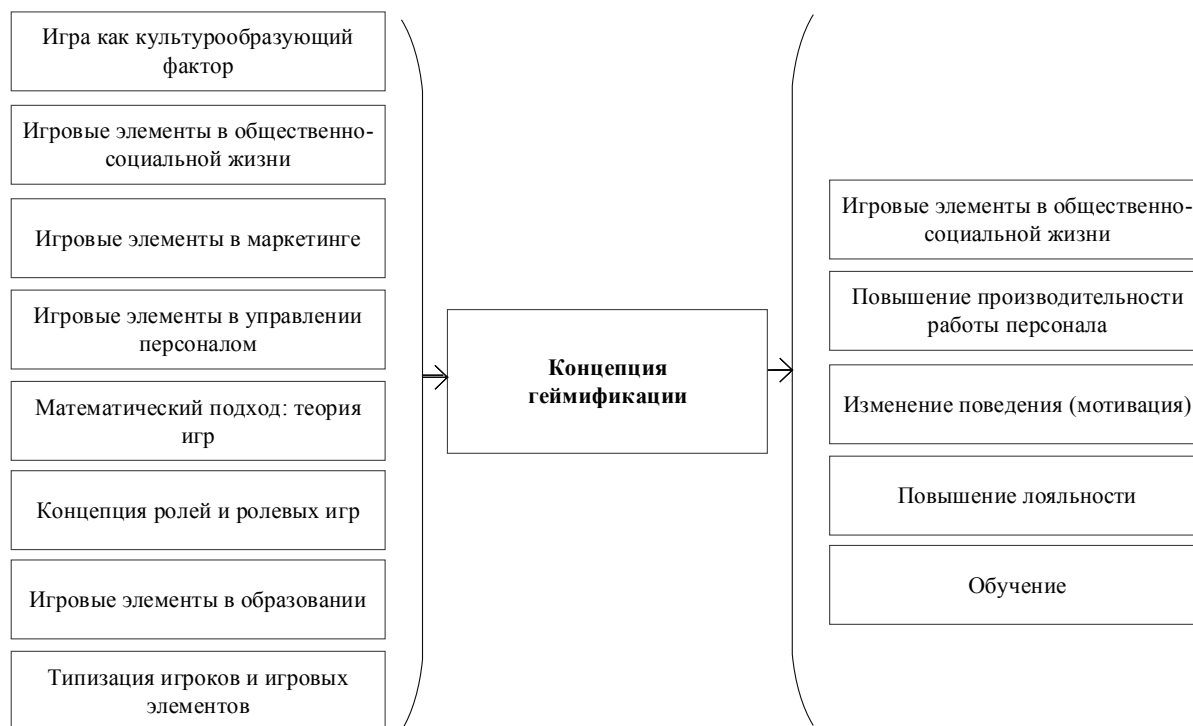
Впервые термин «геймификация» в современной интерпретации был использован в 2003 г. английским разработчиком и дизайнером игр Н. Пеллингом [9; 10; 11], который создал консалтинговую компанию «Conundra» для продвижения геймификации в сфере потребительских товаров. Несмотря на то, что компания закрылась, впервые была озвучена идея, что игровые механизмы и элементы можно применять не только к потребительским товарам. В своем профиле на meetup.com Н. Пеллинг отметил, что изобрел геймификацию слишком рано для понимания ее ценности обществом [12, с. 32].

В 2007 г. компания «Bunchball» (USA) при поддержке «Adobe Systems Incorporated» (USA) стала первым облачным программным сервисом с универсальной встроенной системой геймификации, элементы которой по выбору могли использовать организации для повышения лояльности клиентов [12, с. 32]. Помимо организаций, предлагающих геймифицированные платформы и оказывающих специализированные услуги, есть большое число тех, кто смог самостоятельно адаптировать концепцию геймификации к своим услугам.

Первое упоминание о геймификации в бизнесе появилось в англоязычной прессе в 2007 г. благодаря компании Mint.com (USA), создавшей один из лучших сервисов для управления персональными финансами [9, с. 116]. Основателям сервиса удалось сделать сайт о финансах и менеджменте знаменитым не только среди представителей финансовой и бизнес-сфер Канады, но и среди пользователей смартфонов всего мира - приложением воспользовалось более 13 млн человек. Компания предложила своим пользователям не просто мобильного бухгалтера, но и дополнительные игровые инструменты, делающие управление денежными средствами интересным и затягивающим процессом.

Рассмотрев основные события, способствовавшие формированию геймификации как концепции в 2010 г., отразим графически процесс ее становления с точки зрения практического применения (на рис. 2).

Рис. 2. Прикладной аспект использования концепции геймификации
Fig. 2. The applied aspect of using the concept of gamification

Источник: составлено автором.
Source: completed by the author.

До 2010 г. термин «геймификация» почти не использовался научным сообществом и в бизнес-среде. Это обусловлено тем, что только к 2010 г. был накоплен позитивный опыт реализации проектов по геймификации, а эффективные проекты, связанные с внедрением игровых элементов, привлекли внимание ученых и практиков к изучению данного инструмента [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19]. К наиболее актуальным сферам применения геймификации в настоящее время относят системы отслеживания показателей работы сотрудников, управления инновациями, образования, личностного развития и взаимодействия с клиентами.

Однако рост количества проектов с использованием геймификации сопровождается в ряде случаев проблемами с их реализацией и управлением [20]. Такая ситуация обусловлена недостаточной теоретической проработкой данной проблемы и является следствием отсутствующих апробированных алгоритмов и схем реализации геймифицированных проектов под различные цели и задачи бизнеса [17, с. 1934].

Главная задача геймификации заключается в использовании психологии игры. Желание получить удовольствие является одним из самых сильных мотивов, побуждающих человека увлеченно заниматься чем-либо. Поэтому, используя механизмы игры, игровые элементы и формируя игровое мышление, можно добиться вовлеченности сотрудников или клиентов, а также создать обучающую среду организации, формирующую новый опыт и новые способы решения проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. - СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2017. - 416 с.
2. Артамонова В.В. Исторические аспекты развития концепции геймификации // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - № 2/1. - Т.10. - С. 54-63. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-54-62.
3. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Khaled L. From game design elements to gamefulness: defining gamification // Proceedings of the 15th international academic MindTrek conference: Envisioning future media environments. - Tampere, Finland, 2011. - Pp. 9-15.
4. Malone T.W. What makes things fun to learn? A study of intrinsically motivating computer games (Cognitive and instructional sciences series). - United States: Xerox, Palo Alto Research Center, 1980. - 89 p.
5. Burke B. Gamification 2020: What Is the Future of Gamification? URL: <https://www.gartner.com/doc/2226015/gamification--future-gamification> (дата обращения: 10.01.2018).
6. Garreau J. Office minefield: Computers make work a lot easier. They make play easier too // The Washington Post. - 1994. - P. 1.
7. Werbach K., Hunter D. For the win: How game thinking can revolutionize your business. - United States: Wharton Digital Press, 2012. - 148 p.
8. Bartle R.A. Hearts, Clubs, Diamonds, Spades: Players Who Suit MUDs. - URL: <http://mud.co.uk/richard/hcds.htm> (дата обращения: 15.01.2018).
9. Копчева В.В., Замятина О.Г. Геймификация как технология внутрикорпоративных коммуникаций (на примере деятельности Барнаульского филиала ОАО Вымпелком) // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. - 2015. - № 13. - С. 114-122.
10. Martens A., Müller W. Gamification // Handbook of Digital Games and Entertainment Technologies. - Singapore: Springer, 2017. - Pp. 909-931. DOI: 10.1007/978-981-4560-50-4_66.
11. Маркеева А.В. Геймификация в бизнесе: проблемы использования и перспективы развития // Лидерство и менеджмент. - 2015. - № 3. - Т.2. - С. 169-190. DOI: 10.18334/lim.2.3.596.
12. Hägglund P. Taking gamification to the next level // Engineering and Technology. - Sweden, 2012. - URL: <https://goo.gl/NR8gQU> (дата обращения: 04.01.2018).
13. Алганаева М.П., Дагбаев Б.З., Карпикова И.С., Пензина О.Н. и др. Инновационное развитие человеческого капитала: мировой опыт и российская практика. - Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. - 130 с.
14. Солодова Н.Г., Васильева А.Н. Управление человеческими ресурсами: проблемы и перспективы развития // Baikal Research Journal. - 2015. - № 4. - Т.6. - URL: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=20270> (дата обращения: 06.01.2018). DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(4).14.
15. Зорина О.Ю., Поворина Е.В. Геймификация как феномен современного мира // Новое поколение. - 2016. - № 9. - С. 73-39.
16. Даалакян Э.А., Виниченко М.В. Элементы геймификации hr-брендинга // Новое поколение. - 2016. - № 9. - С. 51-55.
17. Маркеева А.В. Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. - 2015. - № 12. - Т. 16. - С. 1923-1936. DOI: 10.18334/гр.16.12.390.
18. Шаталова О. Геймификация. Зачем бизнес играет в игры? // Бизнес-журнал. - 2015. - С. 24-29.
19. Conaway R., Garay M.C. Gamification and service marketing // SpringerPlus. - 2014. - No. 1. - Pp. 653-664. DOI: 10.1186/2193-1801-3-653.
20. Анохов И.В. Игровой аспект экономики // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2013. - № 2. - С. 5-9.

REFERENCES

1. Kheyzinga Y. Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy. Opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury. [Homo Ludens. The playing man. Experience in determining the game element of culture]. Spb., 2017. 416 p. (In Russ.).

2. Artamonova V. V. Istoricheskie aspekty razvitiya koncepcii gejmifikatsii. [Historical aspects of the development of the gamification concept]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea. V. 10, No. 2/1. 2018. P. 54-63. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-54-62. (In Russ.).
3. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Khaled L. From game design elements to gamefulness: defining gamification. Proceedings of the 15th international academic MindTrek conference: Envisioning future media environments. Tampere, Finland, 2011. Pp. 9-15.
4. Malone T. W. What makes things fun to learn? A study of intrinsically motivating computer games (Cognitive and instructional sciences series). United States: Xerox, Palo Alto Research Center, 1980. 89 p.
5. Burke B. Gamification 2020: What Is the Future of Gamification? Available at: <https://www.gartner.com/doc/2226015/gamification--future-gamification> (accessed 10 January 2018).
6. Garreau J. Office minefield: Computers make work a lot easier. They make play easier too. The Washington Post. 1994. P. 1.
7. Werbach K., Hunter D. For the win: How game thinking can revolutionize your business. United States: Wharton Digital Press, 2012. 148 p.
8. Bartle R. A. Hearts, Clubs, Diamonds, Spades: Players Who Suit MUDs. Available at: <http://mud.co.uk/richard/hclds.htm> (accessed 15 January 2018).
9. Kopocheva V. V., Zamyatina O. G. Geymifikatsiya kak tekhnologiya vnutrikorporativnykh kommunikatsiy (na primere deyatel'nosti Barnaul'skogo filiala OAO Vimpelkom). [Gamification as technology of intra-corporate communications (by the example of activity of Barnaul branch of JSC VimpelCom)]. PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt = PR and advertising in a changing world: a regional dimension. No. 13. 2015. Pp. 114-122. (In Russ.).
10. Martens A., Müller W. Gamification. Handbook of Digital Games and Entertainment Technologies. Singapore: Springer, 2017. Pp. 909-931. DOI: 10.1007/978-981-4560-50-4_66.
11. Markeeva A. V. Geymifikatsiya v biznese: problemy ispol'zovaniya i perspektivy razvitiya. [Gamification in business: problems of use and prospects of development]. Liderstvo i menedzhment = Leadership and management. V. 2, No. 3. 2015. P. 169-190. DOI: 10.18334/lim.2.3.596. (In Russ.).
12. Hägglund P. Taking gamification to the next level. Engineering and Technology. Sweden, 2012. Available at: <https://goo.gl/NR8gQU> (accessed 04 January 2018).
13. Alganaeva M. P., Dagbaev B. Z., Karpikova I. S., Penzina O. N. et. al. Innovatsionnoe razvitie chelovecheskogo kapitala: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika. [Innovative development of human capital: world experience and Russian practice]. Irkutsk, 2016. 130 p. (In Russ.).
14. Solodova N. G., Vasil'eva A. N. Upravlenie chelovecheskimi resursami: problemy i perspektivy razvitiya. [Human resources management: problems and development prospects]. Baikal Research Journal. V. 6, No. 4. 2015. Available at: <http://brj-bgupe.ru/reader/article.aspx?id=20270> (accessed 06 January 2018). DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(4).14.
15. Zorina O. Yu., Povorina E. V. Geymifikatsiya kak fenomen sovremennogo mira. [Gamification as a phenomenon of the modern world]. Novoe pokolenie = New Generation. No. 9. 2016. Pp. 73-39. (In Russ.).
16. Daalakyan E. A., Vinichenko M. V. Elementy geymifikatsii hr-brandinga. [Elements of gamification hr-branding]. Novoe pokolenie = New Generation. No. 9. 2016. Pp. 51-55. (In Russ.).
17. Markeeva A. V. Geymifikatsiya kak instrument upravleniya personalom sovremennoy organizatsii. [Gamification as a tool of personnel management of modern organizations]. Rossiyskoe predprinimatel'stvo = Journal of Russian Entrepreneurship. V. 16, No. 12. 2015. Pp. 1923-1936. DOI: 10.18334/rp.16.12.390. (In Russ.).
18. Shatalova O. Geymifikatsiya. Zachem biznes igraet v igry? [Why does business play games]. Biznes-zhurnal = Business Journal. 2015. Pp. 24-29. (In Russ.).
19. Conaway R., Garay M. C. Gamification and service marketing. SpringerPlus. No. 1. 2014. Pp. 653-664. DOI: 10.1186/2193-1801-3-653.
20. Anokhov I. V. Igrovoy aspekt ekonomiki. [The gaming aspect of the economy]. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya Irkutsk State Economic Academy. No. 2. 2013. Pp. 5-9. (In Russ.).

Информация об авторе:

Артамонова Виктория Владимировна, ассистент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
viktoria.v.artamonova@yandex.ru

Получена: 07.04.2018

Для цитирования: Артамонова В.В. Развитие концепции геймификации В XXI веке. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. 37-43.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-37-43.

Information about the author:

Viktoriia V. Artamonova, Assistant, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russia
viktoria.v.artamonova@yandex.ru

Received: 07.04.2018

For citation: Artamonova V.V. Gamification concept development in the XXI century. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 37-43.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-37-43. (in Russ)

УДК 316.77, 616-058

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-44-49

АТТАЕВА Лейла Жамаловна
Национальный НИИ общественного
здоровья им. Н.А.Семашко
г. Москва, Россия
leyla0505@rambler.ru

Leyla Zh. ATTAEVA
Semashko National Research Institute
of Public Health
Moscow, Russia
leyla0505@rambler.ru

АЗАМАТОВА Гюльджан Камилевна
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия
azagulya2007@mail.ru

Guljan K. AZAMATOVA
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia
azagulya2007@mail.ru

ВИНДИЖЕВА Альбина Олеговна
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия
ktiisr@mail.ru

Albina O. VINDIZHEVA
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia
ktiisr@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В РОССИИ

INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON REALIZATION OF PRENATAL PREVENTION OF HIV INFECTION IN RUSSIA

Эпидемия ВИЧ/СПИД в мире продолжает развиваться быстрыми темпами. ВИЧ-инфекция все больше распространяется среди женщин. Заболевания ВИЧ-инфекцией у детей обусловлены преимущественно вертикальной передачей ВИЧ от матери ребенку. Региональные отличия распространенности ВИЧ-инфекции связаны с различиями ряда социально-экономических показателей в регионах. В Северо-Кавказском регионе с каждым годом количество вновь выявленных ВИЧ-инфицированных больных растет быстрыми темпами. В Карачаево-Черкессии ситуация с ВИЧ также ежегодно продолжает ухудшаться. Проведено исследование воздействия комплекса факторов окружающей среды (природных, экологических, социально-экономических) на заболеваемость ВИЧ-инфекцией на региональном уровне (КЧР). Мероприятия, направленные на повышение уровня информированности женщин о ВИЧ/СПИД и их профилактике, популяризацию безопасного секса, в том числе использование барьерных методов контрацепции, а также доступность и адекватное лечение инфекций, передаваемых половым путем, и других воспалительных заболеваний женской репродуктивной системы, позволят снизить уязвимость женщин для ВИЧ. Исследованы корреляционные связи между факторами окружающей среды и уровнем заболеваемости, что может позволить разработать новые подходы к их профилактике. В исследовании отражен подход к теории возникновения и проявления социально-значимых заболеваний.

The HIV / AIDS epidemic in the world continues to develop at a rapid pace. HIV infection is spreading more and more among women. Diseases of HIV infection in children are mainly due to vertical transmission of HIV from mother to child. Regional differences in the prevalence of HIV infection are associated with differences in a number of socio-economic indicators in the regions. In the North Caucasus region, the number of newly diagnosed HIV-infected patients is growing rapidly every year. In Karachaevo-Cherkessia, the HIV situation also continues to deteriorate yearly. A study was made of the impact of a complex of environmental factors (natural, ecological, socio-economic) on the incidence of HIV infection at the regional level (KCR). Correlation links between environmental factors and the level of morbidity have been studied, which may allow developing new approaches to their prevention. The study reflects the approach to the theory of the emergence and manifestation of socially significant diseases.

Ключевые слова: социально-значимые заболевания населения, природные, экологические, социально-экономические факторы окружающей среды, пренатальная профилактика ВИЧ-инфекции

Keywords: socially significant diseases of population, natural, ecological, socio-economic factors of environment, prenatal prevention of HIV infection

В последнее время особую актуальность приобретают вопросы изучения этиологии, эпидемиологии, клинического течения ВИЧ-инфекции как в мире, так и в нашей

стране. Однако, несмотря на внедрение современных методов терапии, эпидемия ВИЧ/СПИД в мире продолжает развиваться быстрыми темпами. ВИЧ-инфекцией, как социально-значимым заболеванием, на сегодняшний день затронуты все социальные слои и все возрастные группы населения. ВИЧ-инфекция от концентрированной стадии, когда она распространяется в группах риска - наркоманы, проститутки, гомосексуалисты, перешла в генерализированную стадию. На этой стадии ВИЧ-инфекция выходит за пределы групп риска и поражает также социально-благополучные слои населения через гетеросексуальные половые контакты, в связи с чем инфекция все больше распространяется среди женщин. В России в 2016 г. среди впервые выявленных ВИЧ-положительных лиц с установленными факторами риска заражения в 48,8% инфицирование произошло при употреблении наркотиков нестерильным инструментарием, почти столько же (48,7%) - при гетеросексуальных контактах, 1,5% - при гомосексуальных контактах, 0,8% - это дети, инфицированные от матерей во время беременности, родов и при грудном вскармливании.

В 2016 г. в России было выявлено 1 281 ВИЧ-инфицированных детей (от 0 до 17 лет), что на 3% меньше, чем в 2015 г. Заболевания ВИЧ-инфекцией у детей обусловлены преимущественно вертикальной передачей ВИЧ от матери ребенку. В 2016 г. в Российской Федерации выявлено 22 065 беременных женщин с ВИЧ-инфекцией, из них в 16 035 случаях беременность закончилась родами. Число рожденных детей от женщин с ВИЧ-инфекцией в 2016 г. составило 15 989 человек (2015 г. - 16 199 чел.) [9].

В нашей стране предпринимается ряд организационных и практических мер по профилактике передачи вируса иммунодефицита человека от матери ребенку. Охват трехэтапной антиретровирусной профилактикой (пар «мать-ребенок») в 2016 г. составил 87,9% (2015 г. - 87,2%); охват антиретровирусной профилактикой женщин в период беременности - 90,0% (2015 г. - 88,8%), в период родов - 94,2% (2015 г. - 92,0%); новорожденных - 99,0% (2014 г. - 98,8%).

В результате реализации комплекса мер по пренатальной профилактике передачи ВИЧ-инфекции существенно снизился риск инфицирования ВИЧ детей. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. снизилось число детей, у которых впервые установлен диагноз ВИЧ-инфекция (2016 г. - 245 дет., 2015 г. - 716 дет.; 2014 г. - 832 ребенка). Частота перинатальной передачи ВИЧ-инфекции в Российской Федерации в 2016 г. составила 1,95%, в 2006 г. была 10,5%, то есть снизилась в пять раз за последние 10 лет [5].

Кроме того, в регионах повысились доступность и качество медицинской помощи детям с ВИЧ-инфекцией, в результате чего повысились показатели ранней диагностики ВИЧ-инфекции. Так у 89% детей диагноз устанавливается на первом году жизни, при этом у 62% детей диагноз ВИЧ-инфекция был выставлен в течение первых двух месяцев жизни ребенка. В Российской Федерации в 2016 г. охват диспансерным наблюдением составил 95% от числа всех подлежащих диспансеризации детей с ВИЧ-инфекцией (более 9 тыс. чел.).

Региональные отличия распространенности ВИЧ-инфекции связаны с различиями ряда социально-экономических показателей в регионах. Так, в эпидемиологии ВИЧ все большую роль стали играть социальные, экономические, культурные и демографические факторы. Также свою роль играют нестабильность общества, военные, гражданские и национальные конфликты, изменение миграционных процессов. Социальные причины оказывают непосредственное влияние как на течение беременности, роды и состояние ребенка, так и на повышение риска передачи ВИЧ-инфекции. Так, известно, что разница в весе у детей, родившихся от ВИЧ-положительных и ВИЧ-негативных женщин, в развитых странах незначительна. При этом в развивающихся странах отмечается низкий вес новорожденных от ВИЧ-положительных матерей, который обусловлен такими социальными факторами, как условия жизни и питание женщины во время беременности. Риск передачи ВИЧ от матери ребенку повышают и некоторые поведенческие факторы женщины: табакокурение и злоупотребление матери наркотическими препаратами и алкоголем. Повышение риска передачи ВИЧ от матери ребенку связывают также с незащищенными половыми контактами во время беременности.

В Северо-Кавказском регионе с каждым годом количество вновь выявленных ВИЧ-инфицированных больных растет быстрыми темпами. В Карачаево-Черкесии ситуация с ВИЧ также ежегодно продолжает ухудшаться. Карачаево-Черкесия вышла в лидеры по росту заболеваемости ВИЧ-инфекцией в 2016 г. среди российских регионов, наравне с Крымом, Чукоткой и Камчатским краем. По данным Управления Роспотребнадзора по КЧР, всего в республике за все годы наблюдения (с 1989 г.) было зарегистрировано 742 больных ВИЧ. Следует особо отметить, что речь идет только об официально зарегистрированных больных. В КЧР за период с января по сентябрь 2016 г. показатель заболеваемости составлял 15,8 на 100 тыс. населения, а в 2017 г. он возрос до 26,2 на 100 тыс. населения. В 2016 г. прирост заболеваемости, по сравнению с 2015 г., составил 70%. Высокий темп прироста заболеваемости превышает общероссийский в несколько раз (в среднем по стране он составляет всего 10%). Наиболее вовлеченными в эпидемический процесс в 2017 г. оказались Черкесск, Прикубанский, Малокарачаевский и Абазинский районы (данные Управления Роспотребнадзора по КЧР) [9].

Территориальные различия распространенности заболевания обусловлены воздействием природных, антропогенных и социальных факторов среды. Так, например, считается, что около 80% современных болезней связано с загрязнением окружающей среды. Исследования многих авторов показывают, что ведущими составляющими риска заболевания населения являются антропогенные факторы. Естественная среда региона, в сочетании с особенностями антропогенного загрязнения воздуха и воды, может усиливать проявления отдельных патологий и наносить значительный урон здоровью местного населения. Социальные факторы здоровья - это совокупность норм в обществе и взаимоотношений, определяющих уровень благополучия. Часть из них определяется при рождении, какие-то компоненты возможно изменить, развиваясь и повышая свой статус в общественной среде. Среди наиболее важных социальных факторов здоровья следует выделить возраст, пол, семейный статус, класс [8, с. 812].

Целью работы явилось изучение влияния некоторых природных, антропогенных и социальных факторов окружающей среды на уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией на территории Карачаево-Черкесской Республики (КЧР).

Материалы и методы. Зависимость уровня заболеваемости населения КЧР ВИЧ-инфекцией от природных, антропогенных и социальных условий определялась методом ранговой корреляции Спирмена. Определялась фактическая степень параллелизма между двумя количественными рядами изучаемых признаков: уровнем заболеваемости взрослого населения и уровнем фактора среды. Затем давалась оценка тесноты связи между признаками с помощью количественно выраженного коэффициента связи (r), считая значения коэффициента, равные 0,3 и менее, показателями слабой тесноты связи; значения более 0,4, но менее 0,7 - показателями умеренной тесноты связи, а значения 0,7 и более - показателями высокой тесноты связи. Отрицательные значения указывали на обратную пропорциональную зависимость [4, с. 625].

Результаты и обсуждение

Изучена зависимость заболеваемости ВИЧ-инфекцией в КЧР (таблица) от факторов среды, относящихся к трем группам. Природные факторы - среднемесячные температуры января и июля. Экологические факторы - выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников. Социальные факторы - коэффициент миграционного прироста, соотношение мужчин и женщин, соотношение браков и разводов.

Определив коэффициенты ранговой корреляции (r), мы получили следующие результаты. Не обнаружены статистически достоверные связи ВИЧ-инфекции с такими факторами среды, как: среднемесячными температурами января и июля (коэффициент корреляции не превышал 0,3). Наибольший коэффициент корреляции ВИЧ-инфекции с соотношением браков и разводов.

Таблица. Коэффициенты ранговой корреляции (r) ВИЧ с природными, экологическими и социально-экономическими факторами окружающей среды в КЧР в 2016 г.

Table. Coefficients of rank correlation (r) of HIV with natural, ecological and socio-economic environmental factors in the KCR in 2016

Социально – значимое заболевание/ факторы среды	Коэффициенты ранговой корреляции (r)					
	Социально-экономические			Экологические	Природные	
	1	2	3	4	5	6
ВИЧ	нет	нет	0,82	0,81	нет	нет

Источник: составлено соавторами научной статьи.

Source: compiled by the co-authors of the scientific article.

Нами была проанализирована степень воздействия каждого из исследованных факторов на ВИЧ-инфекцию. Для этого были подсчитаны суммы значений всех коэффициентов корреляции по каждому фактору среды (ΣR_{sf}). Выяснилось, что наибольшее влияние на заболеваемость имеют такие факторы, как выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников ($\Sigma R_{sf} = 8,245$).

Таким образом, наблюдаемые изменения в заболеваемости населения отдельных регионов связаны, прежде всего, с кризисными явлениями в экономической, политической и духовной жизни общества. В связи с этим все большую актуальность приобретают исследования, позволяющие выявить дополнительные внешние факторы и условия формирования региональных особенностей проявления социально-значимых заболеваний населения на различных территориях. С другой стороны, проблема ВИЧ-инфекции - это мультифакторная проблема, которая требует неотложного решения как медицинских, так и психологических, педагогических, социальных и других проблем, обеспечивающих профилактику ВИЧ/СПИД у женщин детородного возраста [1, с. 45].

Необходимы изменения поведения беременных ВИЧ-инфицированных женщин, которые должны быть направлены на сокращение количества незащищенных половых контактов в период беременности, уменьшение числа сексуальных партнеров в период беременности, изменение образа жизни, включая воздержание от приема наркотических веществ, алкоголя и курения [2, с. 15].

Мероприятия, направленные на повышение уровня информированности женщин о ВИЧ/СПИД и их профилактике, популяризацию безопасного секса, в том числе использование барьерных методов контрацепции, а также доступность и адекватное лечение инфекций, передаваемых половым путем, и других воспалительных заболеваний женской репродуктивной системы, позволят снизить уязвимость женщин для ВИЧ.

Недостаточно внимания уделяется изучению этико-правовых проблем оказания медицинской помощи беременным с ВИЧ, а именно сохранению врачебной тайны, анонимности лечения и обследования.

Доступность добровольного консультирования и тестирования на ВИЧ женщин до наступления беременности является важной составляющей пренатальной профилактики ВИЧ-инфекции. Большинство женщин, в том числе «социально адаптированных», узнают о своем ВИЧ-статусе только при дородовом наблюдении в женской консультации, которое обычно включает ВИЧ-тестирование. Негативное отношение, с которым в большинстве случаев сталкиваются ВИЧ-позитивные женщины в консультации, отбивает у многих из них желание в принципе обращаться за медицинской помощью. Особенно этот вопрос касается «асоциальных» женщин, многие из которых попадают в поле зрения врачей уже непосредственно при родах. Так, каждая четвертая ВИЧ-позитивная женщина не наблюдается у врача в период беременности, и одной из причин этого служит плохое отношение медицинских работников [3, с. 25].

Необходимо формирование доверительных взаимоотношений между наиболее уязвимыми группами населения, медицинскими работниками и неправительственными организациями.

Осведомленность о ВИЧ/СПИДе российского общества остается очень низкой. Большая часть медицинских работников по-прежнему крайне недостаточно информирована или даже негативно настроена в отношении ВИЧ-позитивных пациентов. Именно поэтому крайне низким остается и общий уровень знаний среди населения.

Все вышеизложенное указывает на актуальность представленной темы и диктует необходимость комплексного и всестороннего исследования влияния социальных факторов на реализацию пренатальной профилактики ВИЧ-инфекции в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Валихова С.С. Особенности проявления ВИЧ-инфекции у беременных и новорожденных. Принципы профилактики вертикального пути передачи ВИЧ / С.С. Валихова, Ю.А. Топчин / Методические рекомендации для врачей акушеров-гинекологов, неонатологов, педиатров. - Новосибирск, 2004. - 56 с.
2. ВИЧ-инфекция. Информационный бюллетень / В.В. Покровский, Н.Н. Ладная, Е.В. Соколова, Е.В. Бурцова. - 2005. - С. 10-16.
3. Галлямова Ю.А. Клинико-социальные, организационные и этико-правовые основы профилактики инфекций, передаваемых половым путем: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. - 2005. - 49 с.
4. Кильберг-Шахзадова Н.В. Социальная культура в сфере современного образования // Современные проблемы науки и образования / Н.В. Кильберг-Шахзадова, Г.К. Азаматова. - 2015. - № 2. - С. 625.
5. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сборник. - М.: Росстат, 2016. - 693 с.
6. Тоскин И.А. Организация адекватной медицинской помощи в уязвимых в отношении ИППП и ВИЧ-инфекции группах населения: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. - 2005. - 48 с.
7. Шафранова Ж.Ю. Отношение современного подростка к социально-опасной патологии и его поведение (на примере ИППП и ВИЧ-инфекции): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. - 2006. - 22 с.
8. Хубиев Б.Б. Духовность как ценностный императив науки и религии / Б.Б. Хубиев, З.А. Атабиева, А.Ф. Кушхова, А.О. Виндижева // Здоровье и образование в XXI веке. - 2016. Т. 18. - № 2. - С. 812-815.
9. Количество ВИЧ-инфицированных в КЧР растет устрашающими темпами. - URL: <https://politika09.com/obshhestvo/kolichestvo-vich-infitsirovannyh-v-kchr-rastet-ustrashayushimi-tempami/> (дата обращения: 03.03.2018).
10. Patz J, Epstein P, Burke T, Balbus J. Global climate change and emerging infectious diseases. JAMA, 1996; 275:217-33.

REFERENCES

1. Valikhova S.S. Osobennosti proyavleniya VICH-infekcii u beremennyh i novorozhdennyh. Principy profilaktiki vertikalnogo puti peredachi VICH. [Features manifestations of HIV infection in pregnant women and newborns. Principles of vertical HIV transmission prevention]. S.S. Valikhova, J.A. Topchin. Metodicheskie rekomendacii dlya vrachev akusherov-ginekologov, neonantologov, pediatrov. Novosibirsk. 2004. 56 p.
2. VICH-infekciya. [HIV infection] Informacionnyy bulletin / V.V. Pokrovsky, N.N. Ladnaya, E.V. Sokolova, E.V. Burcova. 2006. pp. 10-16.
3. Galyamova J.A. Kliniko-sotsialnye, oganizatcionnye i etiko-pravovye osnovy profilaktiki infekcii, peredavaemykh polovym putem [Clinical, social, organizational and ethical-legal basis to prevent infections, sexually transmitted infections]: avtoref. diss. ... doct. med. nauk. 2005. 49 p.
4. Kilberg-Shahzadova N.V., Sotsialnaya kultura v sfere sovremennogo obrazovaniya. [Social culture in the field of modern education]. Sovremennye problem nauki i obrazovaniya / Kilberg-Shahzadova N.V. Azamatova G.K. 2015. N2. p. 625.
5. Rossiisky statistichesky ezhegodnik. 2016. Statistichesky sbornik. M.: Rosstat, 2016. 693 p.

6. Toskin I.A. Organizatsiya adekvatnoy medicinskoй pomoshi v uyazvimykh v otnoshenii IPPP I VICH-infekcii gruppah naseleniya [Organization of adequate medical care in vulnerable groups for the STI and HIV infection]; avtoref. diss. doct. med. nauk. 2005. 48 p.
7. Shafranovа G.J. Otnoshenie sovremennogo podrostka k socialno-opasnoy patologii I ego povedenie (na primere IPPP I VICH-infekcii) [Attitude of the modern teenager to socially dangerous diseases and behavior (STI example and HIV-infection)]; avtoref. diss. kand. med. nauk. 2006. 22 p.
8. Hubiyev B.B., Atabieva Z.A., Kushhova A.F., Vindizheva A.O. Duhovnost kak cennostny imperative nauki I religii. [The spirituality as valuable imperative of science and religion]. The Journal of scientific articles Health and Education. 2016. T.18. N2. pp. 812-815.
9. Kolichestvo VICH-inficirovannykh v KCHR rastet ustrashayushimi tempami [The number of HIV-infected people in the KCR is growing at an alarming rate] URL: <https://politika09.com/obshchestvo/kolichestvo-vich-inficirovannykh-v-kchr-rastet-ustrashayushimi-tempami> (accessed: 03.03.2018)
10. Patz J, Epstein P, Burke T, Balbus J. Global climate change and emerging infectious diseases. JAMA 1996; 275:217-33.

Информация об авторах:

Аттаева Лейла Жамаловна, кандидат медицинских наук, Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А.Семашко, г. Москва, Россия
leyla0505@rambler.ru

Азаматова Гюльджан Камилевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия
azagulya2007@mail.ru

Виндижева Альбина Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия
kttiisr@mail.ru

Получена: 23.03.2018

Для цитирования: Аттаева Л.Ж., Азаматова Г.К., Виндижева А.О. Влияние социальных факторов на реализацию пренатальной профилактики вич-инфекции в России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. 44-49.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-44-49.

Information about the authors:

Leyla Zh. Attaeva, Candidate of Medical Science, Associate Professor, Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia
leyla0505@rambler.ru

Guljan K. Azamatova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
azagulya2007@mail.ru

Albina O. Vindizheva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
kttiisr@mail.ru

Received: 23.03.2018

For citation: Attaeva L.Zh., Azamatova G.K., Vindizheva A.O. Influence of social factors on realization of prenatal prevention of hiv infection in Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 44-49.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-44-49. (in Russ)

УДК 364.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-50-57

АФОНЬКИНА Юлия Александровна
Мурманский арктический государственный
университет
г. Мурманск, Россия
julia3141@rambler.ru

Yulia A. AFONKINA
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia
julia3141@rambler.ru

ЖИГУНОВА Галина Владимировна
Мурманский арктический государственный
университет
г. Мурманск, Россия
galina-zhigunova@yandex.ru

Galina V. ZHIGUNOVA
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia
galina-zhigunova@yandex.ru

**СРЕДОВЫЙ ПОДХОД КАК
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ
НАУЧНОГО АНАЛИЗА ДОСТУПНОСТИ
СОЦИАЛЬНЫХ СРЕД ДЛЯ ЛЮДЕЙ С
ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

**ENVIRONMENTAL APPROACH AS A
METHODOLOGICAL BASIS OF THE SCIENTIFIC
ANALYSIS OF THE ACCESSIBILITY OF THE SOCIAL
ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH DISABILITY**

Проблема доступности социальных сред является чрезвычайно актуальной для современного российского общества. Она обусловлена существующими в обществе многообразными барьерами, препятствующими полному включению в социум людей с инвалидностью и способствующими их изолированности и минимизации социального статуса в социальной структуре общества. Цель данной статьи - разработать методологические основания для научного анализа доступности социальных сред для людей с инвалидностью. Научная значимость исследования определяется недостаточной разработанностью методологии изучения социальных сред и их инклюзивного потенциала в социологической науке. Новизна исследования связана с систематизацией научных подходов и концепций, позволяющих разработать методологические основания социологического изучения ресурсных возможностей социальной среды с позиции независимой жизни лиц с инвалидностью, а также с разработкой модели трансформации социальных сред в направлении их доступности для лиц с инвалидностью с позиции средового подхода. По результатам исследования авторы пришли к заключению, что среда - это продукт социального взаимодействия, она формирует индивида как субъекта, определяет его социальную активность и мобилизует социальные ресурсы для его нормального функционирования в обществе. При этом категория социальной среды не может быть раскрыта без анализа социального субъекта и его потребностей как мотиватора его социальной активности. Обобщенный материал и полученные выводы могут использоваться в дальнейших социологических исследованиях проблемы инвалидности в современном обществе, а также в практической деятельности по созданию доступной среды для людей с инвалидностью.

The problem of accessibility of the social environment is extremely relevant for modern Russian society. It is conditioned by the existing in society multiple barriers preventing the full inclusion in society of people with disabilities and contributing to their isolation and minimizing social status in the social structure of society. The purpose of this article is to develop a methodology for scientific analysis of the accessibility of the social environment for people with disabilities. The scientific significance of the research is determined by the insufficiently developed methodology of studying the social environment and their inclusive potential in sociological science. The novelty of the research consists in the systematization of scientific approaches and concepts that allow us to develop a methodology for sociological study of the resource potential of the social environment from the standpoint of the independent life of persons with disabilities, as well as the development of a model for transforming the social environment in the direction of its accessibility for people with disabilities from the position of the environmental approach. According to the results of the study, the authors concluded that the environment is a product of social interaction, it forms the individual as a subject, determines its social activity and mobilizes social resources for its normal functioning in society. At the same time, the category of the social environment can not be disclosed without an analysis of the social subject and his needs as a motivator of his social activity. The generalized material and findings can be used in further sociological research on disability in modern society, as well as in practical activities to create an accessible environment for people with disabilities.

Ключевые слова: инвалидность, социальные барьеры, средовый подход, социальные среды, доступная среда, потенциал сред

Keywords: disability, social barriers, environmental approach, social environment, accessible environment, potential of environment

***Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ
(проект № 18-011-00712 «Ресурсные возможности социальной среды в контексте
обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью
(на примере Мурманской области)»).***

***Acknowledgement. The article was prepared with the support of the Russian Foundation
for Basic Research (Project No. 18-011-00712 "Resource Opportunities
of the Social Environment in the Context of Ensuring the Independent Life
of People with Disabilities (on the Example of the Murmansk Region)").***

Переход к социальному пониманию инвалидности приводит к расширению контекстов теоретико-эмпирического изучения данного феномена. Модель инвалидности рассматривается в современных исследованиях как схема взаимодействия в обществе, сложившаяся вокруг инвалидов (В.С. Ткаченко) [1]. Современные трактовки инвалидности отражают идею об обусловленности ограничений людей с инвалидностью окружающей средой, что указывает на актуальную научную задачу по изучению взаимосвязей людей с инвалидностью с социальной средой. Например, Р.Н. Жаворонков [2, с. 81] определяет инвалидность как изменения здоровья вследствие стойкого нарушения функций и систем организма, приводящие к ограничению самостоятельности в осуществлении видов деятельности и к снижению приспособляемости к социальной среде.

А.А. Дрегалю и В.И. Ульяновский подчеркивают зависимость современного человека от искусственной и природной среды, развивая идею об общности личности со средой [3].

В исследованиях В. Мэнди, М. Лэй показана роль окружающей среды в развитии аутизма [4, с. 271-292].

Однако от современной социальной среды зависит не только человек, но и отмечается средовая зависимость ценностного поля.

В.С. Бочко отмечает издержки формирования новых цивилизационных ценностей в социальном пространстве локальной среды, что препятствует повышению качества жизни основной массы населения, а не только небольшой части локального сообщества [5, с. 20-26].

Е. Тудзи, Дж. Бугри, А. Дансо в своем исследовании показали проблемы коммуникации, транспорта и физической среды, с которыми сталкиваются студенты с инвалидностью при обучении в университетах, и связали эти проблемы со слабой правовой и нормативной базой в результате отсутствия должного понимания инклюзивных потребностей людей с инвалидностью [6, с. 275-294].

Для обеспечения нормального качества жизни людей с инвалидностью необходимо, чтобы социальная среда поддерживала и обеспечивала адекватный доступ к основным городским и социальным ресурсам, в том числе занятости, образованию, медицинскому обслуживанию, социальному обеспечению, отдыху и т.д. [7, с. 66-73].

Результаты современных американских исследований подтверждают тот факт, что люди с инвалидностью успешно реабилитируются, если включены в трудовую деятельность и имеют рабочие места [8, с. 126-134].

Подходы авторов позволяют сделать вывод о том, что идея социальной инклюзии людей с инвалидностью как общемировой вызов и цивилизационная ценность трансформируется в локальных социальных средах. Локальная социальная среда понимается как территориальная среда, характеризующаяся взаимосвязями природы, населения и производства, территориальных факторов и местных условий организации производительных сил (В.Н. Лаженцев) [9, с. 49].

Такие трансформации зачастую не позволяют обеспечить независимую жизнь людям с инвалидностью, создавая разного рода барьеры, что определяет дистанцию, порой трудно преодолимую, между инклюзивной идеей и инклюзивной практикой.

Данное противоречие приводит к необходимости научной разработки и применения средового подхода к изучению проблемы инвалидности, предполагая исследование локальных социальных сред для продвижения идеи инклюзии людей с инвалидностью с

позиции их доступности для достижения независимой жизни конкретных субъектов, обладающих особыми потребностями жизнедеятельности.

Средовый подход в социологии опирается на классические социологические идеи.

Э. Дюркгейм полагал, что человек зависит от переменной среды, поэтому общество - не вторичный, а главный фактор прогресса. Сам же прогресс есть следствие изменений, совершающихся в социальной среде [10, с. 18].

Т. Парсонс понимает среду как неотъемлемый атрибут системы действий, которые необходимо учитывать и контролировать [11, с. 6-7]. При этом от взаимодействия с окружающей средой, в регулировании доступа к материальным ресурсам проявляется самодостаточность общества.

В ряде зарубежных социологических исследований показано, что среда не является пространством, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены уникальности, а состоит из «мест» (Дж. Гибсон) [12, с. 46]). Различные места в среде обитания могут, по мнению Дж. Гибсон, представлять различные возможности. Он подчеркивает важность активности субъекта по их освоению, а качество социальной среды предлагает определять наличием в ней разнообразных возможностей, эффективность освоения которых зависит от активной позиции субъекта в восприятии и реализации этих возможностей.

Р. Баркер [13, с. 17-38], как представитель экологической психологии, разрабатывает понятие объективной среды и вводит категорию «места поведения», объединяющую физические свойства места и свойственный этому месту паттерн поведения, считая, что единая среда формирует и общие черты поведения, позволяя осуществлять координированную деятельность участников данного места. Место поведения в его концепции предстает как саморегулирующаяся система, сущность регуляции при этом определяют социальные нормы. Автор дает понимание неоднородности социальной среды, говоря о ее разновидностях. Системы ценностей и образцы поведения формируются именно там, становясь нормой для группы и человека.

Похожие идеи представлены Д.Ж. Марковичем [14, с. 15-16], различающим естественную и искусственную среду - ту, которая создана человеком, и ту, которую преимущественно составляют продукты человеческого труда. Интересно двойное позиционирование автором человека в среде: человек для другого выступает как элемент среды и в то же время оказывает на другого влияние своими отношениями и действиями, что можно назвать субъектной сущностью (каждый есть и человек, и среда). Один человек важен для другого как часть его среды, поэтому необходимо изучать как влияние среды на поведение человека, так и влияние человека на общественную среду.

Ш.К. Ханнанов [15, с. 76], рассматривая место средового подхода в социологии, выделяет три взаимосвязанных процесса: человек как личность проявляется в среде, адаптируется к ней и изменяет ее. В работах Ж.Т. Тощенко [16, с. 7] категория среды включается в концепцию социологии жизни, которая предполагает, во-первых, анализ сознания и поведения человека, его отношения, реакции на изменение статуса как члена социальной группы, а во-вторых, анализ общественной среды (макро, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека.

В рамках социологии города Р. Парка и Л. Вирта человеческое сообщество рассматривалось как функциональная единица, взаимодействующая с окружающей средой. Авторы разработали методологию анализа социальной сферы, используя для анализа подсистем города такие переменные, как социальное положение, уровень урбанизации и сегрегации [17, с. 44]. Р. Парк и Л. Вирт делали акцент на физическом устройстве города, считая, что местоположение влияет на определение социальных ролей индивидов и на характер разделения труда.

Р. Парк считал, что локальные сообщества можно сравнивать с точки зрения ареалов, которые они занимают, и с точки зрения относительной плотности населения в этих ареалах. Локальное общество имеет свой особый порядок и характер. В этом социальном и моральном порядке представление, которое каждый человек имеет о самом себе, ограничивается представлением, которое каждый другой индивид в том же самом ограниченном мире коммуникации имеет о самом себе и о каждом другом индивиде. Таким об-

разом, позиция индивида в локальном социуме - как и его представление о самом себе - определяется установками других индивидов и теми стандартами, которых придерживается группа.

В таком обществе индивид становится персоной. Персона - это просто индивид, который где-то, в каком-то обществе имеет социальный статус. Но статус в конечном счете оказывается вопросом дистанции - социальной дистанции. Именно в силу того, что география, род занятий и все другие факторы, определяющие распределение населения, определяют столь непреодолимо и фатально место, группу и сотоварищей, с которыми каждый из нас вынужден жить, пространственные отношения и приобретают для изучения общества и человеческой природы то значение, которое они для него имеют [18, с. 18].

В отечественной науке средовой подход нашел свое развитие также в исследованиях педагогического характера. В рамках теории педагогики среды (С.Т. Шацкий [19], Ю. Кулюткин и С. Тарасов [20] и др.) признавался ценностный аспект среды, влияющей на развитие личности.

Ю.С. Мануйлов [21], разрабатывая средовой подход при рассмотрении педагогических процессов, определяет среду как все то, среди чего пребывает субъект развития и посредством чего он себя реализует как личность. Наличие ниш и стихий отличает среду, по мнению автора, от «несреды». Эти категории выступают как идентичные понятию возможностей: ниша рассматривается как часть среды и пространство возможностей, возможности ниш - это объективные возможности конкретной среды; а стихии - конкретное влияние среды на человека. Все вышесказанное обуславливает проблему организации среды и управления ею.

В работе С.Е. Гайдукевич [22, с. 34-46] фигурирует категория возможностей. Средовой подход в понимании автора дает понимание социальной среды как совокупности влияний, условий и возможностей, взаимосвязь которых рассмотрена на примере инклюзивной образовательной среды. Автор подчеркивает, что ее структурными элементами являются средовые ресурсы: предметные, пространственные, организационно-смысловые и социально-психологические, которые образуют многомерные средовые комплексы.

Итак, средовой подход раскрывает внешние основания внутренней активности субъекта, дает понимание влияния среды на человека и человека на среду его жизнедеятельности и позволяет обеспечить социальное управление происходящими в социуме процессами. В современной научной интерпретации понимание социальных явлений и процессов, который дает средовой подход, предполагает интеграцию антропоцентрического понимания (среда как фактор, влияющий на становление и развитие человек) и экоцентрический (человек как активный социальный агент формирования и развития социальной среды). Социальная среда как совокупность общественных явлений предполагает наличие некоего субъекта, который формируется средой и формирует среду, активно на нее влияющего. Эвристические возможности применения категорий субъекта и субъектности для научного анализа проблемы инвалидности представлены в исследованиях Ю.А. Афонькиной [23, с. 260-272].

В целом, можно утверждать, что категория социальной среды не может быть раскрыта без анализа категории социального субъекта и его потребностей как мотиватора его социальной активности.

Модель трансформации социальных сред в направлении их доступности для лиц с инвалидностью с позиции средового подхода может быть представлена следующими этапами:

1. Конкретизация социальной задачи по включению человека с инвалидностью в конкретную социальную среду с учетом специфики среды и специфики его потребностей как социального субъекта, не только особых, но общечеловеческих.

2. Выявление барьеров (ограничений жизнедеятельности человека с инвалидностью и ограничений социальных сред), препятствующих удовлетворению его потребно-

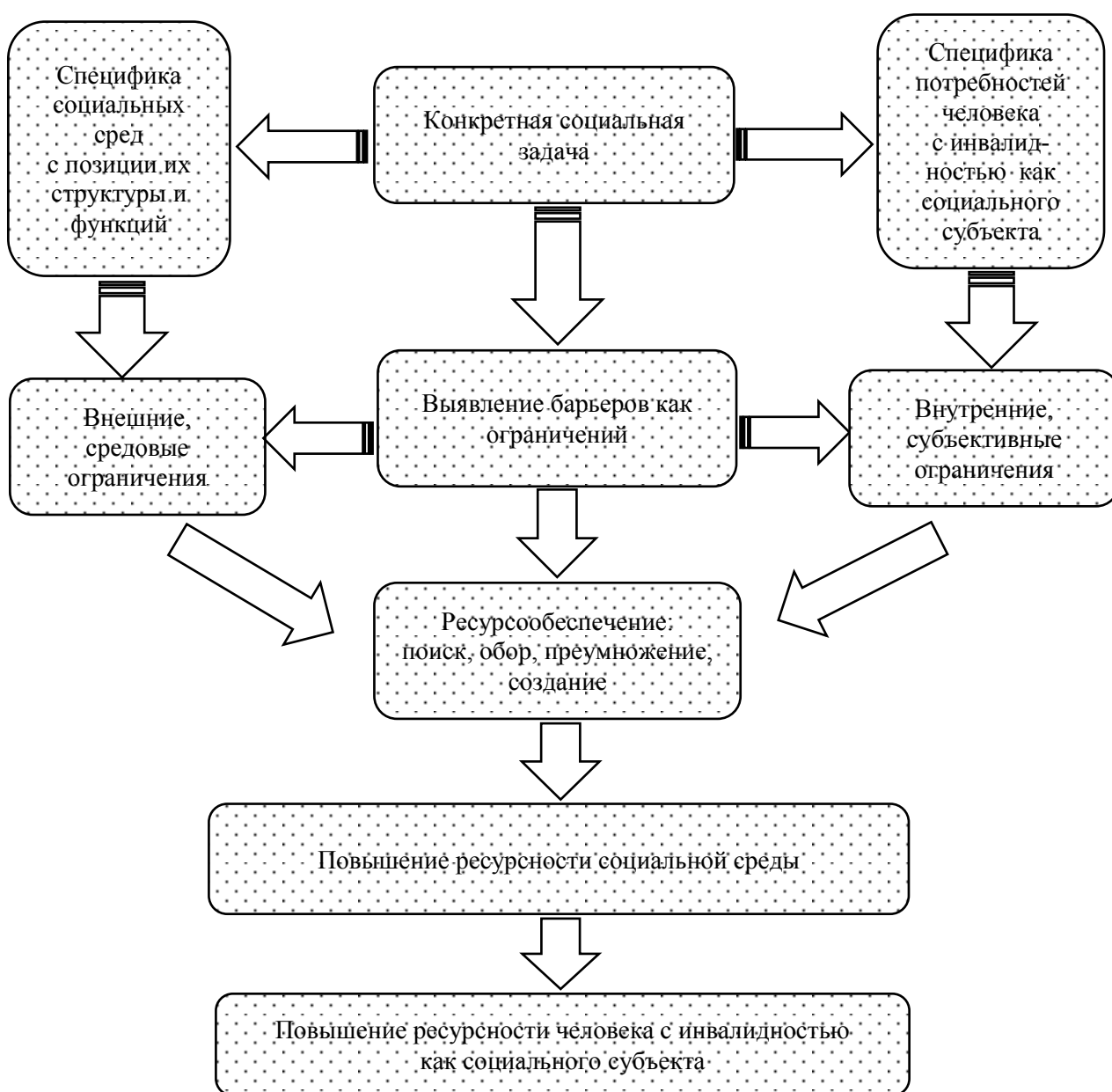
стей на основе осознания социальными субъектами барьеров, препятствующих его включению в социум для удовлетворения его потребностей.

3. Поиск, отбор и приумножение ресурсов социальной среды, способствующих реализации поставленной социальной задачи на основе ослабления и преодоления ограничений, достижения равновесия человека с социальной средой, создания устойчивой системы «человек-общество», повышающей ресурсы самого социального субъекта.

При достижении такой устойчивости система оказывается гораздо менее чувствительна к ограничениям как десоциализирующим факторам и ориентирует активность субъекта на преодоление барьеров. Таким образом, ограничение ресурсов человека преодолевается безграничностью ресурсов социальных сред (рисунок).

Рис. Модель трансформации социальных сред в направлении их доступности для лиц с инвалидностью

Fig. Model of transformation of social environments in the direction of their accessibility for persons with disabilities

Человек не может быть полноценным членом общества, если он лишен доступа к социальным благам, необходимым основным элементам жизни, включая семейную жизнь, досуг, образование, занятость, жилье и др. Социальная среда всегда влияет на человека, однако ее влияние может быть как социализирующим, так и десоциализирующим. В последнем случае уместно говорить о барьеризации. В то же время в условиях неустойчивости системы влияние среды значительно усиливается, то есть внешние, средовые, усиливают ограничения внутренних ресурсов.

Среда выступает как продукт социального взаимодействия, формирует индивида как субъекта, далее определяя социальную активность субъектов, мобилизуя ресурсы для нормального функционирования человека в обществе.

С позиции средового подхода теоретико-эмпирическому анализу доступности и безбарьерности конкретных социальных сред подлежат:

- их структурные элементы,
- характерные системы взаимодействий, перцептивные элементы, диспозиции традиционных практик взаимодействия, образующие социальную реальность,
- функции конкретной социальной среды в удовлетворении потребностей индивидов.

В целом, средовый подход подводит к пониманию социальных механизмов, обеспечивающих признание равенства по значимости всех субъектов социальной среды, ориентирует на выявление и устранение внешних препятствий, ограничивающих жизнедеятельность человека с инвалидностью, что позволит ему включиться в социальные среды на собственных условиях, чем будет обеспечена его социальная инклюзия.

Таким образом, разработка и применение средового подхода дает возможность социального управления процессами социальной инклюзии и интеграции людей с инвалидностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ткаченко В.С. Общество и проблемы инвалидности: Монография. - Ставрополь: Сервисшкола, 2006. - 295 с.
2. Жаворонков Р.Н. Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юридич. наук по специальности 12.00.05. - М., 2014. - 495 с.
3. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социологический потенциал исследования социального пространства северных регионов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-potentsial-issledovaniya-sotsialnogo-prostranstva-severnyh-regionov> (дата обращения: 15.04.2018).
4. Mandy W., Lai M. Annual Research Review: The role of the environment in the developmental psychopathology of autism spectrum condition // Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. - Vol. 57, Issue 3, 1 March 2016. - Pp. 271-292.
5. Бочко В.С. Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и практика). - Екатеринбург, 2010. - С. 20-26.
6. Tudzi E.P., Bugri J.T., Danso A.K. Human Rights of Students with Disabilities in Ghana: Accessibility of the University Built Environment // Nordic Journal of Human Rights. - Vol. 35, Issue 3, 3 July 2017. Pp. 275-294.
7. Sze N.N., Christensen K.M. Access to urban transportation system for individuals with disabilities // IATSS Research. - Vol. 41, Issue 2, July 2017. Pp. 66-73.
8. Laditka J.N., Laditka S.B. Work disability in the United States, 1968-2015: Prevalence, duration, recovery, and trends // Population Health. - Vol. 4, April 2018. - Pp. 126-134.
9. Лаженцев В.Н. Научно-методологические проблемы государственного регулирования территориального развития // Экономическая наука современной России. - 2001. - № 1.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - М.: Канон, 1996. - 576 с.
11. Парсонс Т. О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч. 2 / сост и общ. ред. С.П. Баньковский. - М.: Университет, 2002. - С. 6-7.

12. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ.; общ. ред и вст. ст. А.Л. Логвиненко. - М : Прогресс, 1988.
13. Barker R.G. On the nature of the environment // Journal of Social Issues. - 1963. - № 19. - Pp. 17-38.
14. Маркович Д.Ж. Социальная экология / пер. с сербс.-хорв. - М.: Просвещение, 1991. - 339 с.
15. Ханнанов Р.Ш. Средовый подход в социологии // Среднерусский вестник общественных наук. - 2011. - № 1. - С. 72-76.
16. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социологические исследования. - 2007. - № 9.
17. Васильева В.Н., Жигунова Г.В. Социальная экология. - Мурманск: МАГУ, 2017. - 184 с.
18. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. - 2006. - Т. 5. - № 1. - С. 18.
19. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения: в 4 т. / под ред. И.А. Каирова [и др.]. - М.: Просвещение, 1962-1965.
20. Кулюткин Ю., Тарасов С. Образовательная среда и развитие личности. - М.: Смысл, 2001. - 365 с.
21. Манулов Ю.С. Средовый подход в воспитании: Дис. ... д-ра социол. наук. - М., 1997. - 193 с.
22. Гайдукевич С.Е. Средовый подход в инклюзивном образовании // Инклюзивное образование: состояние, проблемы, перспективы. - Минск: Четыре четверти, 2007. - С. 34-46.
23. Афонькина Ю.А. Субъектный подход к изучению проблемы инвалидности в современном обществе // Современные исследования социальных проблем [Электронный журнал]. - 2016. - № 3. - С. 260-272.

REFERENCES

1. Tkachenko V. S. Obshchestvo i problemy invalidnosti. [Society and disability problems]. Monograph. Stavropol: Serwizsol, 2006. 295 p.
2. Zhavoronkov R.N. Pravovoe regulirovanie truda i social'nogo obespecheniya invalidov v Rossijskoj Federacii. [Legal regulation of labour and social security of invalids in the Russian Federation]: Diss... d-RA legal. Sciences, specialty 12.00.05.M., 2014. 495 p.
3. Dragula A. A., Ulyanovskiy V. I. Sociologicheskij potencial issledovaniya social'nogo prostranstva severnyh regionov. [Potential of Sociological research of the social space of the Northern regions]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskij-potentsial-issledovaniya-sotsialnogo-prostranstva-severnyh-regionov> (circulation date: 15.04.2018).
4. Mandy W., Lai M. Annual Research Review: The role of the environment in the developmental psychopathology of autism spectrum condition. Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. Volume 57, Issue 3, 1 March 2016, Pages 271-292.
5. Bochko V. S. Integrativnoe strategicheskoe razvitie territorij (teoriya i metodologiya. [Integrative strategic development of territories (theory and methodology)]. Ekaterinburg, 2010. pp. 20-26.
6. Tudzi E. P., Bugri J. T., Danso A. K. Human Rights of Students with Disabilities in Ghana: Accessibility of the University Built Environment. Nordic Journal of Human Rights. Volume 35, Issue 3, 3 July 2017, Pages 275-294.
7. Sze N. N., Christensen K. M. Access to urban transportation system for individuals with disabilities. IATSS Research. Volume 41, Issue 2, July 2017, Pages 66-73.
8. Laditka J. N., Laditka S. B. Work disability in the United States, 1968-2015: Prevention, duration, recovery, and trends. Population Health. Volume 4, April 2018, Pages 126-134.
9. Lazhentsev V. N. Nauchno-metodologicheskie problemy gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya. [Scientific and methodological problems of state regulation of territorial development]. Economic science of modern Russia. 2001. no. 1.
10. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. [On the division of social labor]. Moscow : Kanon, 1996. 576 p.
11. Parsons T. O teorii i metateorii. [On the theory and meta-theory]. Theoretical sociology: anthology: 2 h H 2. comp. and edited by S. P. Bankovskaya. M : KN. House "University", 2002. pp. 6-7.
12. Gibson J. Ekologicheskij podhod k zritel'nomu vospriyatiyu. [The ecological approach to visual perception] translated from English. ; Ls. red and TSA. St. L. A. Logvinenko. M: Progress, 1988.
13. Barker R. G. On the nature of the environment. Journal of Social Issues. 1963. No. 19. P. 17-38.
14. Markovic D. J. Social'naya ehkologiya. [Social ecology]. Per. with Serbs.- Horv. M.: Education, 1991. 339 p.

15. Khannanov, R. S. Sredovyy podhod v sociologii. [Environmental approach in sociology]. Central Russian Bulletin of social Sciences. 2011. No. 1. C. 72-76.
16. Toshchenko Zh. T Paradigmy, struktury i urovni sociologicheskogo analiza. [Paradigm, structure and levels of sociological analysis]. Sociological studies. 2007. No. 9.
17. Vasilyeva V. N., Zhigunova G. V. Social'naya ehkologiya. [Social ecology]. Murmansk: MAGUS, 2017. 184 p.
18. Park R. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguraciya i moral'nyy poryadok. [Urban community as a spatial configuration and moral order]. Sociological review. 2006. Volume 5. No. 1. C. 18.
19. Shatsky S. T. Pedagogicheskie sochineniya: v 4 t. [Pedagogical works: in 4 t.]. under the editorship of I. A. Kairov [and others]. M: Education, 1962-1965
20. Kulyutkin Yu., Tarasov S. Obrazovatel'naya sreda i razvitie lichnosti. [Educational environment and personal development]. M: Meaning, 2001. 365 p.
21. Manulov Yu. S. Sredovyy podhod v vospitanii. [Environmental approach in education]. Dis. Doct. sociology. sciences'. M., 1997. 193 p.
22. Gaidukevich, S. E. Sredovyy podhod v inkluzivnom obrazovanii. [Environmental approach in inclusive education] Inclusive education: status, problems, prospects. Mn: Four quarters, 2007. C. 34-46.
23. Afonkina Y. A. Sub"ektnyy podhod k izucheniyu problemy invalidnosti v sovremennom obshchestve. [Subjective approach to the study of disability in modern society]. Modern research of social problems. Electronic journal. 2016. No. 3. C. 260-272.

Информация об авторах:

Афонькина Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой специальной педагогики и специальной психологии, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Россия
julia3141@rambler.ru

Жигунова Галина Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Россия
galina-zhigunova@yandex.ru

Получена: 16.04.2018

Для цитирования: Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Средовый подход как методологическое основание научного анализа доступности социальных сред для людей с инвалидностью. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.50-57.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-50-57.

Information about the authors:

Yulia A. Afonkina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department for Special Education and Special Psychology, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia
julia3141@rambler.ru

Galina V. Zhigunova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia
galina-zhigunova@yandex.ru

Received: 16.04.2018

For citation: Afonkina Yu.A., Zhigunova G.V. Environmental approach as a methodological basis of the scientific analysis of the accessibility of the social environment for people with disability. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 2-2. Pp. 50-57.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-50-57. (in Russ)

УДК 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-58-66

ВАН Хайянь
Северо-Западный педагогический
университет
г. Ланьчжоу, КНР
Российский государственный социальный
университет
г. Москва, Россия
380862378@qq.com

Haiyan WANG
Northwest Normal University
Lanzhou, P.R. China
Russian State Social University
Moscow, Russia
380862378@qq.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

INTERNATIONAL ACADEMIC MIGRATION: HISTORY AND TRENDS

В статье рассматривается сущность международной академической миграции, ее история и тенденции. Представлены определение и классификация миграции, статус академической мобильности в структуре системы миграции. Рассматривается история международной миграции и мировые тенденции академических мигрантов в XXI столетии. Рассмотрены показатели количества академических мигрантов, а также причины их роста и снижения. Анализируются пять ключевых систем академической мобильности, многообразие стран академической иммиграции. Охарактеризованы доминирующие страны Европы и Северной Америки по вопросам академической миграции. Впервые доказано, что международная академическая мобильность преимущественно рассматривается как результат экономического и социального развития, поскольку во многом она способствует этому развитию и совершенствованию или же приводит к интеллектуальным потерям и застою в научно-технической отрасли. Акцентируется внимание на том, что в целом международная академическая миграция оказывает достаточно сильное влияние на экономику, рынок труда, общество и политические институты, стимулирует популяризацию культуры и сотрудничество между принимающими и отправляющими странами, бросает вызов глобализации в образовательной среде. Перспективной остается характеристика сущности международной миграции как общественного феномена, который появился в мире, сам по себе разделен на национальные государства, где пребывание в стране рождения считается нормой, а пересечение границы другой страны - девиацией. Необходимо продолжить анализ вопросов, связанных с мнением, что такое отношение к международной миграции, как к общественной проблеме, связано с тем, что она вызывает непредсказуемые изменения.

The article deals with the essence of international academic migration, its history and trends. The definition and classification of migration, the status of academic mobility in the structure of the migration system are presented. The history of international migration and the world trends of academic migrants in the 21st century are considered. The indicators of the number of academic migrants, as well as the reasons for their growth and decline are considered. The dominant countries of Europe and North America are described in terms of academic migration. For the first time it is proved that international academic mobility is mainly viewed as a result of economic and social development, since it largely contributes to its development and improvement or leads to intellectual losses and stagnation in the scientific and technical field. The characteristic of international migration as a public phenomenon that emerged in the world remains perspective, is itself divided into national states where stay in the country of birth is considered the norm, and crossing the border of another country is a deviation. It is necessary to continue the analysis of the questions connected with the opinion that this attitude to international migration, as to the public problem, is due to the fact that it causes unpredictable changes of great importance in this connection is the system of measures taken by the state, as well as the control and division of international migrants into several separate categories.

Ключевые слова: миграция, международная миграция, академическая миграция, иммигранты, академическая мобильность, студенты, обучение, история, тенденции, развитие

Keywords: migration, international migration, academic migration, immigrants, academic mobility, students, training, history, trends, development

В первой половине XX столетия одним из важных факторов социальной трансформации во многих регионах мира является вспыхнувшая волна международной миграции. На сегодняшний день данная тенденция все больше усиливается еще и вместе с распространением такого феномена, как демографическая мобильность. Так, в XXI веке пересе-

ление в другой город или страну, будь то в связи с работой или учебой, является скорее обыденным явлением.

Особую и все большую популярность в связи с этим с каждым годом приобретает международная академическая мобильность. Прежде всего под международной академической мобильностью понимается перемещение кого-нибудь, кто так или иначе относится к образовательной деятельности или процессу, на определенный период (как правило его промежуток составляет до одного года) в другое образовательное учреждение в рамках этой же страны или за ее пределами, для обучения, преподавания или проведения научных исследований. После окончания срока действия программы учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в учебное заведение, из которого он приехал изначально [4].

Довольно часто международная академическая мобильность рассматривается как результат экономического и социального развития, поскольку во многом она способствует этому развитию и совершенствованию или же приводит к интеллектуальным потерям и застою в научно-технической отрасли. Во многом это определяется свойствами самих мигрантов и поступками заинтересованных сторон. В целом же, международная академическая миграция оказывает достаточно сильное влияние на экономику, рынок труда, общество и политические институты, стимулирует популяризацию культуры и сотрудничество между принимающими и отправляющими странами, бросает вызов глобализации в образовательной среде. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим возможные главные тенденции и вопросы, которые непосредственно влияют и формируют общую картину международной академической миграции.

Для начала обратимся к определению и классификации миграции, определим статус академической мобильности в структуре системы миграции.

Прежде всего, под миграцией населения понимается перемещение людей, пересечение ими одной политической или административной границы на определенный срок. Внутренняя миграция - это перемещение людей из одного места (провинции, региона или города) в другое, в рамках одной страны. Существует также и третье понятие, так называемая международная миграция, сущность которой сводится к пересечению границ, отделяющих примерно 200 стран мира, и прибытию в другую страну. По мнению многих ученых, внутренняя и международная миграция являются составной частью одного и того же процесса, поэтому должны изучаться вместе [7, с. 269].

Однако, несмотря на то, что внутренняя и международная миграция являются частью единого процесса, данные понятия должны строго разделяться. Так, если расстояние внутренней миграции может быть коротким и происходить между людьми со схожими культурами (к примеру, миграция с юга Филиппин на Сабах Малайзии), то международные мигранты преодолевают более длительный путь, такая миграция предполагает совместный сбор людей самых разных национальностей, из самых разных уголков планеты. Возьмем, к примеру, перемещение афгаских национальных меньшинств из западных провинций Китая в города на востоке. В некоторых случаях бывает так, что «мигрирует» граница, а не люди, поэтому внутренние мигранты становятся международными. Например, из-за распада СССР одна страна превратилась в несколько, поэтому несколько миллионов внутренних мигрантов стали иностранцами в новых принимающих странах.

Вообще, многочисленные случаи пересечения человеком границы нельзя считать миграцией, поскольку ежедневно большое количество людей пересекают границу по причине бизнеса или туризма, однако не намереваются остаться в стране временного пребывания на длительный срок. Миграция предполагает остановку в конкретной стране на определенный минимальный период - примерно от шести месяцев до одного года. К примеру, в практике Австрии все мигранты разделяются на постоянных (долгосрочных), которые остаются работать, заниматься бизнесом, учиться (не менее 12 месяцев в году), а также краткосрочных. Сегодня Австрия является одной из «типичных иммиграционных стран» в связи с ее традицией принятия большого количества иммигрантов, которые принимают активное участие в строительстве страны. За последние несколько лет общественные дебаты сфокусированы в основном на постоянной иммиграции. Другие страны,

как правило, считают иммиграцию исключительно временным явлением. Так, в период, когда Федеративная Республика Германии начала набирать так называемых «тест-работников» в 1960 г., некоторым из них было разрешено остаться на несколько месяцев в статусе «сезонных работников», а другие получили официальное разрешение на проживание сроком лишь на один год. Со временем и в результате проживания в определенной стране становится достаточно сложно ограничить пребывание человека в ней. Люди, которые жили в течение короткого срока в стране, получали разрешение остаться на два года, потом - на пять лет и в конце концов становились постоянными резидентами страны, в которую изначально прибыли в статусе студента, бизнесмена или туриста.

Такие различия позволяют сказать о том, что не существует единых объективных стандартов в определении миграции. Прежде всего, миграция является результатом государственной политики, которая преследует политические и экономические цели, создание определенных общественных отношений.

Международная миграция как общественный феномен появилась в мире, который сам по себе разделен на национальные государства, где пребывание в стране рождения считается нормой, а пересечение границы другой страны - девиацией. Такое отношение к международной миграции, как к общественной проблеме, связано с тем, что она вызывает непредсказуемые изменения. Большое значение в связи с этим приобретает система принимаемых государством мер, а также контроль и разделение международных мигрантов на несколько отдельных категорий. Итак, в современной мировой практике наиболее известным является следующее разделение международных мигрантов:

1. *Временные трудовые мигранты.* Данная категория мигрантов довольно часто называется «тест-работниками», или иностранными работниками по контракту. Как правило, это лица, которые мигрируют на определенный срок (от нескольких месяцев до нескольких лет) для заработка денег и осуществления их перевода в страну постоянного пребывания своей семье.

2. *Интеллектуальные и коммерческие мигранты.* Эта категория мигрантов включает людей, обладающих высоким уровнем квалификации, то есть тех, которые являются менеджерами, управляющими, специалистами, учителями и продвигаются внутри международного трудового рынка межнациональных корпораций и международных организаций или которые находятся в поиске должности по редкой квалификации на международном трудовом рынке. Иногда к этому перечню относят также студентов, обучающихся за границей. Многие страны приветствуют таких мигрантов и создают специальные программы «квалифицированной и коммерческой миграции», чтобы стимулировать их к пребыванию.

3. *Нелегальные мигранты.* К этой категории относятся те лица, которые являются незаконными мигрантами или мигрантами без соответствующих документов. Прежде всего, это человек, который прибыл в чужую страну в поисках работы без наличия соответствующих документов и разрешений. На сегодняшний день достаточно большой поток трудовых мигрантов представлен незаконными мигрантами. Многие страны молчаливо разрешают такую миграцию, поскольку она предполагает трудовую мобилизацию в соответствии с требованиями работодателей без сопутствующих социальных расходов и мер для защиты мигрантов.

4. *Беженцы.* В соответствии с Конвенцией о статусе беженца, которая была принята в 1951 г., беженец - это прежде всего тот человек, который уехал из страны гражданской принадлежности, не может и не хочет возвращаться из-за «обоснованного страха, связанного с расой, религией, национальностью, членством в особой общественной группе и политическим мнением». Та страна, которая подписала контракт, так или иначе берет на себя ответственность относительно защиты беженцев, она разрешает их въезд, предоставляет им статус временного и постоянного проживания. В рамках организации по делам беженцев, особенно в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ, 1997 год) категории «беженцев» и «мигрантов» четко разделяются. Однако они

имеют множество общих черт, включая социальные потребности, культурное влияние в местах поселения.

5. *Искатели убежища*. К данной категории может быть отнесен человек, который не соответствует строгим критериям, обозначенным в Конвенции 1905 года, и пересек границу в поисках защиты. В относительно неразвитых странах зачастую возникают конфликтные ситуации, поэтому довольно трудно отличить перемещение человека по собственному преследованию или отбытие из страны в результате постоянного насилия.

6. *Вынужденная миграция*. В широком смысле понятия данный вид миграции включает в себя как беженцев, искателей беженцев, так и людей, которые вынуждены покинуть свою страну из-за экологических катастроф, строительства тех или иных объектов (к примеру, в результате строительства нового завода, дороги или дамбы).

7. *Домочадцы*. В современной практике такую миграцию принято называть «миграцией по воссоединению семьи», поскольку, как понятно, она предполагает воссоединение мигранта с членами семьи. Право человека на воссоединение с семьей признается многими странами, в частности США, Канадой, Австрией и государствами - членами Европейского союза. Ряд других стран, в которых принята контрактная трудовая система, отрицают как таковое право человека на воссоединение с семьей, поскольку в таком случае члены семьи могут незаконно въехать в страну.

8. *Возвратная миграция*. К этой категории относятся, прежде всего, те люди, которые вернулись в страну происхождения после пребывания в другой стране определенный период времени. Как правило, такая разновидность миграции всячески приветствуется, поскольку за счет нее в страну привносится капитал, новые технологии и зарубежный опыт, что необходимо для обеспечения ее экономического развития. Многими странами был разработан даже специальный план, предназначенный для использования такого «потенциала развития». У ряда других стран довольно сомнительное отношение к данному явлению, поскольку считают, что возвратная миграция может стать причиной культурных и политических изменений.

Одним из современных направлений международных миграционных процессов является академическая мобильность. Прежде всего, она является одной из разновидностей интеллектуальной миграции. Академическая миграция представляет собой перемещение студентов и преподавателей высших учебных заведений на определенный период времени в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны в целях обучения или преподавания [9]. Такая разновидность предполагает образовательную и научную миграцию. К числу международных образовательных мигрантов относятся школьники, студенты, аспиранты, доктора и прочие, которые обучаются в высших учебных заведениях в целях получения образования, повышения квалификации. Данная диаспора состоит из потенциальных ученых. В таком случае ученая миграция предполагает миграцию уже состоявшихся ученых. Образовательная же миграция предполагает учебную миграцию, поэтому она включает передвижение учащихся, которые проходят обучение за границей своей родины более 12 месяцев [6, с. 7]. Учебная миграция при этом исключает возможность прохождения стажировок, дополнительных курсов и других видов краткосрочного обучения.

По мнению Е.Е. Письменной, цель перемещения образовательных мигрантов на международном уровне состоит в получении образования высокой степени. К числу образовательных мигрантов относятся в первую очередь школьники, студенты средних специальных и высших учебных заведений, аспиранты, доктора, стажеры, профессора, повышающие свою квалификацию в разных учебных заведениях, структурах и компаниях [2, с. 10]. Учебные мигранты, в свою очередь, направлены исключительно на определенные учебные заведения. С этой точки зрения можно сказать о том, что учебная миграция является одной из составляющих образовательной миграции.

Возвращаясь к понятию международной академической мобильности, необходимо добавить, что она является предметом исследования многих научных областей, среди ко-

торых социология, экономика, политика, культурология и многие другие. В связи с этим анализ тенденций, эффектов данного феномена с позиции лишь одной науки, на наш взгляд, будет не полным. Данный тип миграции должен изучаться с точки зрения социологии с применением подходов и теорий других наук, поскольку такой подход связан с извлечением материальной выгоды от перемещения, в отличие от экономической миграции [3, с. 28].

Следующим аспектом, который мы хотим рассмотреть в рамках настоящей статьи, является история международной миграции и тенденции академических мигрантов в современном мире.

Человек по своей природе - существо, постоянно стремящееся к перемещению. В силу изменения окружающей среды, роста населения, развития производства, в результате войны и образования стран, так или иначе, человечество постоянно мигрирует. Академическая миграция является одной из разновидностей международной миграции. Сегодня уже трудно выяснить однозначно, кто стал первым академическим мигрантом из-за того, что история данного понятия начинается в далекой древности. Академическую миграцию мы изучаем с использованием имеющихся данных с историей международной миграции. В целом же, историю международной миграции можно разделить на следующие четыре периода:

1. *Международная миграция в период первоначального накопления капитала.* В конце XV - начале XVI столетия европейскими колонизаторами были образованы колонии для накопления капиталов. В это время состав мигрантов включал вооруженных лиц, административных лиц, проповедников, африканских негров-рабов, которые и составили большую часть международных мигрантов.

2. *Международная миграция в период индустриализации Европы и США.* Этот период является периодом большого переворота мировой истории. Процесс индустриализации быстро распространился из Европы и США в колонии Америки. Вначале был завершен переход капитализма из кустарной промышленности на крупную промышленность, в скором времени осуществился переход свободного капитализма на монополистический капитализм. На этом фоне произошел небывалый расцвет международной миграции. Масштабная миграция была распространенным феноменом в период индустриализации Европы и США.

3. *Международная миграция в период мировых войн.* В этот период противоречия между монополистическими капиталами достигли своего пика, вспыхнула Первая мировая война, которая стала причиной мирового экономического кризиса. После этого тут же произошла Вторая мировая война и возникли движения за национальную независимость. В результате Первой мировой войны бурно развивающаяся эмиграция Европы была прервана. После войн, несмотря на возросшее количество мигрантов, они составили 1/3 их общей численности до начала войны. Во многом это было обусловлено влиянием мирового экономического кризиса. С началом и развитием событий Второй мировой войны международная миграция практически была остановлена. Следует уточнить, что здесь мы имеем в виду экономических мигрантов, поскольку количество политических мигрантов в этот период резко и стремительно возросло.

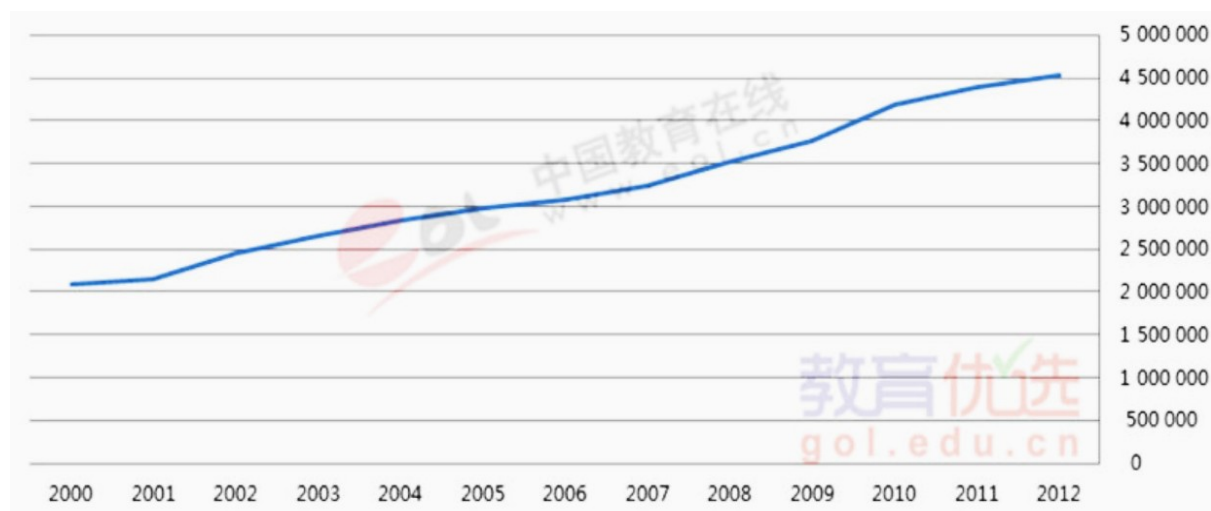
4. *Международная миграция в постиндустриальный период.* После окончания Второй мировой войны, особенно с 60-х годов XX в., в международной миграции происходили кардинальные изменения. В частности, международные мигранты, не как в период индустриализации, перемещались из стран Европы в места заселения, образованные европейцами. Главными выездными местами мигрантов стали развивающиеся страны третьего мира. Во время индустриализации международные мигранты из густонаселенных стран с высоким темпом индустриализации направлялись в малонаселенные страны с высоким темпом индустриализации. А непосредственно в период постиндустриализации миграция осуществлялась преимущественно из густонаселенных стран, которые находились на начальном этапе индустриализации, в густонаселенные страны, которые вступили на

постиндустриальный этап. Так, с 60-х годов XX в. общее количество эмигрантов из Европы резко снижается от общего количества мировых мигрантов, в свою очередь, доля мигрантов из Азии, Латинской Америки и Африки значительно повышается. Вместе с этим возрастает и количество стран миграции, помимо традиционных стран - Америки и Океании, принимающих мигрантов, этим занялись и страны Европы. Также следует отметить, что само положение миграции в этот период значительно изменилось. Количество иммигрантов резко увеличилось из стран, богатых рабочей силой. Принимающими странами применялась ограничительная политика, в результате чего значительно возросло количество нелегальных мигрантов.

Что касается тенденции академической мобильности в XXI в., то в результате образовательной глобализации современные студенты имеют гораздо большие возможности для обучения за границей. Буквально с каждым годом тенденция академической мобильности увеличивается, и это несмотря на популяризацию курсов в сети, повышение количества иностранных учебных работников, создание зарубежных центров и филиалов иностранных высших учебных заведений.

В современном мире международное перемещение академических мигрантов становится все более частым явлением. Как свидетельствует статистика ОЭСР, в 2000 г. общее количество академических мигрантов высшего образования составило 2 087 702 человека, а в 2012 г. данный показатель вырос до 4 528 044 человек. Так, масштаб роста составляет 116,89% (см. рисунок) [10].

*Рис. Количество академических мигрантов высшего образования в мире 2000-2012 гг.
Fig. The number of academic migrants of higher education in the world 2000-2012*

Источник: International Migration: Definition, Trends & Consequences [Electronic resource]. Access mode: <https://study.com/academy/lesson/international-migration-definition-trends-consequences.html> (date of the application - 2 April 2018).

Source: International Migration: Definition, Trends & Consequences [Electronic resource]. Access mode: <https://study.com/academy/lesson/international-migration-definition-trends-consequences.html> (date of the application - 2 April 2018).

Если рассматривать тенденцию академической миграции в самых больших странах - США, Англии, Канаде, Новой Зеландии и Японии, то можно заметить, что там количество академических мигрантов составило 2 921 141 чел., а это означает возрастание данного показателя на 4,7%. Среди них количество академических мигрантов высшего образования в Америке достигло 886 051 чел., то есть выросло на 8,1%. Очевидный рост также наблюдается в Германии и Канаде - 6,4% и 10,6% соответственно. При этом в Англии и Японии произошло значительное уменьшение количества обучающихся ино-

странных студентов. Так, в Англии данный показатель уменьшился с 488 380 до 481 050 чел., а общий масштаб снижения составил 1,5%, в Японии - на 2 237 человек. Статистика свидетельствует, что в 2013-2014 году в Новой Зеландии общее количество академических мигрантов составило 73 510 чел., что на 14,4% больше, чем в прошлом финансовом году. В других же странах, которые пользуются популярностью у академических мигрантов, в Южной Корее в частности, количество иностранных студентов выросло с 81 871 чел. в 2013 г. до 84 801 чел., при этом размах роста составил 3,58%. Резюмируя, следует сказать, что общее количество мировых академических мигрантов непрерывно увеличивается [8].

В соответствии с данными, представленными в отчете «Взгляд на образование», или «Education at glance», который был составлен ОЭСР в 2013 г., международная академическая мобильность высшего образования за период 2000-2001 года выросла более чем в 2 раза. По прогнозу ЮНЕСКО к 2015 г. численность иностранных студентов во всем мире достигнет 7,2 млн человек [1, с. 7]. А прогнозу 2017 г. ЮНЕСКО обещает, что эта цифра к 2025 г. достигнет 8 млн человек.

В целом, в процессе перемещения академических мигрантов в мире было образовано пять основных систем академической мобильности [5, с. 6-7]:

1. Система северной Америки. Данная система является самой значительной и принимает самое большое количество академических мигрантов. По количеству академические мигранты из карибского региона занимают первое место, азиатские - второе.

2. Система Европы. Данная система было образована во второй половине XX столетия. Большинство академических мигрантов являются выходцами из Ближнего Востока, России, стран бывшего СССР, Африки и Азии.

3. Система Персидского залива. Она была образована в 70-х годах XX столетия. При этом около 80% академических мигрантов составляют жители Азии.

4. Азиатско-Тихоокеанская система имеет несколько центров. На сегодняшний день среди них Австрия, Япония, Восточная Азия и Юго-Восточная Азия, которые являются четырьмя центрами, принимающими академических мигрантов. В данной системе академические мигранты из Азии составляют 80%, а после них уже следуют академические мигранты из Америки и Океании.

5. В системе южной части Латинской Америки - Аргентина, Бразилия, Уругвай, которые являются самыми древними странами-импортерами.

Вместе с увеличением количества международных академических мигрантов и многообразием выбора распределение назначенных мест академической мобильности значительно изменилось. Так, как свидетельствуют данные Международной ассоциации образования США, в 2001-2014 гг. процент академических мигрантов в первых шести странах остался неизменным и составил примерно 65%, однако изменилось само распределение этих иммигрантов. Несмотря на то, что страны ОЭСР, как и в прошлом, являются главными странами по обучению, современные шесть главных стран-импортеров академических мигрантов постепенно перемещаются в Европу, США и Азиатско-Тихоокеанский регион. Старые места назначения зарубежного обучения, в частности Испания, Бельгия, заменяются новыми странами и центрами районов зарубежного обучения, а именно Китаем, Канадой и другими. Сегодня особой популярностью у академических мигрантов также пользуются Малайзия, Саудовская Аравия [10].

Одной из ключевых особенностей глобализации высшего образования является регионализация. В мировом масштабе два больших района занимаются строительством пространства высшего образования внутри отдельных районов. Строительство образовательного района Европейским сообществом - план Эразмус Мунду - может быть типичным примером развития данной тенденции. Также интерес вызывает и план «Общее пространство высшего образования», который был создан в результате интеграции АСЕАН. В рамках высшего образования АСЕАН были учреждены Ассоциация министров и Мини-

стерств образования Юго-Восточной Азии, сеть высших учебных заведений АСЕАН (AUN) и прочие организации. Страны АСЕАН согласовывают свою деятельность по следующему кругу вопросов: создание единой основы образования, установление единой системы уроков в АСЕАН, повышение качества обучения. Вместе с тем в планах у АСЕАН создание единой оценочной системы в целях гарантии качества интеграции высшего образования.

Таким образом, масштабная академическая мобильность является, прежде всего, результатом глобализации экономики и образования. Глобализация приводит к высшей степени равенства и умножению возможностей, что способствует повышению мобильности народа в поисках хороших возможностей образования. На фоне экономической глобализации масштабная академическая мобильность является неизбежной тенденцией. В связи с увеличением разницы в сфере образования между развитыми и менее развитыми странами, а также с усилением экономической интеграции количество академических мигрантов продолжит повышаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Международная студенческая мобильность как показатель успешности системы образования // Бюллетень о состоянии российского образования. - 2015. - № 4. - С. 7
2. Письменная Е.Е. Социальные исследования учебной миграции в Россию: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. - М., 2009. - С. 10.
3. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии / С.В. Рязанцев. - М., 2008. - С. 28.
4. Academic Migration, Realities, and Challenges. URL: http://www.nafsa.org/Resource_Library_Assets/Networks/RS/Book_Reviews/Academic_Migration_Realities_and_Challenges/ (accessed: 01.04.2018).
5. A phenomenological study of academic migrants adjusting to working and living in Scotland. URL: <https://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/S1479362820140000011000> (accessed: on: 02.04.2018).
6. Compass: Manual for Human Rights Education with Young people. URL: <https://www.coe.int/en/web/compass/migration> (accessed: 01.04.2018).
7. Douglas S. Worlds in Motion. S. Douglas. 1998. - Pp. 6-7.
8. International Migration. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/international-migration/> (accessed: 03.04.2018).
9. International Migration Journal. URL: <https://www.iom.int/international-migration-journal> (accessed: 02.04.2018).
10. International Migration: Definition, Trends & Consequences. URL: <https://study.com/academy/lesson/international-migration-definition-trends-consequences.html>. (accessed: 02.04.2018).
11. International Migration Outlook 2017 URL: <http://www.oecd.org/migration/international-migration-outlook-1999124x.htm> (accessed: 03.04.2018).
12. Migrant/Migration URL: <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/international-migration/glossary/migrant/> (accessed: 01.04.2018).
13. Spring J. Globalization of Education: An Introduction / J. Spring // Queens College & Graduate Centre. City University of New York, 2009.
14. Stephen Castles. International migration at the beginning of the 21st century. Stephen Castles. International Social Journal. September, 2000. Pp. 269-281.
15. School education for migrants. URL: https://ec.europa.eu/education/policy/migration/schools_en (accessed: 02.04.2018).

REFERENCES

1. International student mobility as an indicator of the success of the education system. Bulletin on the state of Russian education. 2015. No. 4. P.7. (in Russ)
2. Письменная Е.Е. Social studies of educational migration in Russia: Avtoref. dis. .kand. soc. sciences'. М., 2009. P. 10. (in Russ)
3. Ryazantsev S. V. Labor migration in the CIS and Baltic countrie. S. V. Ryazantsev. М., 2008. P. 28. (in Russ)

4. Academic Migration, Realities, and Challenges. URL: http://www.nafsa.org/Resource_Library_Assets/Networks/RS/Book_Reviews/Academic_Migration,_Realities,_and_Challenges/ (accessed: 01.04.2018).
5. A phenomenological study of academic migrants adjusting to working and living in Scotland. URL: <https://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/S1479362820140000011000> (accessed: on: 02.04.2018).
6. Compass: Manual for Human Rights Education with Young people. URL: <https://www.coe.int/en/web/compass/migration> (accessed: 01.04.2018).
7. Douglas S. Worlds in Motion. S. Douglas. 1998. - Pp. 6-7.
8. International Migration. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/international-migration/> (accessed: 03.04.2018).
9. International Migration Journal. URL: <https://www.iom.int/international-migration-journal> (accessed: 02.04.2018).
10. International Migration: Definition, Trends & Consequences. URL: <https://study.com/academy/lesson/international-migration-definition-trends-consequences.html>. (accessed: 02.04.2018).
11. International Migration Outlook 2017 URL: <http://www.oecd.org/migration/international-migration-outlook-1999124x.htm> (accessed: 03.04.2018).
12. Migrant/Migration URL: <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/international-migration/glossary/migrant/> (accessed: 01.04.2018).
13. Spring J. Globalization of Education: An Introduction / J. Spring // Queens College & Graduate Centre. City University of New York, 2009.
14. Stephen Castles. International migration at the beginning of the 21st century. Stephen Castles. International Social Journal. September, 2000. Pp. 269-281.
15. School education for migrants. URL: https://ec.europa.eu/education/policy/migration/schools_en (accessed: 02.04.2018).

Информация об авторе:

Ван Хайянь, аспирант, старший преподаватель, Северо-Западный педагогический университет, г. Ланьчжоу, КНР Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия
380862378@qq.com

Получена: 07.04.2018

Для цитирования: Ван Х. Международная академическая миграция: история и тенденции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.58-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-58-66.

Information about the author:

Haiyan WANG, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Northwest Normal University, Lanzhou, P.R. China, Russian State Social University, Moscow, Russia
380862378@qq.com

Received: 07.04.2018

For citation: Wang H. International academic migration: history and trends. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 58-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-58-66. (in Russ)

УДК 316.48

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-67-71

ГИЗАТУЛЛИН Артур Айратович
Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации
г. Москва, Россия
gizatullin_90@inbox.ru

Arthur A. GIZATULLIN
Department of Sociology
Military University of the Russian Ministry
of Defense
Moscow, Russia
gizatullin_90@inbox.ru

**СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В ВОИНСКИХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МО РФ**

**STRATEGIES FOR RESOLVING SOCIAL CONFLICTS
IN MILITARY UNITS OF THE RUSSIAN MINISTRY
OF DEFENSE**

Конфликт является естественным явлением в структуре социального взаимодействия современного общества. Значимое место конфликты занимают в системе социальных отношений военной организации. Важной чертой модернизации современных Вооруженных Сил РФ является не только совершенствование боевой подготовки и техническое оснащение новым вооружением и военной техникой, но и преобразование социальных взаимодействий в различных управленческих сценариях. Проявляется потребность в возрастании эффективности управления многогранной деятельностью военной организации. Ориентация на транспарентность системы военного управления, гуманизацию военно-социальной среды, публичный контроль принимаемых решений обуславливают корректировку методов военного управления. В этой обстановке для эффективного управления личным составом и оптимального использования потенциала военно-социальной среды командиру (руководителю) требуется выстроить четкий механизм управления кризисными ситуациями в подчиненном воинском коллективе. Руководитель любого ранга стремится к оперативному разрешению или урегулированию возникающих конфликтов, особенно если он сам является участником конфликта с подчиненным. К сожалению, как показывает практика, руководителю это не всегда удается. В данной статье рассматриваются и оцениваются способы и методы деятельности военного руководителя, при помощи которых он стремится завершить конфликт. Также рассматривается деятельность вмешивающейся (медиаторской) стороны в целях прекращения конфликтного взаимодействия руководителя и подчиненного.

Conflict is a natural phenomenon in the structure of social interaction of modern society. Conflicts occupy a significant place in the system of social relations of a military organization. An important feature of modernization of the Russian Armed forces is not only the improvement of combat training and technical equipment with new weapons and military equipment, but also the transformation of social interactions in various managerial scenarios. Manifests the need for increasing the effectiveness of management of many-sided activity of the military organization. Focus on the transparency of the system of military administration, humanizing the military social environment, public control of the decisions that determine the adjustment of the methods of military administration. In this situation, for effective management of personnel and optimal use of the capabilities of the military social environment the commander (head) required to build a clear mechanism for crisis management in a subordinate military staff. A Manager of any rank is committed to the prompt resolution or settlement of emerging conflicts, especially if he is a party to the conflict with a subordinate. Unfortunately, as practice shows, the head does not always succeed. This article discusses and evaluates the ways and methods of the military leader's activity, with the help of which he seeks to end the conflict. The activity of the intervening (mediator) side is also considered in order to stop the conflict interaction between the head and the subordinate.

Ключевые слова: конфликт, кризисная ситуация, подразделение, коллектив, руководитель, посредничество, арбитр, стратегия управления конфликтом, разрешение конфликта, конфликт-менеджмент

Keywords: conflict, crisis, division, team, manager, mediation, arbitrator, conflict management strategy, conflict resolution, conflict management

Конфликты, которые возникают между подчиненным и руководителем, воздействуют на все аспекты социального взаимодействия их участников и на взаимоотношения в воинском коллективе в целом. Не менее негативным эффектом характеризуются конфликты, протекающие по горизонтали служебных отношений. Следовательно, любой конфликт, который происходит в воинском подразделении, необходимо превратить в объект пристального внимания армейской общественности и руководства [1, с. 192]. Не-

которые конфликтные ситуации вполне можно решить и без вмешательства третьей стороны.

Однако, если противоречие, вызвавшее конфликт, будет не разрешено, а проигнорировано, в будущем оно неизбежно станет основой для множества коллизий, которые превзойдут предыдущие конфликты по степени остроты, масштабам и последствиям.

Наиболее рациональная стратегия управления конфликтом состоит в разрешении предконфликтной и собственно конфликтной ситуации неконфликтными методами.

Первый метод - саморазрешение возникшего противоречия или самоурегулирование конфликтного взаимодействия самими противостоящими сторонами, когда оппоненты посредством достижения компромисса либо путем определенных уступок и сотрудничества достигают взаимного соглашения [2, с. 56-58]. В случае, если противоречие, ставшее причиной конфликта, не может разрешиться участниками конфликта самостоятельно в силу причин объективного и субъективного характера, а последующее неконтролируемое развитие конфликтной ситуации может вызвать необратимые последствия, наилучший эффект дает иной метод - разрешение разногласий при помощи третьих лиц [3, с. 64-73].

В этом состоит второй способ урегулирования либо разрешения конфликта между подчиненным и руководителем. Следует отметить, что этот метод действительно работает при разрешении конфликтных ситуаций, так как результаты исследования показывают, что почти 80% конфликтов такого типа разрешаются при вмешательстве третьей стороны [4, с. 105-112].

Вместе с тем было бы неверным утверждать, что основным методом разрешения конфликта между подчиненным и руководителем выступает вмешательство третьих лиц. Данный способ говорит о неспособности оппонентов разрешить возникшую проблему самостоятельно. Его применение наиболее эффективно в следующих ситуациях:

- если конфликт между подчиненным и руководителем тянется длительное время и его последующее неконтролируемое развитие может деструктивно воздействовать на воинское подразделение, а соответственно, и на качество разрешения задач, поставленных перед воинским коллективом; самостоятельное урегулирование конфликта ввиду сложившихся обстоятельств невозможно;

- ограниченность пространственных и временных параметров, удаленность территорий, характерная для подразделений ВС России, исполняющих разные функции, не всегда позволяет привлечь третью сторону в качестве медиатора.

Помимо этого, присутствующая в воинских коллективах жесткая субординация также не всегда позволяет подчиненному обратиться с просьбой о разрешении конфликта к посреднику, в особенности если конфликт касается личности офицера: оскорбление достоинства, унижение и пр. Обычно в подобных конфликтах подчиненный стремится посредством противоборства самостоятельно отстоять свое оскорбленное достоинство, не обращаясь за помощью к вышестоящему руководителю.

Имеет смысл уделять особое внимание развитию практических навыков урегулирования конфликтов, способностей разрешать конфликты, возникающие между подчиненными. Навык руководителя сводить на нет конфликтные ситуации даст возможность существенно экономить силы и время, а главное - находить выход без привлечения третьей стороны [5, с. 73-84].

Способность руководства грамотно и вовремя разрешать конфликт непосредственно отражается на его авторитете в коллективе и формирует позитивное отношение со стороны подчиненных [6, с. 63]. Исследования позволяют определить эффективные способы разрешения и урегулирования конфликтов, которые используются военными руководителями чаще других. Среди таких способов можно выделить следующие:

- прекращение конфликтного взаимодействия путем удаления оппонентов из сферы их взаимодействия решением руководителя. (Этот метод не разрешает того противоречия, которое стало причиной конфликта, и не всегда выступает самым удачным спосо-

бом решить конфликт, однако он позволяет быстро прекратить конфликтное взаимодействие);

- переговоры со сторонами конфликта, осуществляемые для прекращения конфликтного противостояния и в целях совместного поиска выхода из имеющейся ситуации. (Безусловно, инициатива проведения таких переговоров должна исходить от руководителя, поскольку инициатива подчиненного находит отклик у руководства далеко не всегда);

- обращение руководителя за помощью и содействием в разрешении конфликта к сослуживцам конфликтующего подчиненного, его друзьям и товарищам, а также к неформальным лидерам воинского коллектива [7, с. 69].

Бесспорно, обращение руководителя за помощью к старшим начальникам тоже способно оказать положительное влияние на конфликт, тем не менее этот метод не всегда находит понимание у членов воинского коллектива и самих участников конфликта.

Наилучшим вариантом действий руководства является недопущение того, чтобы предконфликтная ситуация переросла в нескрываемое столкновение, но, если конфликт уже произошел, главное - не поддаваться воздействию негативных эмоций, не принимать непродуманных решений, что способствует разрешению либо урегулированию возникшего конфликта с минимальными потерями для обоих участников.

Перед тем, как выступить в роли инициатора примирения с подчиненным, руководителю следует проанализировать ситуацию, установить причины конфликта, цель, к которой стремится подчиненный, а также реакцию воинского коллектива на возникшую конфликтную ситуацию [8, с. 34-37]. Детально проанализировав указанные выше аспекты, руководитель сумеет принять верное решение, способное ослабить конфликтное противостояние и в дальнейшем достичь примирения.

Как показывает практика, современные военные руководители, к сожалению, не всегда готовы конструктивно и грамотно разрешать конфликты. Основным методом действий руководства является открытое служебное, административное, психологическое давление на подчиненного, который осмелился выразить руководителю возражение, наступление на него широким фронтом всевозможных приемов и способов борьбы [9, с. 4-10]. Об этом свидетельствуют не только результаты исследований, но также множество жалоб от разных категорий военнослужащих в соответствующие органы военного управления, органы юстиции и средства массовой информации на неправомерные действия руководства. И проблема состоит не только в отсутствии правовой защищенности военнослужащего от произвола руководителя, но и в недостаточной компетентности руководителей в области взаимоотношений военнослужащих (сфере социального взаимодействия), нехватке навыков неконфликтного общения с исполнителями и конструктивного урегулирования конфликтов с подчиненными и среди подчиненных.

На сегодняшний день конфликтная компетентность считается не только важным элементом социальной компетентности, но и ключевым признаком межкультурной компетентности - обязательного качества специалиста в современном обществе поликультурного типа. Признавая специфичный характер процесса повседневной учебно-боевой деятельности, следует особое внимание уделить конфликтной компетентности военных кадров как фундаментальной характеристике эффективной коммуникации в военной организации и, что особенно важно, эффективного военного управления.

У многих офицеров - командиров воинских подразделений на сегодняшний день недостаточно специальных знаний в сфере урегулирования конфликтов, зачастую их коммуникативные качества, как и навыки эффективного руководства, находятся на невысоком уровне.

Авторитет должности при взаимодействии с подчиненными ставится выше авторитета личности руководителя, а требования к подчиненным зачастую идут вразрез с уважением достоинства военнослужащих. По отношению к подчиненным нередко допускается хамство, грубые высказывания и высокомерие. В результате авторитет руководителя как потенциального арбитра при урегулировании конфликтов серьезно страдает,

что сводит на нет основы конфликт-менеджмента офицерского состава. Развитие и усовершенствование культуры управления офицеров, базирующейся на правилах корпоративной культуры и конфликтной компетентности, - одна из наиболее значимых задач при профессиональной подготовке офицерского состава.

Противоречивость коммуникативных процессов в воинском подразделении обусловлена наличием противоположных интересов, нуждающихся в согласовании. Это и потребность в ситуативном принятии управленческих решений, и оценка продуктивности служебной деятельности, и учебная, общественная, боевая эффективность.

Существующее на сегодняшний день развитие военной организации обязывает офицера изучать основы конфликтологии, психологии и педагогики, осваивать методические навыки урегулирования конфликтов, повышать организационную культуру.

Посредничество третьей стороны в предотвращении конфликтных ситуаций, как показала практика, обладает эффективным управленческим влиянием и нацелено на поиск решения конфликта. Наиболее выраженный эффект от участия третьей стороны в рамках военной организации дает медиаторство.

Медиаторство считают одним из самых успешных и универсальных методов урегулирования конфликтных ситуаций. Применяя профессиональный опыт, специальную методику, психологические знания, арбитр оказывает содействие достижению оппонентами соглашения.

К признакам классического посредничества можно отнести: неформальность, необязательность, независимость, нейтралитет и гибкость медиатора, участие самих оппонентов, конфиденциальность. При посредничестве решение выносят сами участники конфликта.

Когда медиатором является не представитель командования, а офицер подразделения, воинской части (обладающий наибольшим авторитетом), весьма затруднительно придерживаться принципа нейтральности по отношению к конфликтам внутри коллектива. Распространенная практика вмешательства в конфликты подчиненных вышестоящего руководства также не отвечает принципам медиаторства, в частности принципу добровольного участия оппонентов в разрешении спора и принципу неуполномоченности медиатора выносить решения.

Помимо этого, любое вмешательство руководства в конфликт подчиненных, несомненно, тесно взаимосвязано как с интересами руководителя, так и с интересами коллектива, а соответственно, нейтральным его считать нельзя.

Мы полагаем, что возникновение неклассических, нетрадиционных форм посредничества является неизбежным и к тому же полезным процессом, поэтому не стоит игнорировать их из-за несоответствия требованиям базовой, традиционной модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуманитарные аспекты строительства Вооруженных Сил: Военно-теоретический труд / рук. авт. кол-ва В.П. Суставов. - М.: ВУ, 2007.
2. Анцупов А.Я. Социально-психологические основы предупреждения и конструктивного разрешения межличностных конфликтов между офицерами / А.Я. Анцупов. - М., 2007.
3. Келли Р. Посредничество: Разрешение споров и управление конфликтом (из 15-летней практики) / Р. Келли // Социальный конфликт. - 2008. - № 4.
4. Кулик М.А. Применение социологических исследований для предотвращения конфликтов / М.А. Кулик // Справочник по управлению персоналом. - 2012. - № 3.
5. Баринов В.А. Организационный подход к управлению конфликтами в кризисной ситуации / В.А. Баринов, Н.В. Баринов // Менеджмент в России и за рубежом. - 2009. - № 5.
6. Григорьев А.А. Военная культура: где точка опоры? / А. Григорьев // Вестник границы России. - 2010. - № 1.
7. Военно-социологические исследования: Сборник статей. - 2014. - № 2(6).
8. Ельцов А.В. Компенсационные механизмы в конфликтах (снятие агрессивности) / А. Ельцов // Управление персоналом. - 2009. - № 7.
9. Чаплыгин А.А. Социальные технологии и управление конфликтами в коллективе. - Калининград: КГУ, 2010.

REFERENCES

1. Gumanitarnye aspekty stroitel'stva Vooruzhennyh Sil: Voenno-teoreticheskij trud. [Humanitarian aspects of the construction of the Armed forces: military-theoretical work]. hands. AWT. count V. P. Sustavov. Moscow: WU, 2007 (in Russ)
2. Ancupov, A.YA. Social'no-psihologicheskie osnovy preduprezhdeniya i kon-struktivnogo razresheniya mezhlichnostnyh konfliktov mezhdu oficerami. [Socio-psychological bases of the prevention and constructive resolution of interpersonal conflict between officers]. A. Ya. Antsupov. M., 2007 (in Russ)
3. Kelli R. Posrednichestvo: Razreshenie sporov i upravlenie konfliktom (iz 15-letnej praktiki). [Dispute resolution and conflict management]. (15 years). R. Kelly. Social conflict. 2008. No. 4. (in Russ)
4. Kulik M.A. Primenenie sociologicheskikh issledovanij dlya predotvrashcheniya konfliktov. M.A. Kulik. Spravochnik po upravleniyu personalom. [Application of sociological research for conflict prevention. M. A. Kulik . Handbook of personnel management.] 2012. No. 3 (in russ)
5. Barinov V.A. Organizacionnyj podhod k upravleniyu konfliktami v kri-zisnoj situacii V.A. Barinov, N.V. Barinov . Menedzhment v Rossii i za rubezhom. [Organizational approach to conflict management in a crisis situation. V. A. Barinov, N. In. Barinov Management in Russia and abroad.] 2009. No. 5. (in russ)
6. Grigor'ev A.A. Voennaya kul'tura: gde tochka opory? A. Grigor'ev. Vestnik granicy Rossii. [Military culture: where is the fulcrum? A. Grigoriev . Bulletin of the Russian border.] 2010. No. 1. (in russ)
7. Voenno-sociologicheskie issledovaniya. Sbornik statej. № 2(6) M. 2014. [Military sociological research. Collected papers.] № 2(6). M. 2014 (in russ)
8. El'cov A.V. Kompensacionnye mekhanizmy v konfliktah (snyatie agres-sivnosti) A. El'cov . Upravlenie personalom. [Compensatory mechanisms in conflicts (removal of aggression)] A. El'tsov. personnel management 2009. No. 7. (in russ)
9. CHaplygin A.A. Social'nye tekhnologii i upravlenie konfliktami v kollektive. Kaliningrad:[Social technologies and collective conflict management.] Kaliningrad: KSU, 2010. (in russ)

Информация об авторе:

Гизатуллин Артур Айратович, адъюнкт, кафедра социологии, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия
gizatullin_90@inbox.ru

Получена: 23.03.2018

Для цитирования: Гизатуллин А.А. Стратегии разрешения социальных конфликтов в воинских подразделениях МО РФ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.67-71.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-67-71.

Information about the author:

Arthur A. Gizatullin, Postgraduate Student, Department of Sociology, Military University of the Russian Ministry of Defense, Moscow, Russia
gizatullin_90@inbox.ru

Received: 23.03.2018

For citation: Gizatullin A. A. Strategies for resolving social conflicts in military units of the Russian ministry of defense. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.2-2. Pp. 67-71.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-67-71. (in Russ)

УДК 304.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77

ГЛУШКО Ирина Васильевна
Азово-Черноморский инженерный институт
Донской государственный аграрный
университет
г. Зерноград, Россия
glu-ir@mail.ru

ЗУЕВА Татьяна Михайловна
Азово-Черноморский инженерный институт
Донской государственный аграрный
университет
г. Зерноград, Россия

ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность проблемы обусловлена всплеском исследовательского интереса к проблеме доверия и необходимостью объективной оценки возможных перспектив роста доверия в среде социальных практик и институтов. В статье рассматриваются теоретико-методологические проблемы изучения социальных практик и институтов и проявляется потенциал доверия как ресурса их изменения в современном российском обществе. Исследуется вопрос о соотношении института и социальных практик. С точки зрения принципа синкретизма, на основании деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структуриалистской и этно-методологической концепций социальных практик социальные практики рассматриваются как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов и порождающие новые социальные институты. Авторы указывают также на ряд теоретико-методологических затруднений, возникающих при использовании трактовок доверия, имеющих в зарубежной литературе применительно к российской специфике. Делается вывод о необходимости использования принципа контекстуальности, в соответствии с которым институционализация доверия на практике возможна в связи с формированием многообразия социальных, политических и экономических институциональных и гражданских форм. Выяснено, что в современном российском обществе в качестве препятствий и барьеров на пути развития доверия выступают ментальные установки, изучается их природа, основания и пути преодоления. Результаты исследования могут быть использованы для решения определенного спектра общественных проблем, при разработке моделей социального управления и социальных программ, учитывающих социально-нормативную значимость и социальный эффект доверия.

Ключевые слова: доверие, социальные практики, социальные институты, институционализация, теоретико-методологические подходы, российское общество

Irina V. GLUSHKO
Azov-Black Sea Engineering Institute
Don State Agrarian University
Zernograd, Russia
glu-ir@mail.ru

Tatyana M. ZUEVA
Azov-Black Sea Engineering Institute
Don State Agrarian University
Zernograd, Russia

TRUST AS A RESOURCE FOR CHANGING SOCIAL PRACTICES AND INSTITUTIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

The relevance of the problem is due to a burst of research interest to the problem of trust. An objective assessment of the possible prospects for the growth of trust among social practices and institutions is necessary. The article highlights the theoretical and methodological problems of studying social practices and institutions and the potential of trust as a resource of their change in modern Russian society is clarified. The question of the relationship between the institution and social practices explored. The principle of syncretism is used. This principle allows synthesizing activity and institutional approaches, the concept of «background» and «disclosure» of practices, as well as structuralist-constructivist, structuralist and ethnomethodological concepts of social practices. In this case social practices are viewed as repertoires of social actions and interactions performed by subjects that ensure the stable functioning or transformation of social institutions, and generate new social institutions. The authors point to theoretical and methodological difficulties arising from the use of interpretations of confidence that are available in foreign literature in relation to Russian specifics. It is concluded that the use of the principle of contextuality. The mental attitudes as barriers to the development of confidence are advocated in modern Russian society. The nature, grounds and ways to overcome these barriers are explored. Practical institutionalization of trust is possible in connection with the formation of a variety of social, political and economic institutional and civil forms. The results of the research can be used to solve a certain range of social problems, when developing models of social management and drawing up social programs that take into account the social normative significance and social effect of trust.

Keywords: trust, social practices, social institutions, institutionalization, theoretical and methodological approaches, Russian society

Целью статьи является выяснение теоретико-методологических проблем изучения социальных практик и институтов и прояснение потенциала доверия как вероятного ресурса их изменения в современном российском обществе.

Обществоведческий анализ феномена социальных практик базируется на нескольких методологических подходах. Поскольку любая сфера социума представляет собой тот или иной вид человеческой деятельности, то специалисты называют, прежде всего, практическую парадигму исследования социальных практик в двух исследовательских установках: «раскрывающих» практик М. Хайдеггера и «фоновых практик» Л. Витгенштейна [1], а также структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [2], теорию структуризации Э. Гидденса [3, с. 111] и этнометодологию Г. Гарфинкеля [4, с. 9].

Понятия «институционализация», «социальный институт», «институциональная парадигма» имеют большее или меньшее отношение к исследованию социальных практик у многих авторов. В классическом социологическом варианте Э. Дюркгейм считал социальными институтами «все устоявшиеся, типичные отношения в обществе» [5, с. 67].

Для отечественных социологов институционализм также является основополагающим для концептуализации социальных практик в разных вариантах институционального подхода.

В одном из вариантов социальные практики считаются первичными, основополагающими по отношению к социальным институтам, тогда как социальные институты есть главные (базовые, основные, наиболее устойчивые в данном обществе) формы (или типы) социальной практики [6].

В другом варианте институционального подхода социальные практики рассматриваются как формы функционирования социальных институтов [7, с. 92].

С точки зрения синтеза деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической концепций социальных практик мы рассматриваем социальные практики как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов и порождающие новые социальные институты [8, с. 80].

Соотношение института и социальных практик - один из проблемных вопросов институционализма. Среди специалистов нет единства мнений по поводу того, что означает само явление институционализации, какова его объективная основа и механизм. Существуют различные интерпретации понятия «социальный институт». Классическим является определение института, сформулированное представителем неoinституционализма, Нобелевским лауреатом Д. Нормом: «Институты - это "правила игры" в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми..., задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия - будь то в политике, социальной сфере или экономике» [9, с. 17].

В разных вариантах неoinституционализма дается различная по объему трактовка института. Так, Дж. Марч и Й. Ольсен, как представители нормативного неoinституционализма, дают широкую трактовку и относят к институтам «установившуюся практику (рутину), процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания» [10, с. 22].

В менталистских трактовках институты рассматриваются как совокупность правил поведения, понимаемых как нормы или представления о статусах и ролях.

В поведенческих трактовках институты есть то, что находит проявление в реальной практике, институты выступают как нормы, включающие правила и ограничения, так или иначе осознаются людьми и связаны с повседневной рефлексией и социальной ментальностью [11].

В частности, специалисты, изучающие институты и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой, считают, что социальные институты как когнитивные образова-

ния проходят «стадию экстернализации» и становятся в результате «основой тех или иных репертуаров этносоциальных действий», то есть институциональных практик межэтнического взаимодействия, которые «порождают новые социальные институты». Поэтому институциональные практики в сфере межэтнических отношений - это действия, которые обуславливаются институтами как формальными и неформальными нормами этнического взаимодействия [12, с. 134-141].

По мере изменения и развития общества изменяются и социальные практики. Это изменение происходит под воздействием различных ресурсов и факторов.

Может ли доверие выступать как ресурс изменения социальных практик и институтов? Отвечая на данный вопрос, следует разобраться в понятиях.

Понятие «доверие» имеет разные значения и смыслы, как в различных исследовательских подходах, так и в дисциплинарных дефинициях, синтезирующих те или иные представления о сущности доверия вообще. В зависимости от методологических позиций исследователя в них отражаются обобщенные характеристики доверия с точки зрения разных подходов к пониманию его сущности.

В исследованиях зарубежных авторов это понятие наполняется рациональным содержанием и коррелирует с ответственностью индивида, прежде всего, перед самим собой. Разница исследовательских подходов определяет и многообразие определений доверия. Так, во «Всемирной базе доверия» еще в 2010 г. их насчитывалось около тридцати [13].

В социально-гуманитарном знании укоренилась исследовательская традиция рассматривать доверие как понятие, но не концепт. Полагаем, что в условиях дисциплинарного плюрализма возникает необходимость в разработке категориального конструкта доверия, эффективного при изучении доверия как многомерного явления. Это позволит сформировать понятийную матрицу обсуждения доверия как многомерного явления [14].

Обсуждая доверие в данном ракурсе, с учетом социокультурной его специфики, следует отметить, что в российском обществе доверие в большей степени коррелирует не с ответственностью, а с «одобрением» и «поддержанием». Хотя с научной точки зрения «одобрение» и «поддержка» в большей мере связаны все-таки с практиками легитимации тех или иных действий, в частности в политической сфере. В качестве примера можно привести последние президентские выборы в России 18 марта 2018 г.

Полагаем, что корреляция между доверием, одобрением и поддержкой имеет место, прежде всего, на уровне социокультурной специфики, на ментальном уровне.

Если в зарубежной литературе доверие, поддержка и одобрение разводятся на понятийном уровне, то в российском обществе доверие не может существовать без поддержания и одобрения, они выступают основой доверия как социальных практик.

Существуют также различные представления о доверии как институциональных практиках. Согласно одной из представленных концепций, институционализация доверия может рассматриваться в рамках синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов. Здесь социальные практики представляют собой репертуары социальных действий:

- во-первых, обусловленные институтами как формальными и неформальными нормами социального взаимодействия;

- во-вторых, связанные с интериоризацией институтов путем их интерпретации, то есть перевода институтов как норм в институты как когнитивные образования, лежащие в основе социальных интеракций;

- в-третьих, связанные с противоположным процессом - экстериоризацией институтов как когнитивных образований в институты как старые или новые нормы.

В рамках неонституционализма социальные практики подразделяются на формальные и неформальные. Институционализация неформальных практик, в том числе

доверия, подкрепляется формальными нормами. В результате доверие как неформальная практика превращается в когнитивный институт.

Когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик. Осознанные структуры ментальных установок определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

В связи с этим можно предположить, что в современном российском обществе существуют объективные предпосылки для выработки механизма институционализации доверия и недоверия как социальных практик.

Вместе с тем в сфере институционализации доверия сложилась такая ситуация, что далеко не все граждане принимают эти когнитивные институты как норму действия, как «правила игры», то есть правила знают, но не выполняют. В таком плане можно констатировать, что в современном российском обществе институционализация доверия находится под большим вопросом.

В российском обществе в качестве препятствий и барьеров на пути развития доверия выступают ментальные установки. Но какова природа этих барьеров? Что находится в их основе? И как преодолеть эти барьеры?

Мы рассматриваем доверие, прежде всего, как ментальную установку, которая в своей структуре имеет, во-первых, уровень неосознанных предрасположенностей и ожиданий, связанных с определенным способом восприятия мира, во-вторых, осознанный уровень, возникающий на основе рефлексии определенного опыта социальных взаимодействий и означающий готовность субъекта к действию в конкретных ситуациях социальных практик.

В российском обществе наиболее развито персонализированное институциональное доверие к некоторым институтам власти, а также межличностное доверие, основанием которого является тесная межличностная связь, ближний круг родственников и друзей. Отсюда, к примеру, явление под названием «блат», подменяющее, по сути, подлинное доверие как ответственность, как взаимные обязательства отношениями, основанными на взаимных услугах. Такую нерефлексируемую составляющую доверия как ментальных установок менять очень трудно, и именно она становится барьером в социокультурной среде на пути развития доверия.

Поэтому, если мы хотим, чтобы появились не только межличностные, но институциональные практики, основанные на доверии, надо изменить ментальные установки рефлексивного характера - через коммуникативные практики, образование, создавая и развивая институты гражданского общества. Необходимо выстроить модель общества на основе самооценности и достоинства каждого индивида, а также восприятия общества как принципиального многообразия социальных, политических и экономических институциональных и гражданских форм, среди которых «движения одного требования», благотворительные фонды, волонтерство, гражданские и прочие инициативы, в формировании которых часто задействованы сетевые ресурсы, связанные с доверием. Некоторые из этих форм, к примеру волонтерское движение, имеют тенденцию институционализироваться.

Результатом формирования современных институтов явится баланс социальных интересов, формирование взаимной ответственности между гражданами и государством. Тогда в коммуникативном пространстве риски формирования доверия будут значительно снижены и барьеры на пути развития доверия будут преодолеваются.

Таким образом, отвечая на вопрос о возможности институционализации доверия как социальных практик в России, следует опираться на различные трактовки понятия доверия в зарубежной и отечественной научной литературе. Выяснено, что исследования зарубежных специалистов касаются, в частности, во-первых, теоретических аспектов проблемы; во-вторых, речь идет о доверии в странах с развитой гражданской культурой и гражданским обществом, и поэтому доверие часто исследуется как элемент социального

капитала; в-третьих, проводится кросс-национальный анализ доверия в России в сравнении с другими странами. Однако при использовании трактовок доверия, имеющих в зарубежной литературе применительно к российской специфике, мы испытали ряд теоретико-методологических затруднений, так как эти трактовки разрабатывались на ином социокультурном материале. Полагаем, здесь возникает необходимость придерживаться принципа контекстуальности, согласно которому явление надо изучать с точки зрения порождающего его историко-культурного контекста. Благодаря использованию этого принципа удалось выяснить, что на нерелексивном уровне доверие как ментальная установка наполняется иным смыслом, а на релексивном уровне институционализация доверия связывается с формированием институтов гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. - СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. - 298 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; Отв. ред. Н.А. Шматко. - СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. - 562 с.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. - М.: Академический Проект, 2005. - 528 с.
4. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. - СПб.: Питер, 2007. - 335 с.
5. Давыдов А.А. Системная социология. - М: КомКнига, 2006. - 192 с.
6. Добренков В.И. Социология: В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. - М: ИНФРА-М, 2000. - 520 с.
7. Антонов Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета: Сер. «Общественные науки». - 2009. - № 4 (70). - С. 92-98.
8. Глушко И.В. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества: методология трансдисциплинарного исследования и социальная реальность: дис... д-ра филос. наук. - Ростов н/Д, 2016. - 346 с.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. - М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. - 180 с.
10. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. - N.Y.: The Free Press, 1989. - P. 22.
11. Шмерлина И.А. Социальный институт: обзор исследовательских подходов // Социологический журнал. - 2008. - № 4. - С. 57-65.
12. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой / Отв. ред. Ю.Г. Волков. - Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. - 393 с.
13. James H.S. World Database of Trust. [Электронный ресурс] - URL: <http://onemvweb.com/sources/sources/World Database of Trust> (дата обращения: 07.02.2016).
14. Glushko I., Lavrukhina I., Polomoshnov A. Trust/distrust as factor of constructing social reality. Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. Volume 21, Issue 1, 2018. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.abacademies.org/journals/journal-of-legal-ethical-and-regulatory-issues-inpress.html> (дата обращения: 10.04.2018).

REFERENCES

1. Volkov V.V., Kharkhordin O.V. Teoriya prakti. [The theory of practices]. SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 p. (in Russian)
2. Burd'e P. Prakticheskiy smysl. [Practical meaning]. Per. s fr.: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Otiv. red. N.A. Shmatko. SPb.: Aleteyya, M.: «Institut eksperimental'noy sotsiologii», 2001. 562 [Society's outlook: An outline of the theory of structure. (in Russian)]
3. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. [Society's outlook: An outline of the theory of structure] M.: Akademicheskii Proekt, 2005. 528 p.

4. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii. [Studies in ethnomethodology]. SPb.: Piter, 2007. 335 p. (in Russian)
5. Davydov A.A. Sistemnaya sotsiologiya. [System Sociology. M: KomKniga, 2006. 192 p. (in Russian)
6. Dobren'kov V.I. Sotsiologiya: V 3-kh t. T. 3: Sotsial'nye instituty i protsessy. [Sociology: In 3 volumes vol. 3: Social institutions and processes]. V.I. Dobren'kov, A.I. Kravchenko. M: INFRA-M, 2000. 520 p. (in Russian)
7. Antonov N. L. Sotsial'naya praktika: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovatel'skogo analiza. [Social Practice: Theoretical and Methodological Foundations of Research Analysis]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya «Obshchestvennye nauki» = Izvestiya Ural State University: Series «Social Sciences». 2009. No. 4 (70). Pp. 92-98. (in Russian)
8. Glushko I.V. Doverie i nedoverie kak sotsial'nye praktiki rossiyskogo obshchestva: metodologiya transdistsiplinarnogo issledovaniya i sotsial'naya real'nost'. [Trust and mistrust as social practices of Russian society: the methodology of transdisciplinary research and social reality]. dis... doktora filos. nauk. Rostov n/D, 2016. 346 p. (in Russian)
9. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy] Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Fond ekonomicheskoy knigi Nachala, 1997. 180 p. (in Russian)
10. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y.: The Free Press, 1989. P. 22 (in English)
11. Shmerlina I.A. Sotsial'nyy institut: obzor issledovatel'skikh podkhodov. [Social Institute: an overview of research approaches]. Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal. 2008. No. 4. Pp. 57-65. (in Russian)
12. Tsennostnaya politika i institutsional'nye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnosheniy v ekonomicheski razvitykh stranakh so slozhnoy etnokul'turnoy strukturoy. [Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure]. Otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovaniya, 2015. 393 p. (in Russian)
13. James H.S. World Database of Trust, Available at: [http:// onemvweb.com/sources/sources/World Database of Trust](http://onemvweb.com/sources/sources/WorldDatabaseofTrust) (accessed 07.02.2016) (in English)
14. Glushko I., Lavrukhina I., Polomoshnov A. Trust/distrust as factor of constructing social reality. Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues (2018) Volume 21, Issue 1 Available at: <https://www.abacademies.org/journals/journal-of-legal-ethical-and-regulatory-issues-inpress.html> (accessed 10.04.2018) (in English).

Информация об авторах:

Глушко Ирина Васильевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры, и.о. заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт, Донской государственный аграрный университет, г. Зерноград, Россия
glu-ir@mail.ru

Зуева Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры, кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт, Донской государственный аграрный университет, г. Зерноград, Россия

Получена: 03.04.2018

Для цитирования: Глушко И.В., Зуева Т.М. Доверие как ресурс изменения социальных практик и институтов современного российского общества. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. 72-77.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77.

Information about the authors:

Irina V. Glushko, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department, Acting Head of Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd, Russia
glu-ir@mail.ru

Tatyana M. ZUEVA, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department, Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd, Russia

Received: 03.04.2018

For citation: Glushko I.V., Zueva T.M. Trust as a resource for changing social practices and institutions of contemporary Russian society. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 2-2. Pp. 72-77.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77. (in Russ)

УДК 33

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-78-85

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт
им. И.К. Яковлева войск национальной гвар-
дии Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORIEV
Novosibirsk Military Institute named after
I.K. Yakovlev Forces of the National Guard
of the Russian Federation
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

MILITARY JUSTICE OF THE EMPEROR OF NICHOLAS I

Статья посвящена исследованию проблемных вопросов функционирования военно-судебных органов в России в период правления императора Николая I. Рассмотрено влияние личности императора на внешнеполитический курс России, состояние внутризэкономической и социальной компоненты. Определены причины слабости и неструктурированности судебной системы времен правления Николая I. Дана краткая характеристика литературы, раскрывающей некоторые вопросы функционирования военных судов в рассматриваемый период. Сделана попытка рассмотреть нормативные источники, легшие в основу деятельности военных судов в России в рассматриваемый период, проанализировать порядок рассмотрения дел в военном суде, охарактеризовать участников процесса, их права и обязанности. На примере конкретных военно-уголовных процессов показана деятельность военных судов по поддержанию дисциплины и правопорядка в войсках. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период многократные попытки улучшить систему военных судов не привели к их существенным видоизменениям. По большому счету только увеличивалось количество уголовных дел, передаваемое для рассмотрения в военных судах. Это привело к тому, что военные суды рассматривали дела в отношении лиц, имеющих к армии и флоту весьма отдаленное отношение.

The article is devoted to the research of problematic issues of the functioning of military-judicial bodies in Russia during the reign of Emperor Nicholas I. The influence of the emperor's personality on the foreign policy of Russia, the state of the economic and social component within the country is considered. The causes of weakness and non-structurization of the judicial system of the times of the administration of Nicholas I. The article gives a brief description of the literature, which reveals some issues of the functioning of military courts during the period under review. An attempt was made to review the normative sources that were the basis of the activity of military courts in Russia during the period under review, to analyze the procedure for examining cases in the military court, to describe the participants in the process, their rights and duties. The example of specific military-criminal proceedings shows the activity of military courts to maintain discipline and order of the troops. As a result of the study, the author concludes that during the period under review repeated attempts to improve the system of military courts did not lead to their substantial modifications. By and large, the number of criminal cases transferred to the military courts increased. This led to the fact that military courts considered cases concerning persons who had a very distant attitude towards the army and navy.

Ключевые слова: император Николай I, приговор, военно-уголовный процесс, Крымская война, военный суд, отправление правосудия

Keywords: Emperor Nicholas I, sentence, military-criminal process, Crimean war, military court, administration of justice

Период правления в России императора Николая I считается, пожалуй, самым неоднозначным. С одной стороны, народонаселение выросло на 18 млн и приблизилось к 65 млн, а территория, увеличившись на 1 млн кв. км, достигла 20,5 млн кв. км. Возрастал уровень промышленного производства, строились дороги. Был заложен правовой фундамент для отмены крепостного права. К несомненным успехам следует отнести кодификацию законодательства. С другой - армия потеряла 403,6 тыс. военнослужащих, при этом только 79,7 тыс. погибли на полях сражений, а остальные - небоевые потери (голод, болезни и т.п.), что говорит о безобразной организации тылового обеспечения и казнокрадстве. Бесконечные войны надломили финансовую систему государства. Неубедительная внешняя и внутренняя политика, бездарное военное руководство привели к поражению в Крымской войне и фактической изоляции России на международной арене. Обнажилось техническое отставание страны от ведущих мировых держав. Всплыли многие нерешенные вопросы внутри государства. Одной из самых проблемных сторон николаевской империи являлась судебная система.

Для судов периода правления Николая I свойственно их многообразие, неразбериха и смешение установок судебного процесса. Часто было просто невозможно установить, кому в конечном счете необходимо отправлять правосудие. Дела нескончаемо перемещались из одного суда в другой, нередко прибывая на исходную позицию, и оттуда снова принимались путешествовать по судебным инстанциям, на что порой уходил не один десяток лет.

Иной изъян николаевских судов заключался в низкой общей грамотности судей (и это при том, что мы не берем в расчет грамотность юридическую), что определило концентрацию судебной власти на уровне бюрократов «секретарского звена».

В судопроизводстве превалировала инквизиционная (разыскная) форма. Разбирательство по делу было закрытым. Суд использовал тот материал, который был подготовлен в период следствия, не опираясь на непосредственный и устный допрос и личное ознакомление с фактурой дела.

Сила доказательств была заранее законодательно определена. Самым достоверным считалось признание («лучшее свидетельство всего света») [1], для получения которого использовались пытки, *de jure* отмененные в 1801 г., *de facto* применяемые до первой половины XIX в.

Проблемы, связанные с деятельностью императора Николая I, в том числе и в рамках заявленной темы, неизменно интересовали исследователей. В разные годы анализируемые проблемы в своих трудах рассматривали: В.О. Ключевский, Н.К. Шильдер, А.М. Зайончковский, П.В. Алексеев, Е.В. Тарле, Д.А. Жаринов, А.А. Корнилов, А.А. Кизеветтер, М.Н. Покровский, М.А. Полиевктов, С.Б. Любош, А.Е. Пресняков, С.В. Мироненко, Т.А. Капустина, Л.В. Выходков, Б.Н. Тарасов, А.Н. Петухов, М.А. Рахматуллин и многие другие.

Необходимо отметить, что анализ историографии рассматриваемой проблемы позволяет заключить, что полноценного военно-исторического научного исследования до сего времени не проводилось, что делает тему исследования «Военное правосудие императора Николая I» весьма актуальной.

Актуальность темы исследования предопределила научную задачу: на основе достоверных источников провести комплексный, всесторонний военно-исторический анализ деятельности военно-судебных органов периода правления императора Николая I.

Николай I вступил на престол после кончины своего старшего брата Александра I. Манифест о вступлении на трон Николая I был издан 13 декабря 1825 г., но при этом датой начала правления назывался день смерти Александра I - 19 ноября 1825 г. Необходимо отметить, что в этот переходный период, который позже историки назовут «междоцарствием», Русская армия да и сам будущий император присягнули на верность императору Константину I, который от престола отрекся. Повторная присяга, уже в пользу Николая I, или, как шутили называли ее в войсках, «переприсяга», была назначена на 14 декабря. Этот же день группа офицеров тайного общества выбрала для восстания. Формальный повод для выступления - недопущение вступления на трон «незаконного» государя, реальный - проведение социальных, экономических и политических реформ.

После подавления восстания была создана специальная следственная «Комиссия для изысканий о злоумышленных обществах», общее руководство которой взял на себя лично Николай I. Суд разбил участников мятежа на 11 разрядов, приговорив их к различным видам наказания. Император смягчил приговор почти всем разрядам, сохранив смертную казнь в отношении пятерых зачинщиков.

Переходя к вопросу о юрисдикционных полномочиях военных судов (далее по тексту ВС) второй четверти XVIII - второй трети XIX в., необходимо заметить, что эти полномочия оказались дополнительно расширены, когда ВС начали разбирать дела гражданских лиц, совершивших государственные преступления [2]. Так, 27 января 1812 г. в изданном Уставе военного производства к подсудности ВС были отнесены все лица, состоящие при войске. Но максимального увеличения подсудность ВС приобрела после завершения Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, именно во времена правления императора Николая I. Причем она часто расширялась посредством принятия решения самим монархом по конкретному уголовному делу.

Например, в 1827 г. император отдал указание: «виновные.., изобличенные в действиях против войск.., судимы были для скорейшего окончания разрешения оных дел военными судами». В 1833 г. по делу о хищении военного имущества Николай I указал: «...судить военным судом... и впредь всех тех купцов и мещан, которые в краже казенного имущества изобличены будут». А в 1844 г. император определил: «злонамеренных людей, участвующих в убийстве преданных нам горских старшин, повелено судить военным судом». Также высочайшей волей было указано, что «виновные, изобличенные в продаже китайцам опиума, предаются военному суду». В итоге опубликования аналогичных указов ВС «были подсудны субъекты 70 категорий, из которых 30 - за совершение любого преступления, а 40 - за особые уголовно наказуемые деяния. Для сравнения следует заметить, что в 1839 г. военным судам были подсудны дела о лицах 36 категорий» [3].

У ВС образовался избыточно обширный круг деятельности, что, очевидно, отражалось на конечном результате - качестве отправляемого ВС правосудия. Так, например, ВС оказались подсудны служащие корпуса лесничих, лица без определенного места жительства, служащие ведомства государева имущества, уклонисты от призыва в армию, взбунтовавшиеся крепостные, контрабандисты, порубщики государственного леса и многие др.). Самым важным собранием военного законодательства в России с 1830-х годов до 1917 г. являлся «Свод военных постановлений», который был выполнен на высоком уровне юридической техники и удобен для практического применения.

Свод военных постановлений с точки зрения современного военного юриста - это пакет законов России: «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», «О материальной ответственности военнослужащих» и др. Первая редакция Свода военных постановлений была издана в 1838-1839 гг. Свод объединял пять частей и вступил в законную силу с 1 января 1840 г.

В 1859 г. издается вторая редакция названного Свода. Но, несмотря на проводимые корректировки, Свод оставался морально устаревшим нормативным актом, ведь «...источником его служили воинские артикулы Петра Великого, постановления 15-го тома Свода законов уголовных, еще в 1845 г. замененные по гражданскому ведомству Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, и, наконец, Полевое уголовное уложение 1812 г., почти буквально переведенное с французского кодекса того времени. Все означенные постановления, внесенные в свод без соглашения одного с другим, дополненные или измененные отдельными узаконениями, выходившими по частным случаям в разное время, представляли ряд противоречий, при существовании которых, равно как и при неопределительности и неполноте некоторых статей, участь подсудимых часто предоставлялась произволу подтверждающих дело начальников» [4].

По предоставленным Военным министерством сведениям, наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми офицерами, были: неуважительное отношение к начальству, отсутствие чинопочитания, проявление грубости, неподчинение; неисполнение служебных обязанностей; кража и утрата материальных ценностей; «распутное поведение». С 1855 по 1861 г. на 186-260 офицеров приходилось одно осуждение. Нижние чины в основном совершали следующие преступления: дезертирство - 45%; воровство - 27%. На 114-222 военнослужащих в рассматриваемый период приходилось одно осуждение. Согласно данным официального отчета, на протяжении только 1859 г. ВС было предано 169 офицеров и 9589 нижних чинов. Осужденные в 1859 г. офицеры обвинялись преимущественно в хулиганских поступках («буйстве»), хищении казенного имущества, злоупотреблении должностными полномочиями, уклонении от службы и в подлогах. Привлеченные к суду в 1859 г. нижние чины обвинялись по большей части в дезертирстве и кражах. Наибольшее число подсудимых приходилось в 1859 г. на Отдельный корпус внутренней стражи (менее всего - в 6-м армейском корпусе) [5].

Высокий уровень преступности данной категории военнослужащих во многом заключался в самом принципе комплектования вооруженных сил. На действительную службу попадали лица, обладающие минимальными социальными правами. Граждане, имеющие образование, были освобождены от рекрутской повинности. От нее освобождались также более состоятельные лица, если они вступали в купеческую гильдию. Зача-

стую в рекруты сдавали лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, отклоняющихся от норм социальной морали.

В связи с этим неудивительно, что статистика преступлений, совершенных военнослужащими нижних чинов рассматриваемого периода, подтверждает наличие в войсках структурных проблем. Предоставленные официально показатели преступности среди военнослужащих данной категории накануне Крымской войны убедительно доказывают, что максимальное число преступлений нижних чинов составляли побег. За 25 лет, с 1825 по 1850 г., было отдано под суд 229 711 солдат, из них более половины - за побег [6].

Соответствующие цифры и показатели мало изменились в 1861 г. Согласно отчету Военного министерства, в 1861 г. в военных судах было 166 подсудимых из числа офицеров и 8503 - из нижних чинов. Осужденные в 1861 г. офицеры обвинялись, как и прежде, главным образом в хищении казенного имущества, злоупотреблении должностными полномочиями, а также в неповиновении командованию и лихоимстве. Нижние чины обвинялись также в дезертирстве и кражах. Более всего подсудимых по-прежнему приходилось на Отдельный корпус внутренней стражи (менее всего - на 5-й армейский корпус) [7].

Управление военно-судебной системой осуществлялось Аудиториатским департаментом Военного министерства (далее по тексту - АД). С этого момента должность генерал-аудитора стала совмещаться с должностью директора АД. АД состоял из трех отделений, каждое из которых разделялось на два стола. Начальники отделений составляли общее присутствие при директоре.

АД поручалось заведование судебной частью военного ведомства, ревизия приговоров ВС, а также надзор за их деятельностью. Кроме того, департамент отвечал за представление приговоров, вынесенных ВС, на конфирмацию императором, за сбор и систематизацию нормативных актов, имевших отношение к военно-судебному ведомству. Согласно «Учреждению Военного министерства» от 29 марта 1836 г., АД стал состоять из четырех отделений, канцелярии и архива. АД функционировал до марта 1867 г., когда в связи с введением новых штатов Военного министерства он был преобразован в Главное военно-судное управление министерства [8]. Наконец 1 сентября 1867 г. должность генерал-аудитора была упразднена, а вместо нее вводилась должность главного военного прокурора, которая также совмещалась с должностью начальника Главного военно-судного управления [9]. Как уже было сказано, военно-судебное законодательство в период царствования Николая I существенно не поменялось. Основным принятым кодификационным актом в данной сфере следует признать Военно-уголовный устав 1839 г., в котором военно-уголовное законодательство возродило свою целостность.

С изданием в 1845 г. общероссийского «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» обнаружились значительные недостатки Военно-уголовного устава, который расходился с Уложением по важнейшим вопросам преступности и наказуемости общественно опасных деяний. Не случайно Николай I по поводу проекта Уложения заметил, что «этот огромный труд пролежит на столе в Совете: ибо многие ли из членов захотят и будут уметь его прочесть?» [10]. Важным недостатком Уложения современники считали «слияние в одном нераздельном целом самых высших преступлений с самыми ничтожными проступками» [11]. В 1855 г. Устав был издан повторно, а в третий раз Устав издали в 1859 г. Книга первая Устава действовала до принятия воинского Устава о наказаниях 1868 г., Книга вторая Устава - до издания Военно-судебного устава 1867 г.

В рамках данного исследования возможно привести некоторые примеры функционирования военного правосудия в описываемый период. Так, в июне 1830 г. начались беспорядки (чумной бунт) в Севастополе, в результате которого был убит военный губернатор генерал-лейтенант Н.А. Столыпин, а город на несколько дней перешел в руки бунтовщиков. После подавления мятежа по приговору ВС были казнены семь зачинщиков восстания, порядка 1000 жителей Севастополя и матросов высланы на каторжные работы, около 4200 - депортированы. Сменивший на посту коменданта Севастополя погибшего Н.А. Столыпина генерал-лейтенант А.П. Тучанинов по решению ВС «за малодушие и за совершенное нарушение всех обязанностей по службе» был лишен званий и

наград и разжалован в рядовые, а прочие офицеры получили дисциплинарные наказания [12].

15 июля 1841 г. около семи часов вечера в окрестностях города Пятигорска состоялась дуэль поручика Тенгинского пехотного полка М. Лермонтова с отставным майором Н. Мартыновым, в результате которой поручик М. Лермонтов был убит. Дуэли в рассматриваемый период были строжайше запрещены только что вступившим в законную силу Сводом военных постановлений, который уравнивал убийство на дуэли и совершенное умышленно, а именно в статье 395 части 5 книги 1 было сказано: «Кто, вызвав другого на поединок, учинит рану, увечье или убийство, тот наказывается, как о ранах, увечье и убийстве умышленном поставлено». В качестве соучастников к ответственности привлекли секундантов дуэли корнета Глебова и князя Васильчикова, так как на основании ст. 397 указанного *Свода* «...секунданты, не успевшие в примирении и допустившие до поединка, не объявив о том в надлежащем месте, судятся как участники поединка». Военный суд, председателем которого был назначен подполковник В. Монаенко, а аудитором А. Ефремов, на основании вышеуказанных статей *Свода военных постановлений* вынес приговор: Мартынова, Глебова и Васильчикова «лишить чинов и прав состояния» [13].

В 1843 г. потомственный дворянин прапорщик Угличского егерского полка Соколов был предан ВС по обвинению в двойном убийстве, совершенном в ходе попытки ограбления магазина. Как было установлено в ходе судебного следствия, Соколов, находясь с полком в Москве, задумал ограбить сигарный магазин Шлезингера. 28 марта 1843 г. Соколов совершил нападение на приказчика магазина мещанина Попова, которому нанес удар по голове принесенным с собой железным молотком. Однако, несмотря на полученный удар, Попов сумел выскочить из магазина и стал звать на помощь. Обратившись в бегство, Соколов столкнулся с 12-летним мальчиком Архиповым и дворником Егоровым, которые попытались его задержать. Имея по-прежнему в руках молоток, Соколов нанес названным лицам несколько ударов, от которых оба они впоследствии скончались. В тот же день Соколов пришел на исповедь к полковому священнику, который убедил его сознаться в содеянном. После увещевания священника Соколов явился с повинной к полковому командиру.

Военным судом Соколов был приговорен к лишению дворянства, чина и пожизненной ссылке на каторгу. Данный приговор был утвержден Генерал-аудиториатом и передан на окончательное утверждение главе государства. 28 мая 1843 г. Николай I оставил приговор без изменения. Утвержденный приговор был оглашен перед строем Угличского егерского полка, перед которым был выведен Соколов в мундире без погон. После зачитывания приговора над головой осужденного Соколова была переломлена шпага, с него снят офицерский китель, вместо которого на него была надета одежда ссыльного [14].

В 1847 г. командующий отдельным корпусом внутренней стражи генерал-лейтенант А.Л. Триштанский в период инспектирования резервной дивизии Кавказского корпуса «закрыв глаза» на многочисленные нарушения и злоупотребления военной администрации дивизии и не доложил о них военному министру. По приговору ВС 31.08.1847 генерал-лейтенант А.Л. Триштанский был разжалован в рядовые и лишен дворянского достоинства, орденов и знаков отличия [15; 16].

В 1849 г. было раскрыто тайное общество, имеющее своей целью свершение крестьянской революции. 123 активных члена тайного общества передали следственной комиссии, которая сочла их деятельность опасной для самодержавного режима. Знаменитое «Дело петрашевцев» (так оно вошло в историю) было передано на рассмотрение в ВС, который вынес смертный приговор 21 петрашевцу [17].

1 февраля 1853 г. открылось, что директор канцелярии инвалидного фонда Политковский похитил фантастическую по тем временам сумму - около 1,2 млн рублей серебром. В ходе проведенного разбирательства выяснилось, что Политковский и его подельники подделывали сотни документов об инвалидности военнослужащих. Из оформленных мошенниками фальшивых бумаг следовало, что военнослужащий, увольняясь из армии, уезжал к постоянному месту жительства для дальнейшего лечения, хотя на самом

деле он продолжал проходить службу в своей части, ничего не подозревая. Деньги, перечисляемые как пенсия по инвалидности, дельцы присваивали. В период проведения следственных действий тайный советник Политковский скончался, а по указанию Николая I посмертно был лишен чинов и наград. Все остальные члены Комитета о раненых были преданы военному суду [18]. Стоит отметить, что принятая в 1861 г. «Инструкция о порядке производства следствия и правила о порядке ревизии военно-судебных дел» к существенному укреплению правопорядка в армии не привела.

Во второй четверти XIX в. основательные изменения были проведены в военно-юридическом образовании, началом которых можно признать создание в 1832 г. Аудиторской школы, с целью «снабжать военно-сухопутное и морское ведомство аудиторами, образованными соответственно обязанностям сего звания» [19].

Подводя итог вышесказанному, надлежит заметить, что в течение второй четверти XVIII - первой половины XIX в. система ВС в России не была кардинально изменена. ВС отправляли правосудие по канонам, заложенным в период царствования Петра I. Фундаментом военно-уголовного судопроизводства, как и петровское время, являлся розыскной процесс. В период правления Николая I заметно увеличивался круг лиц, подсудных ВС. Органами управления ВС на протяжении второй четверти XVIII - второй трети XIX в. последовательно являлись Аудиторское повытье / экспедиция Военной коллегии, ведомственно самостоятельный Генерал-аудиториат и Аудиториатский департамент Военного министерства. Глава военно-судебного ведомства на протяжении рассматриваемого периода неизменно именовался генерал-аудитором.

Таким образом, в рассматриваемый период многократные попытки улучшить систему ВС не привели к их существенным видоизменениям. По большому счету только увеличивалось количество уголовных дел, передаваемое для рассмотрения в ВС. Это привело к тому, что ВС рассматривали дела в отношении лиц, имеющих к армии и флоту весьма отдаленное отношение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4. - М., 1991. - С. 415.
2. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830 (ПСЗ). Т. 29. № 22208.
3. Авдонкин В.С. Подсудность уголовных дел военным судам России: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - С. 87 [- М.: РГБ, 2002. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки].
4. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. (1855-1880 гг.). - С. 420.
5. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. - СПб., 1862. - С. 296-297.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф.1. № 19126. Св. 1474.
7. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1861 год. - СПб., 1863. - С. 286-288.
8. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 / отв. сост. Д.И. Раскин. - СПб., 2004. - Т. 4. - С. 53-54.
9. Друцкой С.А., Иванов С.Л., Панов Ю.М. Главное военно-судное управление: исторический очерк. - СПб., 1914. - Ч. 2, кн. 1. - С. 315.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.728. Д.1817. Ч.7. Л.203 об. Выделено Корфом.
11. ГАРФ. Ф.728. Д.1817. Ч.7. Л.89.
12. Полканов А.И. Севастопольское восстание 1830 года: по архивным материалам. - Симферополь: Гос. изд-во, 1936. - 145 с.
13. Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Издательство М. и В. вых. - Нальчик, 2006. - 536 с

14. Русские уголовные процессы / сост. А. Любавский. - СПб., 1866. - Т. 4. - С. 388-392.
15. РГВИА. Ф.395. Оп.274. Д.9. 104.
16. Штутман С.М., Давыдов Б.Б. Разжалованный генерал / Внутренняя и конвойная стража. - С. 514-525.
17. Буташиевич-Петрашевский и «петрашевцы». Ч. I // Собр. соч. Т. II. - М.: Задруга, 1922. - 217 с.
18. Тарле Е.В. Крымская война: в 2-х т. - М.-Л.: 1941-1944. - С. 29.
19. ПСЗ-2. Т. 7. 5253, 5731.

REFERENCES

1. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov [Russian Legislation of the X-XX centuries]. Vol. 4. Moscow, 1991. P. 415. (In Russ).
2. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrja 1825 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Meeting the First: From 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg: Type. II Depths of Property. El V. Chancellery, 1830 (CPS). Vol. 29. No. 22208. (In Russ).
3. Avdonkin B.C. Podsudnost' ugovolnyh del voennym sudam Rossii: diss. ... kand. jurid. nauk [The Jurisdiction of Criminal Cases to the Military Courts of Russia: Diss. ... Cand. of Jurid. Sciences]. Moscow, 2001. P. 87 [Moscow: RSL, 2002. Electronic Resource from the Funds of the Russian State Library]. (In Russ).
4. Istoricheskij ocherk dejatel'nosti Voennogo upravlenija v Rossii v pervoe dvadcatipjatiletie blagopoluchnogo carstvovanija gosudarja imperatora Aleksandra Nikolaevicha. (1855-1880 gg.) [Historical Outline of the Activities of Military Administration in the First Twenty-Fifth Anniversary of the Safe Reign of the Emperor Alexander Nikolayevich. (1855-1880)]. P. 420. (In Russ).
5. Vsepoddannejšij otchet o dejstviah Voennogo ministerstva za 1859 god [The Most Memorable Report on the Actions of the War Ministry for 1859]. St. Petersburg, 1862. Pp. 296-297. (In Russ).
6. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv, f. 1, № 19126, sv. 1474. (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive. F. 1, No. 19126, St. Petersburg. 1474. (RGVIA)]. (In Russ).
7. Vsepoddannejšij otchet o dejstviah Voennogo ministerstva za 1861 god [The Most Memorable Report on the Actions of the War Ministry for 1861]. St. Petersburg, 1863. Pp. 286-288. (In Russ).
8. Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801-1917 [Higher and Central State Institutions of Russia. 1801-1917]. Executive ed. D.I. Raskin. St. Petersburg, 2004. Pp. 53-54. (In Russ).
9. Drutskoy S.A., Ivanov S.L., Panov Yu.M. Glavnoe voenno-sudnoe upravlenie: istoricheskij ocherk [The Main Military-Court Management: Historical Essay]. St. Petersburg., 1914. Part 2, book 1. P. 315. (In Russ).
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii, f. 728, d. 1817, ch. 7l. 203 ob. Vydeleno Korfom. (GARF) [State Archives of the Russian Federation. F. 728. D. 1817. Part 7l. 203 Vol. Allocated by Corf. (GARF)]. (In Russ).
11. GARF, f. 728, d. 1817, ch. 7, l. 89 [GARF. F. 728. D. 1817. Pt. 7. L. 89]. (In Russ).
12. Polkanov A.I. Sevastopol'skoe vosstanie 1830 goda: po arhivnym materialam [The Sevastopol Uprising of 1830: on Archival Materials]. Simferopol: The State Publishing House, 1936. 145 p. (In Russ).
13. Zakharov V.A. Dujel' i smert' poruchika Lermontova [Duel and Death of Lieutenant Lermontov]. Publisher M. and V. Kotlyarov. Nalchik, 2006. 536 p. (In Russ).
14. Russkie ugovolnye processy [Russian Criminal Trials]. Comp. by A. Lyubavsky. St. Petersburg, 1866. Vol. 4. Pp. 388-392. (In Russ).
15. RGVIA. F. 395. Op. 274. D. 9. 104 [RGVIA. F. 395. Op. 274. D. 9. 104]. (In Russ).
16. Shtutman S.M., Davydov B.B. Razzhalovannyj general [The Demoted General]. Inner and Escort Guard. Pp. 514-525. (In Russ).
17. Butashevich-Petrashevskij i «petrashevcy». Ch. I [Butashevich-Petrashevsky and Petrashevsky. Part I]. Collected. by. T.M. Zadruga, 1922. 217 p. (In Russ).
18. Tarle E.V. Krymskaja vojna: v 2-h chastyakh [Crimean War: in 2 Vol]. Moscow-Leningrad: 1941-1944. P. 29. (In Russ).
19. PSZ-2. Т. 7. 5253, 5731 [PSZ-2. Vol. 7. 5253, 5731]. (In Russ).

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Получена: 21.03.2018

Для цитирования: Григорьев О.В. Военное правосудие императора Николая I
Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с. 78-85.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-78-85.

Information about the author:

Oleg V. Grigoriev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk Military Institute named after I.K. Yakovlev Forces of the National Guard of the Russian Federation,
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Received: 21.03.2018

For citation: Grigoriev O.V. Military justice of the emperor of Nicholas I. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.2-2. Pp. 78-85.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-78-85. (in Russ)

УДК 31; 364.014

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-86-91

КАМЕНСКАЯ Анна Олеговна

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России)
г. Москва, Россия
anna_tikhnev@mail.ru

Anna O. KAMENSKAYA

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
Moscow, Russia
anna_tikhnev@mail.ru

**КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕПУТАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА
(НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ)**

**CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS A TOOL
OF THE REPUTATION MANAGEMENT (EVIDENCE
FROM THE AUTOMOTIVE INDUSTRY)**

В статье отражены результаты проведенного анализа роли и значения корпоративной социальной ответственности как фактора, способствующего формированию репутации компании. На основании анализа научной литературы рассмотрено соотношение понятий «репутация», «деловая репутация», «имидж», обоснована необходимость нахождения оптимально приемлемых инструментов формирования репутации компании для превращения ее в нематериальный актив. Сделан вывод о том, что положительная репутация вместе с положительным имиджем прямо или косвенно ведет к максимизации прибыли. Автором обоснована актуальность ответственности крупного бизнеса за благосостояние общества, нашедшая свое отражение в корпоративной социальной ответственности. В статье выявлены основные концепции корпоративной социальной ответственности, основанные на целях организации, с точки зрения теорий «корпоративного эгоизма», «корпоративного альтруизма» и «разумного эгоизма». Концепция «разумного эгоизма» признана наиболее эффективной и ее применение рассмотрено на примере автомобильного производства. Сделан вывод о том, что корпоративная социальная ответственность может стать одним из наиболее эффективных инструментов репутационного менеджмента при условии неиспользования компанией асоциальных манипулятивных технологий и в долгосрочной перспективе - основным фактором ее устойчивого развития.

The article reflects the results of the analysis of the role and importance of corporate social responsibility as a factor contributing to the formation of the company's reputation. Based on the analysis of the scientific literature, the correlation between the notions "reputation", "business reputation", "image" is considered, the necessity of finding the best possible tools for the formation of the company's reputation for turning it into an intangible asset is substantiated. It is concluded that a positive reputation, together with a positive image, directly or indirectly leads to the maximization of profits. The author substantiates the relevance of the responsibility of big business for the welfare of society, which is reflected in corporate social responsibility. The article reveals the main concepts of corporate social responsibility based on the organization's goals, in terms of theories of "corporate egoism", "corporate altruism" and "reasonable egoism." The concept of "reasonable egoism" is recognized as the most effective and its application is considered in the example of automobile production. The conclusion is made that corporate social responsibility can become one of the most effective tools of reputation management provided that the company does not use asocial manipulative technologies, and, in the long term, the main factor of its sustainable development.

Ключевые слова: социальная ответственность, альтруизм, эгоизм, репутация, имидж, доверие, симулякр

Keywords: social responsibility, altruism, egoism, reputation, image, trust, simulacra

В последнее десятилетие на Западе распространение получило такое понятие, как «репутационная экономика» [9]. В современных условиях, когда мировые рынки переполнены однотипными товарами и услугами, для заинтересованных групп все большее значение приобретает положительная репутация компании, она является главным конкурентным преимуществом и сулит компании прибыль в долгосрочной перспективе. Однако после информационно-технологической революции утаить недобросовестное поведение, а следовательно, и сохранить репутацию стало гораздо сложнее. Именно поэтому важно найти оптимально приемлемые инструменты формирования репутации.

Прежде всего, следует разобраться в терминологии. С.А. Кравченко в своем Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре дает следующее определе-

ние термину «*репутация*»: репутация - 1) общественное мнение о ком-либо; мнение о достоинствах или недостатках товаров, фирмы-производителя и т.п.; 2) общее мнение; 3) известность, добрая слава [3, с. 354]. Исходя из этого, *деловой репутацией* можно назвать отношение всех стейкхолдеров компании к ее деятельности, основанное на оценке результатов и последствий взаимодействия с ней. Для инвесторов в качестве показателя положительной репутации могут выступать открытость и прозрачность организации, для потребителя - соотношение цены и качества продукции, для сотрудников - социальная политика компании, для государства - ее социальная ответственность.

Близким по смыслу является термин «*имидж*». С.А. Кравченко дает следующие определения рассматриваемому понятию: имидж - 1) мысленный образ действительности, устойчиво воспроизводящийся в индивидуальном или массовом сознании; 2) подобие, копия; 3) символ, образец; 4) характеристики объекта, представленные в рекламе и способные программировать определенное поведение людей [3, с. 132]. Таким образом, имидж является *эмоциональной* оценкой деятельности компании, навязанной посредством различных видов маркетинговых коммуникаций целенаправленно каждой конкретной заинтересованной группе.

Репутация основывается на субъективных *рациональных* суждениях, а имидж - сугубо на *эмоциональных* подсознательных импульсах. Тем не менее оба понятия имеют схожие черты. Например, на деловую репутацию и на имидж компании оказывают влияние внутренние и внешние факторы. К внутренним относятся уровень лояльности сотрудников к компании, ее руководителям, сама внутриорганизационная атмосфера. Внутренний имидж, или репутация, формируется благодаря определению миссии и целей компании, правильной социально ориентированной политике, системе поощрения и развития персонала. Будучи преданным своей организации, сотрудник не только замотивирован эффективно выполнять свои обязанности, он также, неосознанно, через выражение своего мнения о компании формирует положительный имидж организации у индивидуумов, являющихся ее потенциальными стейкхолдерами. Внешними факторами является финансовая привлекательность компании для рынка (*гудвилл*), репутация вместе с имиджем компании становится нематериальным активом. Итак, мы определили, что благодаря побуждению целевых групп к желательным для компании действиям положительная репутация вместе с положительным имиджем прямо или косвенно ведут к максимизации прибыли.

Для получения той самой сверхприбыли некоторые крупные корпорации вместо того, чтобы осуществлять реальные шаги для формирования и защиты своей репутации, используют прямые или косвенные ментальные манипуляции. Воздействуя на подсознание, людей убеждают приобретать ненужные им товары и следовать ложным ценностям. Такие бизнес-практики ориентированы лишь на «*символический/коммерческий эффект*». Другими словами, компаниям выгоднее «казаться», а не «быть». Философ, писатель и крупный гуманист современности Дарио Салас Соммер в книге «Мораль XXI века» перечисляет восемь подсознательных потребностей, которые продаются вместе с товаром, среди которых: эмоциональная безопасность, утверждение собственной значимости, удовлетворенность собой, ощущение власти, чувство принадлежности к какой-то группе [5, с. 122]. С помощью маркетинговых технологий создаются *симулякры*, способные создать видимость удовлетворения этих потребностей.

Такая фабрикация впечатлений влечет за собой обратный эффект. Ежегодное глобальное исследование Reputation Institute выявило появление кризиса доверия, вследствие чего уровень деловой репутации упал до показателей 2008 г. Лишь 38,5% респондентов верят в добросовестность бизнес-практик организаций [8]. Интересно определение термина «*доверие*» в словаре С.А. Кравченко: доверие - одновременно ответственное социальное положение и форма управления [3, с. 109]. Получается, что доверие наделяет компанию властью управлять определенными группами, но удержать эту власть представляется возможным за счет поддержания социально-ответственного статуса. Исследование подтверждает эту гипотезу, большинство опрошенных потребителей среди главных факторов, влияющих на репутацию, помимо качества продукции (21,6%), назва-

ли стиль управления - респонденты больше доверяют руководителям нового типа, которых отличает социально ответственное и высокоэтическое поведение - (15%) и корпоративное гражданство (14,1%) [8].

Социальная ответственность бизнеса, корпоративное гражданство, предпринимательская этика, концепция заинтересованных групп, устойчивое развитие - все это разные понятия теории корпоративной социальной ответственности (КСО), которые менялись и дополнялись с 70-х годов XX в. До сих пор нет единого подхода к пониманию самой сути и целей КСО. Сама идея, что бизнес должен нести ответственность перед сообществом, в котором функционирует, актуальна в условиях меняющейся действительности. Однако вносят ли свой вклад компании в решение глобальных проблем или репутационные менеджеры умело используют КСО для повышения рейтингов компании?

Существует несколько альтернативных подходов КСО, сторонники которых стараются разобраться, является ли социально ориентированные практики компании только лишь маркетинговым инструментом или они действительно могут повлиять на общественное благосостояние. Сторонники *«корпоративного эгоизма»* считают организацию исключительно экономическим явлением, главной функцией которой является эффективное использование ресурсов для увеличения прибыли акционеров. Убежденный приверженец данного подхода, лауреат Нобелевской премии, М. Фридман писал в своей статье для журнала The New York Times: «В условиях частного предпринимательства и частной собственности управляющий компанией является наемным работником владельцев данной организации. Его прямая обязанность - управлять бизнесом в соответствии с желаниями учредителей, которые главным образом заключаются в том, чтобы заработать как можно больше денег, при этом соблюдая правила, закрепленные законом и традициями, принятыми в данном обществе» [6]. Другими словами, бизнес должен нести исключительно юридическую ответственность, производить качественные товары и услуги.

Однако такая концепция не отвечает современным запросам общества. В условиях, когда рынок переполнен одинаковыми предложениями, на выбор индивида оказывают влияние другие факторы - открытость компании, комфортные условия труда, уверенность в завтрашнем дне, возможность получения чистой прибыли от сотрудничества, чувство сопричастности к добрым делам. Доверие и личное отношение потребителя выходят на первый план.

В противовес *«корпоративному эгоизму»* появилась утопическая теория *«корпоративного альтруизма»*. Его сторонники исходят из того, что представители бизнес-сообщества должны ставить альтруистические установки выше эгоистических потребностей и направлять все усилия на улучшение качества жизни общества. Однако это коренным образом противоречит самой сущности предпринимательской деятельности, и за альтруистическими мотивами бизнесменов скрываются прагматические расчеты, направленные на улучшение имиджа и получение одобрения от властей, «происходит подмена целей, результатов деятельности социально ответственных предпринимателей на символы и знаки» [4]. За благотворительные акции приходится платить высокими издержками или низкими доходами. В таких условиях покупателей буквально заставляют тратить деньги на благие дела, включив их стоимость в цену товара или услуги. То же самое происходит с сотрудниками социально ответственной компании, которая понижает зарплаты персонала для финансирования социально ответственных программ. Таким образом, компании приходится выбирать, перед кем из стейкхолдеров ей выгоднее быть ответственной: перед потребителями, сотрудниками, инвесторами или государством.

Кроме того, некоторые компании попросту фальсифицируют данные о результатах своей социальной ответственности для формирования нужного имиджа. В случае вскрытия факта недобросовестных практик страдает репутация компании. Например, в 2015 г. вокруг лидера машиностроительной индустрии по устойчивому развитию Volkswagen произошел крупный скандал: выяснилось, что программное обеспечение, установленное в машинах их производства, помогало обходить тесты на выбросы вредных веществ. Исследователи подсчитали, что использование этих автомобилей могло привести к 1200 преждевременных смертей только в Европе. Общественность отреагировала незамедли-

тельно, акции компании упали более чем на 35%, генеральный директор компании Мартин Винтеркорн вынужден был уйти в отставку, Volkswagen выплатил компенсацию в 30 млрд долл. и отозвал для ремонта 11 млн автомобилей, суды по делу о махинациях с выхлопами продлятся до 2020 г. Скандал бросил тень не только на Volkswagen, но и на всю немецкую машиностроительную индустрию [7]. Кроме того, в 2018 г. выяснилось, что Европейская ассоциация по защите окружающей среды и здоровью в транспортном секторе (EUGT), прекратившая свою деятельность в 2017 г., с 2012 по 2015 г. проводила опыты о воздействии выхлопных газов на обезьянах и людях. EUGT был создан в 2007 г. крупнейшими немецкими автоконcernами Volkswagen, BMW Group, Daimler и Bosch; последним удалось относительно легко выйти из скандала ввиду хорошей репутации. Volkswagen до сих пор не вернулся в топ мировых репутационных рейтингов. Чтобы как-то изменить ситуацию, компания пришла к решению в 2019 г. изменить логотип во избежание дальнейших ассоциаций со скандалом. «Бренд не в лучшей форме по сравнению с предыдущими годами, и марка потеряла часть своей эмоциональной привлекательности», - пояснил глава Volkswagen по маркетингу [11]. Именно такое использование социальной ответственности бизнеса для формирования правильной репутации в итоге приводит к кризису доверия потребителя.

Подход «разумного эгоизма» видится верной альтернативой первым двум. Следует помнить, что, несмотря на часто негативную коннотацию термина, «эгоизм в общественных взаимодействиях играет доминирующую и стимулирующую роль. По наблюдениям Г. Спенсера, люди, пренебрегающие собственными интересами, в большей степени склонны к депрессии и несчастью, следовательно, они не способны к продуктивному альтруистическому поведению» [2]. Этот постулат можно использовать не только для оценки поведения индивидуумов, но и для деятельности корпораций. Успешный, прибыльный бизнес сможет эффективнее управлять социальными бизнес-практиками, нести ответственность и за собственные социальные воздействия, и за общество, в котором компания осуществляет свою деятельность. Данную концепцию поддерживает американский ученый П. Друкер, считающий, что, игнорируя ограничения экономической эффективности во имя социальных обязательств, компания вскоре столкнется с серьезными проблемами. «Но игнорировать проблемы общества они не могут, поскольку в нашем обществе организаций нет больше никого, кто будет ими заниматься. В этом обществе менеджеры институтов являются лидерской группой» [1]. В этом контексте важно уметь балансировать, уметь объективно выявить и спрогнозировать возможные потребности всех заинтересованных групп и удовлетворить запросы одних без вреда для других и, что важно, для самой компании. Рекомендуется не брать на себя лишнюю ответственность за социальные проблемы, решение которых может отрицательно сказаться на эффективности компании и даже может навредить тем, кому, как предполагалось, должны были помочь. Друкер пишет, что руководители крупных организаций должны не просто знать о нуждах, «болезнях» общества, в идеале они должны превратить решение этих проблем в благоприятные бизнес-возможности [1].

Концепцию «разумного эгоизма» можно также рассмотреть на примере автомобильного производства. В решении проблем, связанных с экологией, ограниченностью ресурсов и высокой смертностью в ДТП, автомобильные гиганты видят возможности для инновационного развития. Концерн Ford, Toyota, Honda, Mercedes работают над созданием «умных» систем безопасности, которые смогут съехать на обочину и вызвать службу спасения в случае, если водитель потеряет сознание. Транснациональные корпорации объединяются для разработок инноваций в целях обеспечения экологической безопасности. В 2017 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе руководители BMW, Toyota, Hyundai, Anglo American, Shell, Total, Audi, BMW, Kawasaki, Engie, Honda и Alstom объявили о создании Совета по водородным технологиям, так как автомобили на водороде экологичнее электрокаров. Таким образом, компании одновременно несут ответственность за то негативное воздействие, которое оказывает их производство на окружающую среду, заботятся о потребителях, развивают новые технологии производства, зарабатывают хорошую репутацию, не скрывая свою прибыль от вклада в улучшение жизни общества.

Директор по социальной ответственности бизнеса BMW Group Милена Пиги открыто заявляет, что концепция устойчивого развития компании способствует росту положительной репутации, улучшению имиджа компании, а также снижает издержки. За 10 лет BMW Group удалось сэкономить 155 млн евро за счет использования меньшего количества воды и энергии при производстве автомобиля [10].

В настоящее время компаниям не достаточно просто производить качественный товар по привлекательной цене, чтобы быть конкурентоспособными. В борьбе за доверие основных стейкхолдеров крупные компании вынуждены прибегать к разным инструментам формирования и удержания положительного имиджа. КСО может быть одним из самых эффективных инструментов репутационного менеджмента при условии, что компания не будет использовать ее для воздействия на подсознание индивидуумов в целях получения сверхприбыли. Открытость перед заинтересованными сторонами и ответственность за тот вред, который компания наносит обществу, повышает доверие к компании и служит главным фактором устойчивого развития на долгую перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Друкер П.Ф., Макьярелло Д.А. Менеджмент / пер. с англ. - М.: И.Д. Вильямс, 2010. - 704 с.
2. Каменская А.О. Интерпретация понятий «альтруизм» и «эгоизм» в теориях классиков социологии // Социальная политика и социология. - Т. 15. - 2016. - № 6 (119). - С. 81-87.
3. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. - М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. - 511 с.
4. Носкова А.В., Панфилова Е.А. Социальная ответственность российского бизнеса в условиях импортозамещения // Вопросы управления. - 2016. - № 2 (20). - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-rossiyskogo-biznesa-v-usloviyah-importozamescheniya>
5. Соммер Д.С. Мораль XXI века. - М.: Кодекс, 2014. - 480 с.
6. Friedman M. The Social Responsibility of Business is to Increase Its Profits // The New York Times Magazine. - September 13, 1970. - URL: <http://faculty.wvu.edu/dunnc3/rprnts.friedman.dunn.pdf>
7. How Volkswagen Walked Away From a Near-Fatal Crash // Bloomberg Businessweek. - URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-03-29/how-volkswagen-walked-away-from-a-near-fatal-crash> (дата обращения: 19.04.2018).
8. Reputation institute. - URL: <https://www.reputationinstitute.com/global-reprtrak-100> (дата обращения: 17.03.2018).
9. The Rise Of The Reputation Economy // Forbes. - URL: <https://www.forbes.com/sites/ericaswallow/2013/10/09/reputation-economy/#11330ae6cc96> (дата обращения: 18.04.2018).
10. This is how BMW Group uses CSR to turn into a technology company // AMEnfo. - URL: <https://ameinfo.com/technology/innovation/bmw-group-uses-csr-turn-technology-company/> (дата обращения: 15.03.2018).
11. Volkswagen в 2019 году сменит логотип // Коммерсант.ру. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3605941> (дата обращения: 17.04.2018).

REFERENCES

1. Drucker Peter F., Macchiarelli Joseph A. Management.: Per. S angl. M.: OOO "I.D. Vil'iams", 2010. 704 s.
2. Kamenskaya A.O. Interpretaciya ponyatij "altruizm" i egoizm v teoriyakh klassikov sociologii. [Interpretation of the concepts "altruism" and "selfishness" in the theories of classics of sociology]. Ssocial'naya politika i sociologia. T. 15. 2016. № 6 (119). Pp. 81-87.
3. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskii enciklopedicheskii russko-angliiskii slovar'. [Sociological encyclopedic Russian-English dictionary]. M.: Astrel, AST, Tranzitkniga, 2004. 511 p.
4. Noskova A.V. Panfilova E.A. Sotsialnaya otvetstvennost' rossoiskogo biznesa v usloviyah importazamesheniya. [Social responsibility of Russian business in conditions of import substitution]. Voprosi upravleniya 2016. № 2 (20) Available at: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-rossiyskogo-biznesa-v-usloviyah-importozamescheniya>

5. Sommer D.S. *Moral' XXI veka*. [Moral of the XXI century]. M.: Kodeks, 2014. 480 p.
6. Friedman M. The Social Responsibility of Business is to Increase Its Profits The New York Times Magazine, September 13, 1970. Available at:
URL: <http://faculty.wvu.edu/dunnc3/rprnts.friedman.dunn.pdf>
7. How Volkswagen Walked Away From a Near-Fatal Crash. Bloomberg Businessweek. Available at:
URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-03-29/how-volkswagen-walked-away-from-a-near-fatal-crash> (accessed: 17.04.2018).
8. Reputation institute. Available at: URL: <https://www.reputationinstitute.com/global-reptrak-100> (accessed: 17.03.2018).
9. The Rise Of The Reputation Economy. Forbes. Available at: URL:
<https://www.forbes.com/sites/ericaswallow/2013/10/09/reputation-economy/#11330ae6cc96> (accessed: 18.04.2018).
10. This is how BMW Group uses CSR to turn into a technology company. AMEnfo. Available at: URL:
<https://ameinfo.com/technology/innovation/bmw-group-uses-csr-turn-technology-company/> (accessed: 15.03.2018).
11. Volkswagen в 2019 году сменит логотип. Коммерсант.ru. Available at: URL:
<https://www.kommersant.ru/doc/3605941> (accessed: 17.04.2018).

Информация об авторе:

Каменская Анна Олеговна, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России), г. Москва, Россия
anna_tikhnev@mail.ru

Получена: 18.04.2018

Для цитирования: Каменская А.О. Корпоративная социальная ответственность как инструмент репутационного менеджмента (на примере автомобильной промышленности). Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.86-91.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-86-91.

Information about the author:

Anna O. Kamenskaya, Postgraduate Student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia
anna_tikhnev@mail.ru

Received: 18.04.2018

For citation: Kamenskaya A.O. Corporate social responsibility as a tool of the reputation management (evidence from the automotive industry). Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 86-91.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-86-91. (in Russ)

УДК 316.6, 37.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-92-96

КАРИПБАЕВ Байжол Искакович
Карагандинский государственный
университет им. академика Е.А. Букетова
г. Караганда, Казахстан
karipbaev@mail.ru

Bayzhol I. KARIPBAEV
Karaganda State University named after
academician E.A. Buketov
Karaganda, Kazakhstan
karipbaev@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
ВЕРОТЕРПИМОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ
КОНСОЛИДАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ФОРМАТАХ КАЗАХСТАНА**

**FORMATION OF THE CONCEPT OF RELIGIOUS
TOLERANCE AND ETHNIC CONSOLIDATION IN
THE EDUCATIONAL FORMATS OF KAZAKHSTAN**

В данной статье автор анализирует основные формы воспитания у молодых людей (школьников, студентов) толерантного отношения к существующему этническому и конфессиональному разнообразию. Такая постановка вопроса определяется современным состоянием общественных отношений, в пространстве которых возникает многообразие моделей межкультурного, межконфессионального, межэтнического диалога, полилога, обнаруживаются факторы радикализации сознания, увеличение количества молодых людей, следующих основным ценностным ориентирам новых религиозных течений. В условиях таких духовных, гуманитарных трансформаций большая ответственность ложится на систему образования, в рамках которой большей частью и формируется мировоззренческая позиция молодых людей. Возникает необходимость реформирования образовательной системы на всех ее уровнях. Автор актуализирует необходимость корректировки образовательных, воспитательных программ в учебных заведениях в целях увеличения гуманитарной компоненты учебного процесса, которая, в свою очередь, позволит расширить мировоззренческий горизонт обучающихся. Автор высказывает в статье ряд предложений по реформированию образовательных стандартов, реализация которых позволит готовить творческую личность с активной жизненной позицией. В числе предлагаемых рекомендаций автор размышляет над вопросом увеличения гуманитарных ракурсов путем включения, например, в систему школьной, вузовской подготовки как обязательного компонента предмета, связанного с изучением этноконфессионального пространства общества.

In this article the author analyzes the main forms of education of young people (schoolchildren, students) tolerant attitude to the existing ethnic and religious diversity. This formulation of the question is determined by the current state of social relations in the space of which there is a variety of models of intercultural, interfaith, interethnic dialogue, polylogue revealed factors radicalization of consciousness, increasing the number of young people following the basic values of new religious trends. In the context of such spiritual and humanitarian transformations, a great responsibility lies with the education system, within which the ideological position of young people is mostly formed. There is a need to reform the educational system at all levels. The author actualizes the need to adjust educational programs in educational institutions in order to increase the humanitarian component of the educational process, which in turn will expand the Outlook of students. The author expresses in the article a number of proposals for reforming educational standards, the implementation of which will allow to prepare a creative person with an active life position. Among the proposed recommendations, the author reflects on the issue of increasing humanitarian perspectives, by including, for example, in the system of school, University training as a mandatory component of the subject related to the study of the ethno-confessional space of society.

Ключевые слова: этнос, религия, духовное развитие, образование, воспитание, мировоззрение, личность, мотивация

Keywords: ethnos, religion, spiritual development, education, upbringing, outlook, personality, motivation

Современный Казахстан, находящийся в режиме динамичных трансформаций, представляет собой сегодня полигон инноваций, нововведений, социальных экспериментов и научных поисков. Существовая в режиме открытого общества, Казахстан не может не ощущать те серьезные угрозы, которые сегодня диктуют и политическую, и экономическую, и даже духовную моду. В числе проблем мирового уровня особое место занимает, на наш взгляд, радикализация сознания людей в части этнических и конфессиональных маркеров. Перманентные поиски идентичности приводят людей в различного рода объединения, группы, организации, которые исповедуют идеи человеческой исключительности, расовой избранности, религиозной одержимости и т.д. В таких условиях особая

ответственность ложится на систему образования, которая в принципе и призвана способствовать формированию здоровых представлений человека о самом себе, своей жизненной стратегии, своем месте в сложных коммуникационных системах современности.

Сегодня возникает, на наш взгляд, потребность и необходимость исследовать эту проблему в конкретных социальных координатах. Такой конкретный подход, не отрицающий важности серьезных мировоззренческих обобщений, востребован сегодня. Когда борьба идет за души молодых людей, когда мы понимаем серьезность презентуемых нашими идеологическими, духовными врагами лозунгов и ценностей, важно предпринять серьезные научные усилия, которые, в свою очередь, станут основой адресной практической работы в рамках системы образования. Современный Болонский формат образования дает, на наш взгляд, возможность построения креативных образовательных конструкций, которые будут способствовать формированию активной зрелой личности, способной взять ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу своего государства и народа. В социогуманитарных исследованиях зарубежных и отечественных ученых достаточно активно исследовались и исследуются вопросы межэтнического, межконфессионального сосуществования, проблемы толерантности.

Теоретико-методологической основой исследований в этой области служат труды мыслителей прошлого. Святой Августин - в период Поздней Античности; Барух Спиноза - в Новое время; Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро - в эпоху Просвещения; из числа русских философов - Владимир Соловьев, Павел Флоренский и Николай Бердяев. Мировоззренчески более широко и системно категорию толерантности с интервалами в столетие разрабатывали либеральные теоретики Джон Локк [1], Иммануил Кант [2] и Джон Стюарт Милль [3]. В пространстве казахской философии к вопросам терпимости, толерантности в своем творчестве обращались Шакарим Кудайбердиев [4], Абай Кунанбаев [5]. Работы этих ученых обращают наше внимание на тот неоспоримый факт, что природа человека не может быть расчленена на какие-то составляющие компоненты, она монолитна и, исследуя ее, мы должны воспринимать ее как монолитную универсальность. Все характеристики человека неразрывны и определяют друг друга. Любой другой подход искажает природу человека, его внутренне единство.

В культурологических, философских, социологических исследованиях зарубежные коллеги, следуя различным историческим конфигурациям, анализируют социальную природу человека через осмысление его этнических, религиозных предпочтений и симпатий, выстраивают собственную модель межэтнического и межконфессионального согласия. Так, представитель деонтологического либерализма Джон Ролз [6] исследует природу толерантности с позиций идеально-типической методологии. Шанталь Муфф [7], Славой Жижек [8], Эрнесто Лаклау [9] используют в анализе теории веротерпимости эпистемологический потенциал конфликтного исследовательского подхода. Аксиологическую методологию в исследовании данной проблемной интриги используют Г. Маркузе [10] и П. Николсон [11]. Через онтолого-историцистские гносеологические технологии исследуют проблему этнической консолидации и веротерпимости М. Уолцер [12], Р. Дворкин [13]. В ракурсах мультикультуралистских подходов эту тему рассматривают М. Сэндел [14], Ч. Тейлор [15], У. Кимлин [16], Дж. Грей [17].

Немалый интерес поднимаемая в статье проблема вызывает и у наших отечественных коллег. Ученые Казахстана рассматривают, как правило, эту проблемную интригу в социокультурных и когнитивных контекстах современного Казахстана. К последним работам, относящимся к этому проблемному пространству, можно отнести монографию «Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность» (2014 г., авторы З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова) [18], материалы международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания» (2015 г.) [19]. В данных работах представлен богатый историко-теоретический материал, отражающий поступательную логику формирования пространства мировоззренческой гармонии.

Несмотря на активно формирующийся интерес к этой проблеме, необходимо признать, что проблема формирования аксиологически правильных восприятий, оценок, суждений молодых людей, обучающихся в образовательных структурах Казахстана, относительно идеи межнационального, межконфессионального согласия не получила должного научного исследования, осмысления и эмпирического анализа.

По данным Министерства национальной экономики, в Казахстане наблюдается отрицательная динамика в миграционных процессах. Согласно данным миграционной полиции, число зарегистрированных прибывших в Казахстан на постоянное место жительства (мигрантов) в январе-марте 2016 г. по сравнению с январем-мартом 2015 г. уменьшилось на 26,7% и составило 3053 человека. Число выбывших из страны мигрантов увеличилось на 20,3% и составило 5434 чел., сальдо миграции - 2381 человек. Среди выезжающих на постоянное место жительства немало молодых людей. При всем разнообразии причин выезда необходимо признать, что часть выезжающих на постоянное место жительства говорит о появившемся этническом дискомфорте, появлении мусульманизации населения, что вызывает определенный градус напряжения. Это явление не тотально, однако, чтобы его локализовать, необходимы новые форматы государственной, общественной политики, серьезное научное сопровождение.

Вопросы межконфессиональной толерантности, межкультурного согласия являются сегодня достаточно «популярными» в научно-исследовательском пространстве современного Казахстана. Очевидно, что сегодня образование - это значимый общественный институт, с ним связывают надежды на выход из кризиса культуры и общества. И в этом смысле образование - приоритетный национальный проект общества, цель его - ускорить интеграцию казахстанского образования в мировое образовательное пространство. Образование молодого поколения должно включать практическую подготовку к жизни в определенном культурном пространстве. Личностно-ориентированное образование становится потребностью современности, поскольку позволяет расширить реализацию возможностей творческой, высококоммуникативной личности; это образование должно быть нацелено на умение вести диалог друг с другом независимо от этнической или религиозной принадлежности. Важно, чтобы образование на любых его этапах было ориентировано на гуманистическую этику развития обучаемого, нацелено на нравственное самосовершенствование личности, на формирование навыков отношения к миру через его культурное, этническое, религиозное многообразие. В связи с этим хотелось бы остановиться на ряде аспектов образовательных форматов, которые, на наш взгляд, позволяют определить наиболее важные аксиологические приоритеты в реформаторском подходе к этому важнейшему социальному институту.

Мы уже отмечали, что Болонская конвенция дает большие возможности в формировании оригинальных образовательных дискурсов, делает образовательное пространство целостным и единым. Молодой человек может и должен сам независимо формировать свою образовательную стратегию, учебную траекторию. Свобода перемещения в образовательном пространстве в рамках института академической мобильности предоставляет возможность стать студентом мира, то есть познавать мир во всем его разнообразии через институты образования. вузы тоже получают большой люфт академической свободы, что дает им возможность учитывать свои региональные познавательные симпатии, создавать оригинальные дискурсивные практики.

Вместе с тем после того как улеглись наши первые восторги относительно оригинальности болонского формата, мы приходим к пониманию того неоспоримого факта, что в этом формате есть, наряду с несомненными достоинствами, и определенные недостатки, недочеты. Оказывается, универсальный болонский формат не столь уж универсален. И в этом понимании мы с оправданными ностальгическими нотками вспоминаем нашу советскую систему образования, которая была признана в свое время самой фундаментальной, соответствующей всем академическим мировым показателям. В связи с этим мне думается, что настало то время, когда нам необходимо позитивно критически подойти к болонским матрицам и вспомнить и воспроизвести многие классические каноны советской образовательной системы.

В контексте рассматриваемой проблемы - проблемы этнической консолидации и веротерпимости - можно обратить внимание на ряд следующих обстоятельств. Современный мир предлагает молодому человеку чрезвычайно много форм социальных коммуникаций, различных уровней социализации, идентификации. Многие социальные соблазны на самом деле оказываются ложными, негативными формами рекрутирования молодежи в различные радикальные, экстремистские объединения. Предлагаемые ими смыслы и значения, облачаемые в достаточно привлекательные лозунги, мобильные речитативы, становятся у молодых людей частью их жизненных программ и приоритетов. И в этом смысле мы, находящиеся на передовых рубежах формирования общественного, социокультурного вкуса (образование), должны что-то противопоставить нашим, если хотите, идеологическим врагам. Что же получается на самом деле? Необходимо признать, что в погоне за профессионалом-специалистом мы забываем о том, что перед нами сидит не просто будущий работник-человек-функция, а прежде всего член нашего общества, которому предстоит вступить в сложный мир социальных взаимоотношений в самых разных пространствах и сферах. Позволяет ли современная образовательная парадигма готовить такого человека, способного воспринять разнообразие этого мира не с позиции узкопрофильного специалиста.

Общеизвестно, что маркерами нашего времени стали проблемы активного становления и воспроизводства радикальных идей, связанных с ренессансом исламистских (не исламских) интерпретаций Корана, возрождение идей этнической исключительности, расизма и т.д. В этих условиях, на наш взгляд, необходима переориентация образовательных форматов, начиная со школы и заканчивая студенчеством, на формирование широкого мировоззренческого горизонта у молодых людей. Вспоминается Плутарх со своим откровением «ученик - это не сосуд, который надо наполнить знаниями, а факел, который нужно зажечь». Зажигаем ли?

Молодые люди, сидящие сегодня в студенческих аудиториях, к сожалению, лишены возможности получения широкого спектра социогуманитарного знания. Не удивительно, что сегодня наша деятельность получила обозначение «предоставление образовательных услуг», а задача определилась в емком «формировании навыков и компетенций». Очевидно, что усложняющееся время требует и сложного образовательного дискурса. Советская образовательная система предлагала студентам не только специализированные предметы, но и блок знаний общего мировоззренческого масштаба (этика, эстетика, логика, философия, атеизм и т.д.). Думается, что одна из причин успешного рекрутирования радикальными организациями нашей молодежи заключается и в этом.

Инициативной исследовательской группой Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова был проведен социологический опрос среди студентов вузов Центрального Казахстана на предмет оценки ими своих представлений о религии, культурных формах, образовании. Выяснилось, что 80% молодых людей связывают идею возрождения духовной жизни с религией. 67% опрошенных уверены в дихотомии «русский - значит православный», «казах - значит мусульманин». Большинство студентов не знают различий в католическом и православном исповедании. 70% участвовавших в опросе признались, что за последние три года ни разу не были в театре, а главным источником знаний и информации у 90% студентов является Интернет. Цифры говорят сами за себя. Одно радует: 82% студентов высказались за внедрение в образовательные программы курса «Религиоведение». Вот оно, поле нашей деятельности. Наши студенты не умеют говорить, тесты подменили возможность беседы глаза в глаза, первоисточники остались на задворках учебной жизни (достаточно материала из Википедии) и т.д.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость расширить социогуманитарную компоненту наших образовательных, воспитательных программ начиная со школы и заканчивая вузами. Формирование в образовательных форматах (школа-колледж-вуз) целостной длящейся последовательной программы социогуманитарного знания и воспитания позволит нам реализовать в полной мере истинную миссию образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Локк Дж. Опыт веротерпимости. Соч. в 3-х тт. - Т.3. - М.: Мысль, 1988. - 668 с.
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов. Соб. соч. в 8 тт. - Т.4. - М.: Чоро, 1994. - С. 172.
3. Милль Дж. Ст. Утилитарианизм / Утилитарианизм. О свободе. - СПб.: Изд. книгопродавца И.П. Перевозникова, 1900. - С. 188-189.
4. Кудайбердиев Ш. Три истины. - Алматы: Казахстан, 1991. - 80 с.
5. Кунанбаев А. Слова назидания / пер.с казах. С. Санбаева. - Алматы: Жалын, 1979. - 32 с.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. - Новосибирск: НГУ, 1995. - 342 с.
7. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. - 2004. - №2 (42). - 253 с.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Сафронова. - М.: Художественный журнал, 1999. - 187 с.
9. Лаклау Э. Hegemony and Socialist Strategy // Verso. - 1985. - 194 p.
10. Маркузе Г. Критическая теория общества. Избранные труды по философии и социальной критике. - М.: АСТ-Астрель, 2011. - 384 с.
11. Nicholson P.P. Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration / ed. by J. Hordon & S. Mendus. - London - New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. - 216 p..
12. Уолцер М. О терпимости. - М.: ДИК, 2000. - 189 с.
13. Дворкин Р. О правах всерьез. - М.: РОССПЕН, 2012. - 216 с.
14. Сэндел М.Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. - М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. - С. 203, 213 с.
15. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. - М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 2015. - 295 с.
16. Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. - М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 2007. - 176 с.
17. Грей Дж. Толерантность: постлиберальная перспектива// Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности / пер. с англ. под общ. ред. Г.В. Каменской. - М.: Практикс, 2011. - С. 45.
18. Шаукенова З.К., Бурова Е.Е., Назарбетова А.К. Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность. - Алматы: ИП Волков Н.А., 2015. - 266 с.
19. Материалы международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания». - Алматы: ИП Волков Н.А., 2016. - 305 с.

Информация об авторе:

Карипбаев Байжол Исакович, доктор философских наук, профессор, Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан
karipbaev@mail.ru

Получена: 20.04.2018

Для цитирования: Карипбаев Б.И. Формирование концепции веротерпимости и этнической консолидации в образовательных форматах Казахстана. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.92-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-92-96.

Information about the author:

Bayzhol I. Karipbaev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan
karipbaev@mail.ru

Received: 20.04.2018

For citation: Karipbaev B.I. Formation of the concept of religious tolerance and ethnic consolidation in the educational formats of Kazakhstan. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.2-2. Pp. 92-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-92-96. (in Russ)

УДК 316.62

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-97-102

КОЖЕВИНА Анна Павловна,
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Россия
apkozhevina@mail.ru

Anna P. KOZHEVINA
Baikal State University
Irkutsk, Russia
apkozhevina@mail.ru

ДУБРОВИНА Светлана Валериевна,
Иркутский государственный медицинский
университет,
г. Иркутск, Россия
sibdub@rambler.ru

Svetlana V. DUBROVINA
Irkutsk State Medical University
Irkutsk, Russia
sibdub@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДОБРОВОЛЬНЫХ И ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

FEATURES OF MOTIVATION OF WORK VOLUNTARY AND FORCED MIGRANTS IN RUSSIA

В статье описываются результаты исследования трудовой мотивации добровольных и вынужденных трудовых мигрантов в РФ. Трудовая мотивация является системой внутренних и внешних побудительных элементов, под влиянием которых в сознании человека формируется отношение к труду и трудовое поведение. Под трудовой миграцией понимаются перемещения в целях трудоустройства, включая переезд на постоянное место жительства, в случае, если основным мотивом являются поиски работы. Трудовым мигрантам приходится адаптироваться к новым социально-экономическим и социально-психологическим условиям окружающей действительности, что предъявляет повышенные требования к способности личности к адаптации в новых для нее условиях и влияет на профессиональную деятельность мигрантов. Добровольные трудовые мигранты имеют высокую степень адаптации к новым условиям трудовой деятельности, среднюю степень коммуникативной активности, адекватное восприятие своей социальной роли. Выражена высокая степень общей неудовлетворенности трудовой ситуацией, преобладает избежательный тип трудовой мотивации, направленный на минимизацию трудовых усилий. Вынужденные мигранты обладают невысокой эмоциональной устойчивостью, адаптационные способности снижены, выражена склонность к нервно-психическим срывам, наблюдается низкий уровень поведенческой регуляции, средняя степень коммуникативной активности, высокая ориентация на соблюдение общепринятых норм поведения. Выражена высокая степень общей неудовлетворенности трудовой ситуацией, доминирует инструментальный тип трудовой мотивации, ориентированный на получение высокого заработка.

The article describes the results of the study of labor motivation of voluntary and forced labor migrants in Russia. Labor motivation is a system of internal and external motivational elements, under the influence of which the attitude to work and labor behavior is formed in the consciousness of a person. Labor migration refers to movements for the purpose of employment, including moving to a permanent place of residence, where the main motive is to seek employment. Labor migrants have to adapt to the new socio-economic and socio-psychological conditions of the surrounding reality, which places increased demands on the ability of the individual to adapt to the new conditions and affects the professional activities of migrants. Voluntary labor migrants have a high degree of adaptation to the new conditions of work, an average degree of communicative activity, and an adequate perception of their social role. The high degree of General dissatisfaction with the labor situation is expressed; the avoiding type of labor motivation directed on minimization of labor efforts prevails. Forced migrants have low emotional stability, adaptive abilities are reduced, a tendency to neuropsychiatric disorders is expressed, and there is a low level of behavioral regulation, an average degree of communicative activity, a high focus on compliance with generally accepted norms of behavior. The high degree of General dissatisfaction with the labor situation is expressed; the instrumental type of labor motivation focused on receiving high earnings dominates.

Ключевые слова: трудовая мотивация, добровольные мигранты, вынужденные мигранты, профессиональная деятельность мигрантов, адаптация, адаптационный потенциал, трудовое состояние, тип трудовой мотивации, социальная роль, социальная поддержка

Keywords: labor motivation, voluntary migrants, forced migrants, professional activities of migrants, adaptation, adaptive capacity, working condition, type of labor motivation, social role, social support

В современных условиях мировой социально-экономической нестабильности трудовая миграция является одной из глобальных проблем любого государства. Трудовые

мигранты покидают свою страну в целях ведения трудовой деятельности, при этом срок их пребывания варьируется от нескольких месяцев до нескольких лет. Представляя различные категории профессионалов, они имеют как низкую, так и высокую квалификацию: от работников сферы обслуживания до специалистов высокого звена [1, с. 2]. Мигранты представляют в большинстве своем молодых, активных, трудоспособных и предприимчивых людей и выступают самостоятельным и перспективным фактором производства. В связи с этим проблема исследования мотивации трудовой деятельности трудовых мигрантов представляет особую значимость для понимания проблем и объяснения дальнейших перспектив развития данной социальной группы.

Психологическое изучение проблем трудовой миграции является одним из актуальных в современной психологии. Наиболее подробно данная область исследования представлена в социальной психологии, инженерной психологии, психологии труда и эргономики. Мотивация характеризуется внутренним настроем, отношением сотрудника к рабочей ситуации, тем, насколько активно и увлеченно он будет действовать в этой ситуации [2, с. 51]. Мотивацией сложно управлять извне, мотивы формирует сам человек под воздействием внешних факторов, с учетом индивидуальных особенностей самого человека [2, с. 53]. Трудовая мотивация стимулируется поиском работы. С этой целью человек может менять место жительства, поскольку благодаря трудоустройству он может проявить себя с профессиональной точки зрения, которая, в свою очередь, является основой для удовлетворения потребности в профессионально-деятельностной самореализации [3, с. 178].

Неоспорим тот факт, что мотивами трудовой миграции выступают социально-экономические процессы, происходящие в обществе. Человек стремится получить от переезда в новую среду более высокую материальную выгоду, а также возможность осуществить свои планы на будущее, возможно, в плане развития предпринимательской деятельности и бизнеса. На пути достижения цели мигрантам приходится сталкиваться с различными трудностями как социального, так и психологического содержания, которые тесно связаны с адаптационным периодом к новым условиям жизнедеятельности, что, в свою очередь, оказывает влияние на психическое состояние мигрантов и на мотивационную сферу личности.

Изменение места проживания неизбежно способствует изменению трудового поведения мигрантов, иногда меняя само привычное содержание профессиональной деятельности и формируя новые паттерны профессионального поведения. При этом трудовым мигрантам приходится адаптироваться к новым социально-психологическим условиям, приобретать новые профессиональные качества личности и динамично реагировать на новые ситуации.

Целью исследования явилось выявление мотивации трудовой деятельности вынужденных и добровольных трудовых мигрантов России. Мы предполагаем, что существуют различия в мотивации трудовой деятельности у вынужденных и добровольных мигрантов.

При решении задач, поставленных в исследовании, использовались следующие методики: анкета на определение причин миграции; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина; модифицированный вариант методики оценки полярных профилей Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса «Типовое трудовое состояние»; анкета для определения типа трудовой мотивации работника, разработанная Ю.К. Балашевым, А.Г. Ковалем на основе модели трудовой мотивации В.И. Герчикова.

В исследовании участвовали 60 мигрантов мужского пола из Средней Азии (киргизы, узбеки и таджики) в возрасте от 26 до 40 лет. Все мигранты работают в частных компаниях г. Иркутска, занимающихся строительством. В данной выборке в большей степени присутствуют добровольные трудовые мигранты (60% испытуемых), которые по собственному желанию, в силу личных обстоятельств приняли решение о поиске работы в России. В качестве основных причин, вызвавших переезд с целью трудовой деятельности, добровольные трудовые мигранты выделяют следующее: поиск лучших условий для реализации своих экономических и мировоззренческих интересов; значитель-

ный разброс в уровнях социально-экономического развития в стране, где они проживали, по сравнению с Россией; существование безработицы; наличие различий в размерах заработной платы; потребность достать средства для обеспечения семьи.

В то же время достаточное количество трудовых мигрантов, а именно 40% испытуемых, являются вынужденными мигрантами. В качестве основных причин миграции вынужденными трудовыми мигрантами были выделены: нестабильность политической ситуации в стране, где они проживали; обострение национальных отношений; вооруженные конфликты. Как правило, эти люди проживают в России достаточно длительный период времени и большинство из них имеют статус беженца.

Перейдем к сравнительному анализу мотивации трудовой деятельности у испытуемых выделенных нами групп. Рассматривая данные, следует отметить, что достоверные различия наблюдаются по всем параметрам адаптационных возможностей. Так, личностный адаптивный потенциал выше в группе добровольных трудовых мигрантов ($U = 7,121$, $p = 0,006$). Показатели адаптивного потенциала испытуемых варьируются в пределах нормальной адаптации. В то время как для вынужденных мигрантов в большей степени свойственна удовлетворительная степень адаптации. Таким образом, можно утверждать, что добровольные трудовые мигранты имеют более высокую степень адаптации к новым условиям трудовой деятельности и быстрее вырабатывают стратегию своего поведения. Между тем вынужденные мигранты обладают невысокой эмоциональной устойчивостью, адаптационные способности снижены, что может провоцировать проявление агрессивности и конфликтности.

Также выявлены статистически значимые различия по параметру нервно-психической устойчивости ($U = 5,281$, $p = 0,001$). Так, склонность к нервно-психическим срывам наиболее выражена в группе вынужденных трудовых мигрантов. Следовательно, данные испытуемые имеют более низкий уровень поведенческой регуляции, чем респонденты первой группы. В свою очередь, у добровольных мигрантов показатели нервно-психической устойчивости варьируются в пределах нормы.

Более высокий уровень развития коммуникативных способностей наблюдается у вынужденных трудовых мигрантов ($U = 5,141$, $p = 0,020$). Однако следует отметить, что в обеих группах уровень коммуникативных способностей варьируется в пределах нормы. Это значит, что и добровольным, и вынужденным трудовым мигрантам свойственна коммуникативная активность, коллективизм, однако повышенный уровень сензитивности, тревожности, а также языковой барьер сдерживают открытое проявление коммуникативных навыков.

Статистически значимые отличия наблюдаются по выраженности моральной нормативности у добровольных и вынужденных трудовых мигрантов ($U = 7,424$, $p = 0,013$). Так, ориентация на соблюдение общепринятых норм поведения в большей степени выражена у вынужденных мигрантов. Хотя и у добровольных трудовых мигрантов моральная нормативность обозначена в пределах средних значений. Этот факт свидетельствует о том, что испытуемые двух групп достаточно адекватно воспринимают данную социальную роль.

Перейдем к рассмотрению статистически значимых различий по типовому трудовому состоянию у испытуемых выделенных нами групп. Из этих результатов видно, что высокая степень общей неудовлетворенности трудовой ситуацией выражена у испытуемых двух выделенных нами групп. Между тем статистические данные свидетельствуют о том, что в группе добровольных трудовых мигрантов трудовая ситуация вызывает более сильное беспокойство ($U = 6,221$, $p = 0,000$). Это значит, что трудовые мигранты в малой степени проявляют интерес к выполняемой работе, не довольны взаимоотношениями с сотрудниками и руководством, имеют низкий уровень притязаний в профессиональной деятельности и не удовлетворены условиями и организацией труда.

Также статистически доказано, что нервно-психическая напряженность более выражена в группе вынужденных трудовых мигрантов ($U = 5,028$, $p = 0,011$). Данный факт свидетельствует о том, что элементы новизны и неопределенности трудовой ситуации повышают возможность возникновения нервно-психической напряженности и могут

снижать трудовую мотивацию данных респондентов. По показателям тревожности не выявлено статистически значимых различий.

Рассмотрим статистически достоверные различия в типах трудовой мотивации у добровольных и вынужденных трудовых мигрантов. Статистически значимые различия получены в доминировании избегательного типа трудовой мотивации. Так, у добровольных мигрантов данный тип выражен в большей степени ($U = 8,163$, $p = 0,014$). Это свидетельствует о том, что испытуемые первой группы отличаются ориентацией на минимизацию трудовых усилий, не желают достигать высоких результатов, демонстрируют низкую профессиональную активность, повышение квалификации не является целью, согласны на достаточно низкий заработок и чрезвычайно зависимы от руководителя, принимая это положение как должное.

Также выявлены статистически значимые различия в доминировании инструментального типа трудовой мотивации у трудовых мигрантов. Так, у вынужденных мигрантов данный тип преобладает ($U = 9,813$, $p = 0,004$). Следовательно, для них в большей степени свойственна ориентация на получение высокого заработка, при этом работа не выступает в качестве значимой для них, а рассматривается как возможность получения материальной выгоды. Поэтому вынужденные мигранты с таким типом мотивации положительно отнесутся к предложению работать в более неблагоприятных условиях, что даст им возможность потребовать повышенную оплату за свой труд.

Профессиональный тип мотивации выражен в большей степени у вынужденных мигрантов ($U = 6,111$, $p = 0,012$). Таким образом, данные респонденты нацелены на то, чтобы проявить себя в профессиональной деятельности, и более предпочитают самостоятельность в работе, чем добровольные трудовые мигранты.

Таким образом, результаты эмпирического исследования позволили выявить мотивацию трудовой деятельности у вынужденных и добровольных мигрантов. Так, анализ результатов изучения адаптационных возможностей вынужденных и добровольных мигрантов показал, что добровольные мигранты легче адаптируются к новым условиям трудовой деятельности, более адекватно ориентируются в ситуации и быстрее входят в трудовой коллектив. Удовлетворительная степень адаптации преобладает у вынужденных трудовых мигрантов, им характерна невысокая эмоциональная устойчивость, что является причиной возникновения нервных срывов и повышенной конфликтности.

Сниженный уровень поведенческой регуляции и склонность к нервно-психическому напряжению и срывам свойственны вынужденным мигрантам. В то время как добровольные мигранты более адекватно воспринимают сложившуюся трудовую ситуацию, обладают более адекватной самооценкой и способны управлять своими психическими состояниями. Коммуникативные способности варьируются в пределах средних значений у вынужденных и добровольных мигрантов. Моральная нормативность выражена больше у добровольных трудовых мигрантов, чем у вынужденных трудовых мигрантов. В основном трудовые мигранты показали среднюю степень моральной нормативности, что говорит о желании и добровольных, и вынужденных мигрантов соблюдать нормы поведения в трудовом коллективе.

У добровольных и вынужденных трудовых мигрантов ярко выражена общая неудовлетворенность трудовой ситуацией, которая вызвана тяжелым физическим трудом, продолжительным рабочим днем, перегруженностью обязанностями, выполнением большого объема работы, низкой вероятностью профессионального роста. Показатели нервно-психической напряженности и рабочей тревожности у вынужденных мигрантов выше, что свидетельствует о том, что у них присутствует неуверенность в своих силах, повышенная психоэмоциональная напряженность и озабоченность в отношении своего места в коллективе.

Для добровольных мигрантов доминирующим является избегательный тип трудовой мотивации, которому свойственно отсутствие стремления к высоким результатам, избегание любой работы, связанной с личной ответственностью, низкая степень проявления активности и самостоятельности в трудовой деятельности. У вынужденных трудовых мигрантов преобладает инструментальный тип трудовой мотивации, то есть приоритетность высокого заработка и максимизация собственных доходов.

В целом, выполненное исследование статистически подтвердило наше предположение о том, что существуют различия в мотивации трудовой деятельности у вынужденных и добровольных мигрантов. В настоящее время социальная поддержка трудовых мигрантов в России осуществляется различными благотворительными неправительственными и международными организациями, которые оказывают материальную, медицинскую, социальную и юридическую помощь мигрантам. При этом психологическая поддержка трудовых мигрантов в данных организациях практически отсутствует. Преобладание ограничительного подхода к оказанию помощи мигрантам является одним из факторов, затрудняющих становление специального направления социально-психологической работы с мигрантами. Нередко трудовые мигранты включены в замкнутую общину, которая может противодействовать принимающему сообществу. Данная ситуация снижает вероятность полной адаптации трудовых мигрантов к новым условиям жизнедеятельности, взаимного культурного общения и поведения, преодоления существующих стереотипов восприятия и поведения. Все вышесказанное препятствует прохождению трудовыми мигрантами адаптации к новым условиям и включению в чуждое для них социокультурное пространство.

Мы согласны с Е.В. Агеевой, что одним из методов эффективной социальной адаптации может стать введение трудовых мигрантов в государственные программы социальной защиты населения [1]. Таким образом, безусловно, необходима социально-психологическая поддержка мигрантов, которая должна заключаться в создании специальных центров интеграции, русского языка, повышения квалификации иностранных рабочих, центров психологической поддержки, чтобы облегчить им социокультурную и профессиональную адаптацию.

В связи с вышесказанным актуальным является организация социально-психологической помощи трудовым мигрантам, привлечение общественного внимания к их проблемам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агеева Е.В. Социальная защита мигрантов как фактор социальной интеграции / Е.В. Агеева // Baikal research journal. - 2016. - Т. 7. - № 4. - С. 6. - DOI 10.17150/2411-6262.2016.7(4).6
2. Носырева И.Г. Мотивация и стимулирование персонала: соотношение понятий / И.Г. Носырева, Г.Д. Юн // Вестник магистратуры. - 2016. - № 10-2 (61). - С. 50-53.
3. Туев В.А. Мотивация труда и развитие потребностей личности / В.А. Туев // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2014. - № 4. - С. 177-182.

REFERENCES

1. Ageyeva E.V. Sotsialnaya zashchita migrantov kak faktor sotsialnoy integra-tsii. [Social protection of migrants as a factor of social integration]. Baikal research journal. 2016. T. 7. No 4. P. 6. (In Russ.).
2. Nosyreva I.G. Motivatsiya i stimulirovaniye personala: sootnosheniye ponya-tiy. [Motivation and stimulation of personnel: correlation of concepts]. Yun Vestnik magistratury. = Bulletin of the magistracy. 2016. No 10-2 (61). Pp. 50-53. (In Russ.).
3. Tuyev V.A. Motivatsiya truda i razvitiye potrebnostey lichnosti [Motivation and development of personal needs]. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. = News of Irkutsk state Academy of Economics. 2014. No 4. Pp. 177-182. (In Russ.).

Информация об авторах:

Кожевина Анна Павловна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия
apkozhevina@mail.ru

Дубровина Светлана Валериевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра социальной психологии и педагогики, Иркутский государственный медицинский университет,
г. Иркутск, Россия
sibdub@rambler.ru

Получена: 28.03.2018

Для цитирования: Кожевина А.П., Дубровина С.В. Особенности мотивации трудовой деятельности у добровольных и вынужденных мигрантов в России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2/2. с 97-102.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-97-102.

Information about the authors:

Anna P. Kozhevina, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University,
Irkutsk, Russia
apkozhevina@mail.ru

Svetlana V. Dubrovina, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Psychology and Pedagogy, Irkutsk State Medical University,
Irkutsk, Russia
sibdub@rambler.ru

Received: 28.03.2018

For citation: Kozhevina A.P., Dubrovina S.V. Features of motivation of work voluntary and forced migrants in Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 97-102. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-97-102. (in Russ)

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-103-107

ЛЕПЕШЕВ Дмитрий Владимирович
Кокшетауский университет
им. Абая Мырзахметова
г. Кокшетау, Казахстан
dlepeshhev@yahoo.com

Dmitriy V. LEPESHEV
Kokshetau Abai Myrzakhmetov University
Kokshetau, Kazakhstan
dlepeshhev@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

PROBLEMS OF CULTURAL IDENTITY IN MODERN EURASIA

Образование - неотъемлемая часть развития общества, непрерывный процесс передачи опыта и навыков от старшего поколения к младшему. Образование призвано в первую очередь раскрывать человеческий потенциал, воспитывать идентичность личности. Статья посвящена обоснованию необходимости обращения постсоветского сообщества стран к понятию евразийской цивилизационной идентичности. Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих методов исследования, включая общенаучные методы анализа, сравнения, а также метод историзма, в статье обобщаются взгляды отечественных и зарубежных исследователей. Автор раскрывает опасность современных процессов глобализации и локализации в контексте личностной идентификации и предлагает противопоставить влиянию «атлантической» западной культурной интервенции собственную глобальную идентичность объединенной Евразии. Доказывается, что формирование коллективной идентичности человека постсоветского пространства не может ограничиваться лишь национальной, этнической, региональной или даже государственной идентичностью. В новейшее время евразийское пространство спаяно тесной сетью экономических, политических, культурных связей, не менее прочных, чем те, что объединяют сегодня государства Евросоюза. Поэтому необходимо постулирование более крупной, цивилизационной идентичности, которая обнаруживает не только локальные, но и глобальные общезначимые ценностные элементы. Это приведет к более глубокой интеграции культур и народов.

Education is an integral part of the development of society, a continuous process of transferring experience and skills from the older generation to the younger. Education is designed, first of all, to reveal the human potential, to bring up the identity of the individual. The article justifies the need of post-Soviet community to refer to the concept of Eurasian civilizational identity. To achieve this goal, a set of complementary research methods was used, including general scientific methods of analysis, comparisons, and the method of historicism, and the article generalizes the views of domestic and foreign researchers. The author discloses the danger of modern globalization and localization processes in the context of personal identification, and suggests contradistinguishing the global identity of a united Eurasia and the impact of the "Atlantic" Western cultural intervention. The study proved that development of the collective identity of the post-Soviet individual could not be limited to national, regional or even national identity. Today, the Eurasian space is tightly "welded" by the network of economic, political and cultural relations, which is no less durable than those uniting the EU countries. Therefore, it is necessary to postulate a larger, civilizational identity, which combines both local and global universal value elements. This will lead to a deeper integration of cultures and peoples.

Ключевые слова: Евразия, евразийство, цивилизационная идентичность, евразийская идентичность, этническая идентичность, глобализация, атлантизм, вестернизация

Keywords: Eurasia, Eurasianism, civilizational identity, Eurasian identity, ethnic identity, globalization, Atlanticism, Westernization

Глобализационный процесс, имеющий объективные политико-экономические причины и очевидные культурные последствия, взаимообусловлен с наступлением периода информационного общества, то есть той фазы развития, когда информация приобрела необычайную мобильность и кратно возросла в размерах, порождая нечеловекосообразный вал сведений, обрушивающихся на каждого в единицу времени. Многообразное трансформирующее воздействие глобализационных процессов на такие традиционные системы воспитания, как государство, семья, религия, трудно переоценить.

Процессы, происходящие в экологической и политической, духовной и экономической, социальной сферах и международном праве, обусловлены двумя разнонаправленными тенденциями в отношении этнических культур. Первая из них - *глобализация*, пра-

вомерно рассматриваемая как «выход социального пространства за пределы физического пространства и за границы государства» [6, с. 3]: монолитное наступление западноевропейской и американской массовой культуры, что ведет к размыванию культурных идентичностей, отказу молодежи от вековых ценностей того или иного народа, к унификации лица мировой культуры. Истоки глобализации давно исследованы; они являются естественным продолжением тенденций европейско-американской цивилизации к распространению собственного образа жизни, мысли, культуры, согласно пониманию прогресса как объективного и однонаправленного исторического процесса.

Одним из геополитических основ глобализации стало явление, получившее название атлантизма: это основанная на понятии «атлантической цивилизации» геополитическая философия «западного сектора» человечества, аксиологически определяемая через либерально-демократические ценности и многостороннее сотрудничество европейских и североамериканских государств, прежде всего в рамках НАТО. Именно в рамках философии атлантизма наиболее точно трактуется часто встречающееся противопоставление европейского и евразийского путей, хотя главной силой атлантического блока давно являются США.

Вторая тенденция, вызванная к жизни этим новым типом культурной интервенции, получила название *локализации* и проявляется в обострении тяги к национальному сепаратизму, во взаимном обвинении народов, в обострении этнических конфликтов и даже в активизации радикальных религиозно-террористических группировок, что в совокупности представляет серьезную угрозу национальной и мировой безопасности. Необходимо отметить, что обе эти тенденции ярко проявились после окончания холодной войны, то есть одновременно с развалом евразийской империи Советского Союза - государства, которое, при всех противоречивых оценках его роли, служило важнейшим фактором мирового политического равновесия.

Сложная ситуация самоопределения человека в современном мире определяется в социальных науках понятием личностной идентичности; через это понятие, например, определяет проблемы глобализирующегося мира Е.Э. Сурова: «Наиболее значимой проблемой глобального порядка является формирование целостной общечеловеческой модели идентичности» [7, с. 11]. Идентичность человека, его личностное самоопределение, существенно поменялась за последние столетия. В традиционном обществе личностная идентичность четко определялась социальной (кастовой) принадлежностью, как правило, передаваемой по наследству; такие стороны идентичности, как гендерная, профессиональная, духовная, были во многом предопределены, а их формирование регулировалось рядом ритуалов, освященных авторитетом традиции и религии. С наступлением городской буржуазной цивилизации границы социальных слоев потеряли былую нерушимость, активизировалась социальная мобильность, и бывшая сравнительно целостная личностная идентичность, определяемая традиционными мерилami, была потеряна, распавшись на много составляющих (определяемых порой противоречащими друг другу социальными ролями). Также добавились новые типы идентичностей, которые В.А. Ядов обозначает как «модерные»: идентичность в производственном коллективе, в политической ориентации, в государстве и пр. [10]. В рамках идеологии социализма идентичность подменялась классовой принадлежностью, а в современном обществе очевиден кризис личностной идентичности, связанный с информационной избыточностью, которая влечет за собой глобальное расширение спектра стратегий социального самоопределения.

Если в традиционном обществе идентичности были взаимообусловлены и взаимосвязаны, а их особенности уравновешены в процессе исторического развития социума, то в обществах современности, перед которыми предстала масса возможностей выбора, идентичности вступают в противоречие. Современный человек в поиске личностной (культурной) идентичности оказывается в промежутке между индивидуализмом и групповой (традиционной) идентичностью, между глобальными и локальными процессами. Немаловажное значение в личностной идентификации имеет определение этнической идентичности. Так, выстраивая иерархию социальной идентичности, З.А. Жаде указывает именно на этническую идентичность как внутреннее, ядерное наполнение этого поня-

тия, на который впоследствии «напластовываются» идентичность региональная, национальная, геополитическая и цивилизационная [4].

Различные народы и государства Европы и Азии глубоко озабочены кризисом идентичности в современном мире, угрозой нивелирования культурного многообразия человечества. Не только к России можно отнести высказывание С.В. Трегуба: «Общество попало в сложнейшую ситуацию - в отсутствие прямого физического воздействия со стороны других государств Россия оказалась перед проблемой утраты не только своей независимости, но и идентичности как нации» [8, с. 3].

При этом страны Евросоюза по большей части ориентированы на возвращение гражданской идентичности, основанной на толерантности. Эта позиция достаточно полно раскрыта у исследователя современной европейской идентичности Е.Э. Суровой: «Изменение форм фиксации опыта и их влияние на идентификационную позицию индивида дает возможность максимально полно реализовывать творческие интенции, адаптироваться в любой культурной среде, менять отношение к целому ряду ценностных позиций, среди которых наибольшее значение обретают принципы новизны, свободы и творчества» [7, с. 12]. Точно подмечено стремление европейца выйти на новый уровень некоего культурного космополитизма; однако современная социально-культурная реальность в данный момент свидетельствует об идеальном, недостижимом пока статусе такой «персоналистской личности», для которой свободный выбор культуры оборачивается несвободой и сама возможность выбора любой идентичности (включая национальную, религиозную, гендерную) лишает эту идентичность ценности и стабильности.

Страны Азии ищут и другие пути, не всегда популярные, однако приводящие к стабилизации национальной идентичности. Так, например, в Китае на государственном уровне регулируется политика телевидения и доступа в Интернет; по заключению исследователя, «активное использование национального телевидения в интересах консолидации китайского народа, обладающего единой культурной идентичностью, является конструктивным противодействием негативным социокультурным проявлениям глобализации» [9, с. 3]. Мы видим продолжение той же национальной идеи и стратегии, которая заставила китайцев построить Великую Стену; по выражению П. Бицилли, с ее помощью «Китай заслонял свою культуру от варваров» [1, с. 24], то есть минимизировал угрозу национальной культурной идентичности.

Японский исследователь замечает, что для японцев, с их островным сознанием, «индивидуальная идентичность каждого отдельного японца оказалась практически тождественной идентичности коллективной» [3, с. 4]. Он говорит об отсутствии политики, направленной на сохранение национальной идентичности: «Перед страстным желанием вестернизироваться, отождествить свою идентичность с западной не устояли и последние японские императоры» [3, с. 20], и приходит к пессимистическому выводу: «Под воздействием непосредственно глобализационного процесса и привносимых им глобальных стандартов японскому народу в долгосрочной перспективе, вероятно, уготовано усредняющее слияние с другими народами и восприятие унифицированных, единых для всех норм при ослаблении, а затем и утрате традиционной японской идентичности и национальной самобытности» [3, с. 21].

Проблема национальной идентичности в условиях глобализации крайне остро стоит для малых народов Евразии. Так, по свидетельству исследователя, «изменения, происходящие в традиционной культуре, обуславливают процессы маргинализации народа саха» [5, с. 10]; «идеал культуры чукчей <...> находится в оппозиции к ценностям и идеалам, предложенным цивилизацией» [2, с. 10]. Список можно продолжать: народы Азии и евразийского региона, несомненно, видят и ощущают растущую угрозу вестернизации культуры, которой не может достойно противостоять национальное сознание, если это противостояние не получает государственной поддержки, не опирается на определенную культурную политику.

Формирование коллективной идентичности человека постсоветского пространства, на наш взгляд, не может ограничиваться национальной, этнической, региональной или даже государственной идентичностью; и в новое, и в новейшее время евразийское про-

странство было спаяно тесной сетью экономических, политических, культурных связей, не менее прочных, чем те, что объединяют сегодня государства Евросоюза. Необходимо постулирование более крупной, цивилизационной идентичности, которая обнаруживает не только локальные, но и глобальные общезначимые ценностные, когнитивные и деятельностные элементы. Такая идентичность способна не только преодолеть растущую ксенофобию, в частности в России, но и вывести общность народов к равноправному сопоставлению как с американской, так и европейской цивилизационной идентичностью; позиционирование такой идентичности является естественным ответом на глобализационные и локализационные процессы современности. Такую идентичность закономерно назвать идентичностью евразийской.

В сложившейся ситуации в России и окружающих регионах Евразии возрастает актуальность воспитания человека, который обладает не только собственной этнокультурной идентичностью, но и готов признавать самобытность и видеть независимость в культурах, ценностях, традициях и обычаях других народов. Таким образом, есть насущная необходимость постулирования *евразийской культурной идентичности*, которая подразумевает обоснование и построение определенной парадигмы воспитания, непротиворечиво сочетающей ценности национальных воспитательных систем с общечеловеческими константами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. - М.: Ин-т философии РАН, 1993. - С. 24-35.
2. Брачун Т.А. Философский анализ трансформации этнических культур в эпоху модернизации и глобализации (на примере культуры чукотского этноса): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2011. - 70 с.
3. Ёсихито К. Традиционная японская идентичность (с древних времен до эпохи глобализации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М.: ЦЯИ Инст-т востоковедения РАН, 2004. - 24 с.
4. Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А. Российская идентичность на Северном Кавказе. - М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: Качество, 2010. - 248 с.
5. Никифорова П.Г. Национальная идентичность народа саха в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Якутск: Якутский гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2010. - 22 с.
6. Семенова Ю.А. Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире: философско-антропологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Челябинск: Уральский гос. пед. ун-т, 2012. - 22 с.
7. Сурова Е.Э. Трансформация европейской модели идентичности в процессе глобализации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - СПб., Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006. - 42 с.
8. Трегуб С.Я. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. - М.: Военный ун-т, 2008. - 22 с.
9. Шугаев А.В. Формирование культурной идентичности как фактор консолидации глобализирующегося китайского общества (на примере телевидения): автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Чита: Читинский гос. ун-т, 2011. - 24 с.
10. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. - 1995. - № 3-4. - С. 158-181.

REFERENCES

1. Bicilli P.M. «Vostok» i «Zapad» v istorii Starogo Sveta ["East" and "West" in the history of the Old World]. Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow: RAN In-t filosofii, 1993. Pp. 24-35.
2. Brachun T.A. Filosofskij analiz transformacii jetnicheskikh kul'tur v jepohu modernizacii i globalizacii (na primere kul'tury chukotskogo jetnosa) [Philosophical analysis of the transformation of ethnic cultures in the era of modernization and globalization (on the example of the Chukchi ethnic group culture)]. Abstract of the thesis Ph.D. Rostov-na-Donu, 2011. 70 p

3. Josihito K. Tradicionnaja japonskaja identichnost' (s drevnih vremen do jepohi globalizacii) [Traditional Japanese identity (from ancient times to the era of globalization)]. Abstract of the thesis Ph.D. Moscow, 2004. 24 p.
4. Zhade Z., Kukva E., Ljausheva S., Shadzhe A. Rossijskaja identichnost na Severnom Kavkaze [Russian identity in the North Caucasus]. Moscow: Socialno-gumanitarnye znaniya; Majkop: Kachestvo, 2010. 248 p.
5. Nikiforova P.G. Nacional'naja identichnost' naroda saha v uslovijah globalizacii [National identity Sakha people in the context of globalization]. Abstract of the thesis Ph.D. Yakutsk, 2010. 22 p.
6. Semenova Ju.A. Grazhdanskaja identichnost' lichnosti v globalizirujushhemsja mire: filosofsko-antropologicheskij aspekt [Civil personal identity in a globalizing world: the philosophical-anthropological aspect]. Abstract of the thesis Ph.D. Cheljabinsk, 2012. 22 p.
7. Surova E.Je. Transformacija evropejskoj modeli identichnosti v processe globalizacii [The transformation of the European model of identity in the globalization process]. Abstract of the thesis Ph.D. SPb., 2006. 42 p.
8. Tregub S.Ja. Civilizacionnaja identichnost Rossii v uslovijah globalizacii (social'no-filosofskij analiz) [Civilizational identity of Russia in the context of globalization (social-philosophical analysis)]. Abstract of the thesis Ph.D. Moscow, 2008. 22 p.
9. Shugaev A.V. Formirovanie kul'turnoj identichnosti kak faktor konsolidacii globalizirujushhegosja kitajskogo obshhestva (na primere televidenija) [Formation of cultural identity as a factor of consolidation of globalizing Chinese society (for example, TV)]. Abstract of the thesis Ph.D. Chita, 2011. 24 p.
10. Jadov V. A. Socialnye i socialno-psihologicheskie mehanizmy formirovanija socialnoj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of formation of the social identity of the individual]. Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija [Russian World. Sociology. Ethnology]. 1995, No 3-4. Pp. 158-181.

Информация об авторе:

Лепешев Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе и международному сотрудничеству, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова, г. Кокшетау, Казахстан
dlepeshev@yahoo.com

Получена: 24.03.2018

Для цитирования: Лепешев Д.В. Проблемы культурной идентичности в современном Евразийском пространстве. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. **103-107**.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-103-107.

Information about the author:

Dmitriy V. Lepeshev, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Vice-Rector for Research and International Cooperation, Kokshetau Abai Myrzakhmetov University, Kokshetau, Kazakhstan
dlepeshev@yahoo.com

Received: 24.03.2018

For citation: Lepeshev D.V. Problems of cultural identity in modern Eurasia. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.2-2. Pp. 103-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-103-107. (in Russ)

УДК 94(470) 1992/1996 + 94(510) 1992/1996

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-108-114

ЛУ Сяоин

Южно-Уральский государственный универ-
ситет (национальный исследовательский
университет),
г. Челябинск, Россия
yingemma@126.com

Xiaoying LU

South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russia
yingemma@126.com

**ПОВОРОТЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И
КИТАЕМ С 1992 ПО 1996 гг.: ПРИЧИНЫ И
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**TURNS IN THE SPHERE OF ECONOMIC
COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA
FROM 1992 TO 1996: CAUSES AND
CONSEQUENCES**

После распада Советского Союза Китай и Россия, как страны с разными идеологиями и социальными системами, всеми силами укрепляли и развивали двусторонние отношения. Обе страны не только установили дружеские отношения в политике, но и постепенно укрепили сотрудничество в экономике. Целью статьи являлось рассмотрение процесса российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в 1992-1996 гг. и причины его колебаний. Основным методом исследования включается в сравнении межгосударственных договоров, анализе правительственных документов РФ и КНР, эмпирическом исследовании случаев сотрудничества между двумя странами и алгоритмизации. В статье показано, что в течение 1992 - 1996 гг. траектория экономического сотрудничества между Россией и Китаем имела повороты. Объем торговли в 1994 г. резко упал. Общая тенденция экономического сотрудничества между двумя странами грозила сворачиванием. Но обе страны использовали различные методы и тесно сотрудничали в целях увеличения объема торгов и расширения модели взаимодействия. Делается вывод о том, что между двумя странами существует благоприятная основа для развития торгово-экономических отношений. Торгово-экономическое сотрудничество между РФ и КНР должно развиваться на основе стабильных политических отношений, а также идти по пути стандартизации и интернационализации.

After the collapse of the Soviet Union, China and Russia, as countries with different ideologies and social systems, strengthened and developed bilateral relations with all their might. Both countries not only established friendly relations in politics, but also gradually strengthened cooperation in the economy. The purpose of the article was to review the process of Russian-Chinese trade and economic cooperation in 1992-1996 and the reasons for its twists and turns. The main method of research is included in how the comparison of interstate contracts, the analysis of pro-government documents of the RF and the PRC, an empirical study of cases of cooperation between the two countries and algorithmization. The article shows that during 1992-1996, economic cooperation between Russia and China had turning points. As well as the volume of trade abruptly removed in 1994. But the general trend of economic cooperation between the two countries was curtailed. Both countries used different methods and worked closely together to increase the volume of trade and expand the interaction model. It is concluded that there is a favorable basis for the development of trade and economic relations between the two countries. Trade and economic cooperation between the two countries should be based on stable political relations, and also follow the path of standardization and internationalization.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, стратегическое партнерство, взаимодействие, совместное предприятие, повороты, визит, совместная декларация, объем торгов, приграничная торговля

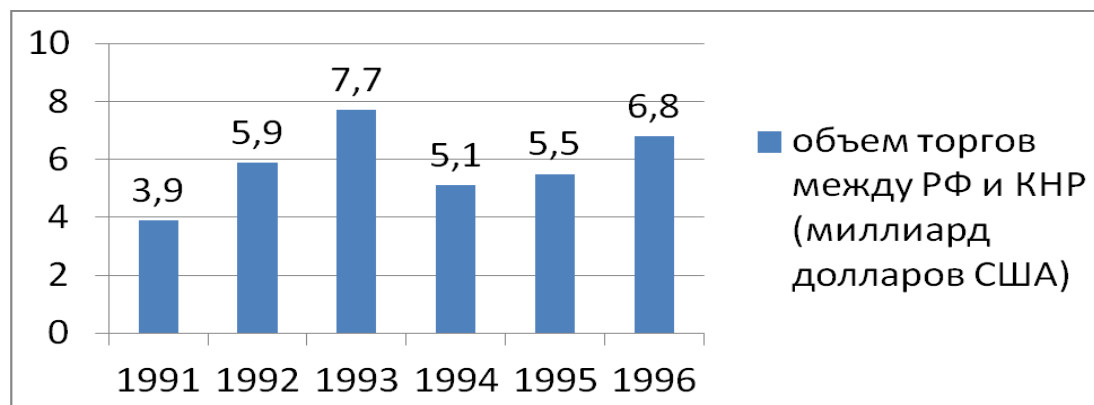
Keywords: Russian-Chinese relations, trade and economic cooperation, strategic partnership, interaction, joint venture, twists and turns, visit, joint declaration, volume of trade, border trade

После распада Советского Союза Китай и Россия, как страны с разными идеологиями и социальными системами, всеми силами соответствовали статусу на международной арене, а также укрепляли и развивали двусторонние отношения. В 1992-1996 гг. лидеры России и Китая обменивались частыми визитами и отношения обеих сторон воспринимались как дружественные к началу установления конструктивного партнерства, ориентированного на XXI век.

В течение 1992-1996 гг. экономическое сотрудничество между Россией и Китаем переживало трудности, но общая тенденция была положительной. Рассмотрим этот период подробнее, условно разделив на три этапа.

Рис. Объем торгов между РФ и КНР

Fig. The volume of trading between the RF and the PRC

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of a scientific article.

Первый этап (1992-1993 гг.). Масштабы двусторонней торговли быстро расширились. Объем торгов между Россией и Китаем стремительно увеличивался. Это тесно связано с географическими преимуществами и экономической взаимодополняемостью между Россией и Китаем (рисунок).

Как известно, в России была хорошо развита тяжелая и военная промышленность при высоком уровне науки и техники. Однако товаров легкой промышленности и продуктов для удовлетворения внутреннего спроса у нее было недостаточно. Поскольку в 1978 г. в Китае проводилась политика реформ и открытости, китайская экономика быстро развивалась, сельскохозяйственные продукты и товары экспортировались в больших количествах. Однако в тяжелой промышленности, особенно в военном оборудовании, Китай отставал от России. В 1992 г. началась либерализация цен и торговли, было разрешено предпринимательство [2]. В результате бартерной торговли экспорт текстиля, питания и других продуктов Китая компенсировал дефицит российских товаров народного потребления.

Из-за резкого увеличения инвестиций в инфраструктуру и строительных проектов возросла потребность Китая в стали, цементе и изделиях из древесины. А у России было преимущество в этой области. Правительство Китая приняло множество мер, благоприятствующих экспорту и импорту товаров. Поэтому китайские компании вышли на российский рынок. Прямые контакты между предприятиями Китая и России приняли форму бартерной торговли.

17-18 декабря 1992 г. во время визита Б. Ельцина в Китай лидеры России и Китая в духе Совместной декларации подписали 24 документа между двумя правительствами, в том числе Протокол об экономическом и торговом сотрудничестве 1993 г. и другие соглашения [6]. Стороны договорились поощрять новые формы экономического сотрудничества, особенно в области инвестиций и совместных предприятий, создавать для этого благоприятные условия [7].

В 1993 г. Китай стал вторым по величине торговым партнером России [1, с. 47]. А Россия занимала седьмое место по величине среди торговых партнеров Китая [10, с. 30].

Второй этап (1994 г.). Объем торговли между Россией и Китаем упал до 5,1 млрд долл. Одной из основных причин падения стало резкое сокращение бартерной торговли между РФ и КНР. Бартерная формула была действующей альтернативой, принятой как Россией, так и Китаем в отсутствие твердой валюты. Автор считает, что первоначально намерения российских властей не были связаны с бартерной торговлей. Однако переход к рынку в СССР привел к кризису товарно-денежной системы.

С 1992 г. некоторые низкокачественные китайские продукты вышли на российский рынок, что серьезно повредило авторитету китайских товаров. С 1994 г. товары развитых западных стран постепенно вышли на российский рынок и стали сильными соперниками Китая. Например, с 1994 г. Япония последовательно создавала совместные предприятия в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах.

С 1993 по 1994 г. Россия столкнулась с серьезной инфляцией, резким падением рубля, нехваткой иностранной валюты и ростом финансовых рисков.

Россия внесла ряд корректировок в свою внешнеторговую политику во второй половине 1993 г. путем введения системы управления квотами и лицензиями на экспорт нефти, природного газа, цветных металлов, удобрений, древесины и т.д., повышением экспортных тарифов на нефть, природный газ и уголь, повышением тарифов на бартерную торговлю на 50%. В бартерной торговле продолжала повышаться доля платежей твердой валютой, на долю которой приходилось в среднем 20%. Все металлы и энергоносители следовало целиком оплачивать твердой валютой. В то же время Россия возобновляла сбор импортных тарифов и увеличивала налог на добавленную стоимость на импортируемые товары. Это значительно ограничило экспорт сырьевых товаров, используемых Россией для бартерной торговли с Китаем.

В 1994 г. обнаружилось отсутствие иностранной валюты в России, ставки коммерческого кредитования были повышены на 110%. Чтобы ускорить поток средств, российским компаниям срочно были нужны большие денежные средства, а не товары, поэтому их интерес к бартерной торговле внезапно упал. Многие китайские бизнесмены в России не выполняли своих обязательств и плохо влияли на рыночные отношения. Учитывая это, в январе 1994 г. Россия приняла ряд ограничительных мер в отношении иммиграции китайского персонала с официальными обычными паспортами и их проживания в России, так что визовые процедуры значительно увеличились по времени и торгово-экономические контакты между двумя странами были сильно ограничены.

В то время приграничная торговля не включалась в план банковских кредитов, бизнесмены не могли заимствовать денежные средства у банков, что привело к финансовым ограничениям и нехватке денег для покупки необходимых импортных товаров. Кроме того, цены на средства производства в России выросли на 20%, постепенно приближались или даже превосходили международные рыночные цены.

В 1994 г. Китай осуществил систему управления обменным курсом, налоговой реформой и квотами, которая компенсировала особый режим, ранее применявшийся в приграничной торговле. Например, после слияния обменного курса ставка налога на торговлю наличными увеличилась на треть. Приграничная торговля велась в швейцарских франках и конвертировалась по фиксированной ставке налога. После внедрения нового обменного курса фактическая налоговая нагрузка на приграничную торговлю удвоилась [11, с. 4]. После налоговой реформы увеличилось налоговое бремя на предприятия внешней торговли. За исключением районов в пределах 20 километров вдоль границы, предприятиям в других регионах не разрешалось пользоваться первоначальным льготным режимом сокращения их налогообложения на 50%. Внедрение системы управления квотами для массовых товаров фактически отменило первоначальную политику открытой приграничной торговли. Раньше для импортируемых товаров, используемых для компенсации заработной платы, государство освобождало таможенные пошлины и налог на добавленную стоимость. С 1994 г. все они облагались НДС, что сдерживало энтузиазм иностранных предприятий.

Таким образом, торгово-экономические связи в 1994 г. развивались неравномерно. Колебания экономического и торгового сотрудничества между Россией и Китаем были неизбежными, однако приближение к международным конвенциям и достижениям в правовой системе создавало условия для нормального развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

По поводу тенденции к сокращению объема торговли между двумя странами в 1994 г. министр внешних экономических связей России О.Д. Давыдов отметил, что это временное явление.

Третий этап (1995-1996 гг.). Объем двусторонней торговли начал медленно расти и достиг в 1995 г. 5,5 млрд долл. США, в 1996 г. - 6,8 млрд долл. США. В 1995 г. Китай был одиннадцатым по величине торговым партнером России, а в 1996 г. - уже третьим. Россия занимала восьмое место по величине среди торговых партнеров Китая в 1995 и 1996 гг. [9, с. 27].

В 1995 г. доля бартерной торговли снизилась с 50% до 20%. Доля торговли наличными увеличилась с 33% до 40% [12, с. 38].

Способы экономического сотрудничества между Россией и Китаем стали более разнообразными. Помимо торговли, они также включали техническое сотрудничество, сотрудничество в сфере труда и деловое сотрудничество. Между предприятиями двух стран также начало укрепляться взаимодействие. У этих предприятий наблюдалась структурная взаимодополняемость по экономике и технологии. Некоторые из проектов связаны с развитием инвестиционного сотрудничества, которое являлось новым источником экономического развития обеих стран. Благодаря сотрудничеству обе стороны оптимизировали факторы производства и подняли уровень управления предприятий.

В 1995 г. в целях укрепления управления приграничной торговлей и содействия развитию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами правительства России и Китая провозгласили соответствующую политику. Госсовет Китая обнародовал «Циркуляр по исправлению порядка внешней торговли в приграничных местах и пресечению выпуска поддельных и некачественных товаров».

13 октября 1995 г. российское правительство обнародовало «Комплексную программу стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации». Программа российского правительства заключалась в поощрении взаимных инвестиций в конкретные сферы.

13 июня 1995 г. заместитель премьера правительства РФ О. Давыдов и заместитель премьера Госсовета КНР Ли Ланьцин в Москве подписали протокол 3-й сессии российско-китайской совместной межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Новая дискуссия между двумя сторонами заключалась в том, как заменить бартерную торговлю на твердую валюту [4].

25-28 июня 1995 г. премьер-министр китайского правительства Ли Пэн посетил Москву с официальным визитом. В беседе китайский руководитель правительства Ли Пэн выразил надежду, что Россия будет участвовать в строительстве АЭС в провинции Ляонин и ГЭС в районе Санься.

Переговоры между главами правительств обеих стран способствовали трансформации экономики и торговли между Россией и Китаем. Во-первых, метод наличных платежей заменял старую бартерную торговлю, устанавливая торговлю между двумя странами на путь международной стандартизации; во-вторых, осуществлялось поощрение прямого сотрудничества между крупными компаниями и компаниями с хорошей репутацией; в-третьих, стороны согласились принимать меры по углублению производства и укреплению сотрудничества в области науки и техники и поощрять взаимные инвестиции и совместные предприятия.

В апреле 1996 г. президент России Б. Ельцин снова посетил Китай. На переговорах лидеры двух стран обязались создавать благоприятные условия и оказывать поддержку субъектам торгово-экономического сотрудничества, в первую очередь крупным и средним предприятиям и компаниям с хорошей репутацией и большим хозяйственным потенциалом. Обе стороны предложили во взаимных расчетах взять курс на использование главным образом свободно конвертируемой валюты [5, с. 212].

В 1992 г. под эгидой Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) высокопоставленные правительственные чиновники из Китая, России, Северной Кореи, Южной Кореи и Монголии подписали в Пекине соглашение о развитии района реки Туманной. Эта программа объединила район реки Туманной с китайскими приграничными городами Хуньчуном, Туменем, Яньцзи и с российской свободной экономической зоной «Находка» (она была создана 24 октября 1990 г.), а также с районом Большой Владивосток.

В апреле 1996 г. президент Б. Ельцин подписал в Хабаровске программу «Об утверждении федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы». В ней подчеркивалось, что необходимо преодолеть изоляцию между Дальним Востоком и соседними странами и укрепить отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 19 мая 1996 г. Б. Ельцина выпустил указ «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири» в Омске. Во исполнение основных положений этого Указа была осуществлена разработка Концепции и проекта «ФЦП (Федеральная целевая программа) Сибири (1997-2005)» [8]. Программа объявила о мерах по поддержке экономического и социального развития Сибири и подчеркнула, что восточный регион России должен прежде всего развивать отношения России с Китаем [3, с. 21].

До конца 1996 г. Россия и Китай создали такие зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС), как Маньчжурия - Забайкальск, Суйфэньхэ - Приграничный, Хунчунь - Зарубино, Хэйхэ - Благовещенск. ЗПЭС опирались на природные ресурсы двух стран, руководствовались международным рынком и стимулировали внутреннюю торговлю посредством экономического и технологического сотрудничества. В этот период Россия и Китай подписали ряд крупных проектов сотрудничества между двумя правительствами. К ним относились участие России в строительстве китайского проекта «Три ущелья», переброска нефти и природного газа из Восточной Сибири в Китай, строительство атомной электростанции в провинции Ляонин и строительство Хэйхэ-Благовещенского российско-китайского пограничного моста.

В 1996 г. Россия и Китай установили стратегическое партнерство (сотрудничество), ориентированное на XXI век, и предоставили новую возможность для торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем. До конца 1996 г. торгово-экономические отношения между РФ и КНР все еще находились в стадии корректировки. Объем торговли между Россией и Китаем оставался на уровне около 5 млрд долл. США, что не соответствовало экономическому потенциалу двух стран. Развитие торгово-экономических отношений между Россией и Китаем в 1992-1996 гг. глубоко вдохновляло нас.

Из сказанного выше делаем следующие выводы.

Во-первых, дружественные и стабильные политические отношения между двумя странами являются основой для развития торгово-экономических отношений.

Во-вторых, торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами должно идти по пути стандартизации и интернационализации.

В-третьих, торгово-экономические отношения между Россией и Китаем должны развиваться по модели структурного взаимодополняющего сотрудничества.

В-четвертых, необходимо расширить торгово-экономические отношения между двумя странами до многосторонних торгово-экономических обменов и развивать торгово-экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ван Шучунь, Китайско-российские отношения после холодной войны / Лэнчжань Хоудэ Чжонэ Гуаньси. - Пекин: Шиши Чубаньшэ, 2005. - 225 с.
2. Лиинь. Мнения о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Россией / Исследование рынка в Восточной Европе и Средней Азии. - 1997. - № 5. - С. 20-28.
3. Пекинский дневник. - 15 июня 1995 г.
4. Рахманин О.Б. К истории отношений России - СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. - М.: Памятники исторической мысли, 2002. - 411 с.
5. Синьхуа Йобао, - 1992. - № 12. - С. 105-111.
6. 6. Совместная декларация об основах взаимоотношений между российской федерацией и китайской народной республикой. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900032> (дата обращения: 25.12.2017).

7. Федеральная целевая программа «Сибирь» - первый опыт разработки стратегических документов развития Сибири на постсоветском пространстве. - URL: <http://docplayer.ru/45917825-7-2-federalnaya-celevaya-programma-sibir-pervyy-opyt-razrabotki-strategicheskikh-dokumentov-razvitiya-sibiri-na-postsovetskom-prostranstve.html> (дата обращения: 29.12.2017).
8. Хань Лихуа. Китайско-российские торгово-экономические отношения: положение, проблемы и перспективы // Международный бизнес. - 1996. - № 5. - С. 25-29.
9. Чжан Шусяо, Ли Чуньянь, Новый акцент российской внешней политики и китайско-российских экономических и торговых отношений // Вэйго Вэньти Яньцию, - 1996. - № 1. - С. 28-32.
10. Чэнь Шипэн, Исследование китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // Исследования рынка в Восточной Европе и Центральной Азии. - 1997. - № 7. - С. 3-10.
11. Чэнь Лициан, Юань Тао. Развитие и тенденция китайско-российских торгово-экономических отношений // Вестник экономики и управления. - 1997. - № 3. - С. 37-41.

REFERENCES

1. Wang Shuchun, Kitaisko-rossiiskie otnosheniia boslie holodnoi boinei, [Sino-Russian relations after the Cold War.] Beijing: Лэнчжань Хоудэ Чжонэ Гуаньси. 2005. 225 p.
2. Liyin. Mneniia o torgovo-ekonomicheskom sotrudnichestvie mieshdy Kitaem i Rossiiei. [Opinions on trade and economic cooperation between China and Russia]. Issliedovaniie reinki na Vostochnoi Evropie i Srednii Azii = Research markets in Eastern Europe and Central Asia. №5, 1997, Pp.20-28.
3. 3.Piekinskii dievnik. [Beijing Diary], 15 jul. 1995.
4. 4.Rahmanin O.B. K istorii otnoshenii Rossii-SSSR s Kitaem v XX veke. [To the history of Russia-USSR relations with China. In the twentieth century]. M: Monuments of historical thought 2002. 411 p.
5. 5.Xinhua YuebaoC, 1992. №12. Pp. 105-111.
6. 6.Sovmiesnaia dieklaraciia ob osnovax vzaimootnoshenii mieshdy RF i KNR. [Joint declaration on the fundamentals of the relationship between the Russian Federation and the Chinese People's Republic] <http://docs.cntd.ru/document/1900032> (25 dis. 2017 г.)
7. 7.Fiegieralinaia cieliavaia pradramma <Sibiri>[The federal target program "Siberia"] <http://docplayer.ru/45917825-7-2-federalnaya-celevaya-programma-sibir-pervyy-opyt-razrabotki-strategicheskikh-dokumentov-razvitiya-sibiri-na-postsovetskom-prostranstve.html> (29 dis.2017 г.)
8. 8.Han lihua. Kitaisko-rossiiskie torkovo-ekonomichieskie otnoshieniia: polosheniie problemiei n pierspiektivei. [Sino-Russian trade and economic relations: situation of the problem and prospects]. Mieshdynarodneii biznies = international Business. №5. 1996. Pp.25-29.
9. 9.Zhang shuxiao. Li Chunyan. Noveii akcient rossiiskoi vnieshniei politiki i kitaisko-rossiiskih ekonomichieskih i torgovih otnoshenii. [New emphasis on Russian foreign policy and China-Russia economic and trade relations]. Waiguo wenti yanjiu. №1, 1996. Pp. 28-32.
10. 10.Chen Shipeng. Issliedovaniie kitaisko-rossiiskovo torkovo-ekonomichieskovo sotrudnichiesiva. [Research of the Sino-Russian trade and economic cooperation]. Issliedovaniia reinka v Vostochnoi Evropir i Centpalinoi Azii = Market research in Eastern Europe and Central Asia, 1997, №7. Pp.3-10.
11. 11.Chen lijiang. Yuan Tao. Razvitiia i tendenciia Kitaisko-rossiiskie torgovo-ekonomichieskie otnoshieniiz. [Development and the trend of Sino-Russian trade and economic relations]. Viesnik ekonomiki i upravleniia = Bulletin of Economics and Management №3. 1997. Pp. 37-41.

Информация об авторе:

Сяоин ЛУ, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск, Россия
yingemma@126.com

Information about the author:

Xiaoying LU, Postgraduate Student, South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia
yingemma@126.com

Получена: 04.04.2018

Received: 04.04.2018

Для цитирования: Лу С. Повороты в сфере экономического сотрудничества между Россией и Китаем с 1992 по 1996 г.: причины и последствия. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.108-114.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-108-114.

For citation: LU X. Turns in the sphere of economic cooperation between Russia and China from 1992 to 1996: causes and consequences. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 108-114.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-108-114. (in Russ)

УДК 316.7, 374.7.005 «196/197»

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-115-119

МАГОМЕДОВ Магомед-Ганипа Гамидович
Дагестанский государственный институт
народного хозяйства
г. Махачкала, Россия
z.magomedova.11@mail.ru

Magomed-Ganipa Kh. MAGOMEDOV
Dagestan state Institute of national economy
Makhachkala, Russia
z.magomedova.11@mail.ru

АЛИБЕКОВ Магомед-Запир Магомед-Расулович
Дагестанский государственный институт
народного хозяйства,
г. Махачкала, Россия

Magomed-Zapir M.-R. ALIBEKOV
Dagestan state Institute of national economy
Makhachkala, Russia

ДАИТМИРЗАЕВ Сайгидахмед Абдурахманович
Дагестанский государственный институт
народного хозяйства,
г. Махачкала, Россия

Saigidakhmed A. DAITMIRZAEV
Dagestan state Institute of national economy
Makhachkala, Russia

**СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 60-70 гг.**

**FORMATION OF MATERIAL AND TECHNICAL
BASE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL
INSTITUTIONS IN 1960-1970 S.**

В статье рассматривается на основе анализа материалов 1960-1970-х годов развитие материально-технической базы культурно-просветительских учреждений. С помощью архивных материалов была воссоздана общая картина основных направлений культурно-просветительской работы в условиях постепенного, от централизованного планового развития экономики и социальной сферы, развертывания либеральных рыночных реформ. Авторы делают вывод, что в процессе экономического и социального развития укреплялась материально-техническая база культурно-просветительских учреждений, средств массовой информации. Существенную роль играло государственное финансирование из центра. В первой половине 60-х годов на социально-культурные мероприятия из бюджета Дагестанской АССР было ассигновано 332,1 млн руб., что на 101,2 млн руб. больше по сравнению с предыдущей пятилеткой. Анализируя состояние материально-технической базы, авторы отразили в статье существенные недостатки в этой работе, отставание его от возросших задач и запросов населения. За счет государственного ассигнования материально-техническая база улучшалась не только в городах, но и в сельской местности: было построено и введено в действие клубов и домов культуры на 2250 мест. Партийные и советские органы республики активно поддерживали инициативное строительство. Авторы делают вывод, что в рассматриваемый период усилиями органов власти и самого населения было введено в строй несколько сотен современных зданий, клубов, домов культуры, улучшилась материально-техническая база культурно-просветительских учреждений.

The article discusses on the basis of analysis of materials of the 1960s-1970s development of material-technical base of cultural institutions. On the basis of archival materials the General picture, the main directions of cultural and educational work in the conditions of gradual from the centralized planned development of economy and the social sphere, deployment of liberal market reforms was recreated. The authors concludes that in the process of economic and social development the material and technical base of cultural and educational institutions, mass media and press was strengthened. A significant role was played by public funding from the centre. In the 1st half of the 60th years on social and cultural actions from the budget of the Dagestan ASSR it was appropriated 332,1 million rubles that for 101,2 million rubles more in comparison with the previous five-year plan. Analyzing the state, material and technical base, the author reflected in the article significant shortcomings in this work, lagging it from the increased tasks and demands of the population. The material and technical base of the state was improved not only in cities but also in rural areas, clubs and houses of culture were built and put into operation for 2,250 places. Party and Soviet bodies of the Republic actively supported the initiative construction. The authors concludes that during the period under review several hundred modern buildings, clubs, houses of culture were put into operation by the efforts of the authorities and the population, and the material and technical base of cultural and educational institutions improved.

Ключевые слова: промышленность, клуб, печать, сеть, культура, библиотека, фонд, быт, стационар, кино

Keywords: industry, club, printing, network, culture, library, Fund, life, hospital, cinema

Приход к власти новых общественно-политических сил в результате Октябрьской революции 1917 г. определил радикально иное направление экономического, политического и социально-культурного развития страны. В программных документах Коммуни-

стической партии и Советского государства были определены задачи ускорения социально-экономического прогресса народов России, преодоления отставания в экономическом и социально-культурном развитии бывших национальных окраин от уровня развитых регионов. Важнейшей стратегической задачей партии в культурном строительстве была определена необходимость «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: ...развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке.

К началу 60-х годов в республике была создана разветвленная сеть общеобразовательных школ, специальных учебных заведений. В 1959/60 учебном году здесь насчитывалось 1549 общеобразовательных школ, 4 вуза и 27 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 188,7 тыс. человек [1]. По итогам переписи населения 1959 г. грамотность населения республики в возрасте 9-49 лет достигла 98,1% (по РСФСР - 98,5%) [2]. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием составила 45,3 тыс. человек [2]. В их числе учителя, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства, культпросветработники и другие представители интеллектуальных профессий.

В 1960 г. в Дагестане функционировало 1167 массовых библиотек с книжным фондом 5671,0 тыс. экз., 965 клубных учреждений, 518 киноустановок и других учреждений культуры, вносящих заметный вклад в формирование и удовлетворение духовных запросов населения [3].

Новый этап поступательного развития страны выдвигал перед органами власти, идеологическими учреждениями и организациями задачу дальнейшего повышения духовного потенциала, усиления идейно-политического воспитания масс, всестороннего развития личности. В новой редакции Программы КПСС указывалось, что «партия будет делать все необходимое для того, чтобы в полной мере использовать преобразующую силу марксистско-ленинской идеологии для ускорения социально-экономического развития страны, вести целеустремленную работу по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию советских людей, формированию гармонично развитой, общественно активной личности» [4].

Важнейшим составным компонентом социально-культурной инфраструктуры оставались культурно-просветительные учреждения, вносившие значительный вклад в развертывание политико-просветительной и культурно-массовой работы, формирование и удовлетворение духовных запросов населения.

В 60-70-е годы рост образовательного и культурного уровня населения республики обусловил новые возросшие требования к культурно-просветительной работе. Важным условием деятельности культурно-просветительных учреждений, повышения действенности работы являлось развитие и укрепление их материально-технической базы.

В решениях Коммунистической партии и Советского правительства уделялось большое внимание развитию культурно-просветительных учреждений, дальнейшему укреплению их материально-технической базы. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии (1961 г.), были намечены меры широкого развития сети клубов, домов культуры, библиотек и других учреждений культуры и их равномерного размещения. «Партия считает необходимым, - отмечалось в Программе, - равномерно размещать культурные учреждения на территории страны с тем, чтобы поднять уровень культуры деревни до уровня города» [5].

К началу 60-х годов органами власти, общественностью республики была проделана немалая работа по созданию и развитию сети культурно-просветительных учреждений, укреплению их материально-технической базы. Однако в этой исключительно важной социально значимой работе имело место немало трудностей и нерешенных проблем, состояние многих клубов, домов культуры, библиотек и других учреждений культуры не отвечало задачам дальнейшего развертывания культурно-просветительной работы. В 1961 г. из 720 государственных клубных учреждений и 501 сельской массовой библиоте-

ки республики соответствующими помещениями были обеспечены 540 клубов и 280 библиотек. В непригодных, не имеющих элементарных условий для развертывания работы с читателями помещениях размещались более 250 библиотек [6].

В развитии и дальнейшем укреплении материально-технической базы культурно-просветительных учреждений существенную роль играло государственное финансирование. В седьмой пятилетке (1961-1965 гг.) средства, выделяемые на эти цели из республиканского бюджета, продолжали увеличиваться. В первой половине 60-х годов на социально-культурные мероприятия из бюджета Дагестанской АССР было ассигновано 332,1 млн руб., что на 101,2 млн руб. больше по сравнению с предшествующим пятилетием [7]. Значительная часть из них была направлена на развитие материально-технической базы культурно-просветительных учреждений, развертывание культурно-массовой работы в республике.

Анализируя состояние культурного обслуживания сельского населения, четвертая сессия Верховного Совета Дагестанской АССР пятого созыва в декабре 1960 г. отметила существенные недостатки в этой работе, отставание его от возросших задач и запросов населения, признала одним из важнейших условий дальнейшего развертывания культурного строительства необходимость укрепления материально-технической базы сельских учреждений культуры. Исходя из этого, Совет Министров ДАССР в постановлении «Об улучшении культурного обслуживания сельского населения ДАССР» (июнь 1961 г.) обязал районные исполнительные комитеты усилить внимание к строительству учреждений культуры и разработать перспективные планы по укреплению их материально-технической базы.

За счет государственных ассигнований социально-культурные объекты, в том числе и культурно-просветительные учреждения, строились не только в городах, но и в сельской местности республики. В седьмой пятилетке за счет государственного финансирования в республике было построено и введено в действие клубов и домов культуры на 2250 мест [8].

Наряду с сооружением учреждений культуры и укреплением их материально-технической базы за счет государственных ассигнований, партийные и советские органы республики активно поддерживали инициативное строительство.

Значительное внимание уделялось улучшению оснащения учреждений культуры и искусства республики оборудованием, сценически-постановочным реквизитом и другими необходимыми атрибутами для полноценной, эффективной работы. В 1962 г. на эти цели и капитальный ремонт учреждениям культуры республики было выделено 310 тыс. руб. [9]. В последующие годы внимание к этим вопросам оставалось одним из важных направлений деятельности партийных и советских органов в области культурного строительства.

Активизации работы по укреплению материальной базы учреждений культуры в дагестанском селе способствовала подготовка и проведение Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности в 1964 г. Так, в Ахтынском районе в сел. Хрюк вступил в строй клуб на 450 мест. Хорошие клубы были построены в сел. Зрых и Хнов [10]. Всего в ходе подготовки к всероссийскому смотру колхозами и совхозами республики было построено 80 клубов и 39 библиотек, открыто 696 красных уголков, капитально отремонтировано 216 учреждений культуры. Только в одном Ленинском районе на приобретение национальных костюмов и музыкальных инструментов колхозами было израсходовано свыше 55 тыс. руб. [11].

Во всех районах республики были разработаны планы по строительству и дальнейшему укреплению материально-технической базы социально-культурной инфраструктуры, в частности культурно-просветительных учреждений. Их реализация контролировалась местными партийными и советскими органами, развернулось соревнование по строительству и вводу в строй объектов социально-культурного и бытового назначения. Все это позволило в 1968-1970-е годы построить в сельской местности республики за счет средств колхозов, инициативным способом 160 клубных зданий, приобрести более 30 тыс. театральных кресел, большое количество сценических костюмов, музыкаль-

ных инструментов и технических средств [12]. Всего же за восьмую пятилетку для учреждений культуры Дагестана было приобретено и распределено 92 тыс. театральных кресел, более 11 тыс. библиотечных стеллажей, свыше 1500 читательских столов, много другого оборудования, технических средств [13].

Во второй половине 60-х годов в Хасавюртовском районе силами и средствами колхозов и совхозов было построено восемь типовых клубов с библиотеками, в Кизлярском районе - шесть клубов и домов культуры, в Советском районе - шесть клубов, домов культуры и три клуба на отгонных пастбищах и т.д. [14]. О благоприятных позитивных результатах, достигнутых в укреплении материально-технической базы учреждений культуры республики, свидетельствовало и то обстоятельство, что рабочий поселок Мамедкала Дербентского района, селение Куруш Хасавюртовского района и поселок Герейхановский Сулейман-Стальского района на Всесоюзном смотре-конкурсе на лучшую застройку и благоустройство совхозных и колхозных поселков, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, получили (соответственно золотую, серебряную и бронзовую) медали ВДНХ СССР.

В десятой пятилетке произошло заметное снижение объемов капитального строительства культурно-просветительных учреждений за счет государственного финансирования, в республике было построено и введено в действие клубов и домов культуры на 4070 мест [15]. В эти годы за счет всех источников финансирования были построены и введены в эксплуатацию районные дома культуры в районных центрах Буйнакске, Агвали, Советском, Магарамкенте, Дылыме, Новокаякенте, Касумкенте, сельский дом культуры в сел. Новочиркей. В городе Махачкале было построено здание литературного музея, завершалось строительство драмтеатра на 1300 мест, начато строительство республиканской библиотеки на 1 млн томов, открыт выставочный зал Союза художников Дагестана. Кроме того, по инициативе колхозов, совхозов, сельских Советов было построено и открыто на центральных усадьбах колхозов и совхозов, в селах с населением 500 и более жителей 50 домов культуры, 121 библиотека, организованы 8 передвижных клубных учреждений (автоклубов), 9 народных театров, 22 детские музыкальные и художественные школы [16].

В целом, в рассматриваемые годы усилиями партийных, советских органов, руководителей колхозов, совхозов, самого населения была проделана значительная работа по дальнейшему укреплению материально-технической базы культурно-просветительных учреждений. В республике было построено и введено в строй несколько сотен современных зданий клубов, домов культуры, кинотеатров и других учреждений культуры. Вместе с тем нерешенных проблем в области материально-технической базы культурно-просветительных учреждений оставалось немало, она не отвечала в полной мере возросшим потребностям и эстетическим запросам сельского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. - Махачкала, 1960. - С. 119, 129.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. - М., 1963. - С. 27.
3. Дагестан за 50 лет. Стат. сборник. - Махачкала, 1967. - С. 100, 101.
4. Материалы XXVII съезда КПСС. - М., 1986. - С. 162-163.
5. Программа КПСС. - М., 1967. - С. 131.
6. Государственный архив Республики Дагестан (далее - ГАРД). Ф.р-1252. Оп.6. Д.41. Л.25.
7. Народное хозяйство Дагестанской АССР в восьмой пятилетке (1965-1970 гг.). Стат. сб. Часть 2. - Махачкала, 1971. - С. 17.
8. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. сборник. - С. 169.
9. ГАРД. Ф.1п. Оп.131. Д.209. Л.30.
10. Дагестанская правда. 1964, 27 мая.
11. ГАРД. Ф.р-1252. Оп.11. Д.6. Л.17, 22.
12. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941-1977 гг. Сб. документов. - Махачкала, 1988. Т.2. - С. 310.
13. Дагестанская правда. 1972, 18 ноября.

14. Дагестанская правда. 1972, 22 июня.
15. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке. Стат. сборник. - С. 164.
16. Умалатов А.Д. Советы Дагестана в действии. - С. 123.

REFERENCES

1. 1.Soviet Dagestan for 40 years. Stat. Collector. Makhachkala, 1960. P. 119, 129.
2. 2.The results of the all-Union census of 1959 of the RSFSR. M., 1963. P.27.
3. 3.Dagestan for 50 years. Stat. Collector. Makhachkala, 1967. P. 100, 101.
4. 4.The materials of the XXVII Congress of the CPSU. M., 1986. P. 162-163.
5. 5.The program of the CPSU. M., 1967. P. 131.
6. 6.GUARDS'. F. R-1252. Op. 6. D. 41. L. 25.
7. 7.The national economy of the Dagestan ASSR in the eighth five-year period (1965-1970). Stat. Sat. Part 2. Makhachkala, 1971. P. 17.
8. 8.National economy of The Dagestan ASSR to the 50th anniversary of the USSR. Anniversary stat. collector. P. 169.
9. 9.GUARDS'. F. 1P. HUP. 131. D. 209. 30.
10. 10.Dagestan truth. 1964, may 27.
11. 11.GUARDS'. F. R-1252. Op. 11. D. 6. L. 17, 22.
12. 12.Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1941-1977 Sat. documents. Makhachkala, 1988. Vol.2. P. 310.
13. 13.Dagestan truth. 1972, November 18.
14. 14.Dagestan truth. 1972, June 22.
15. 15.The national economy of the Dagestan ASSR in the eleventh five-year period. Stat. collector. P. 164.
16. 16.Umalatov A. D. Advice of Dagestan in action. P. 123.

Информация об авторах:

Магомедов Магомед-Ганипа Гамидович, кандидат исторических наук, Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала, Россия
z.magomedova.11@mail.ru

Алибеков Магомед-Запир Магомед-Расулович, кандидат исторических наук, Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала, Россия

Даитмирзаев Сайгидахмед Абдурахманович, старший преподаватель АДК, Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала, Россия

Получена: 29.03.2018

Для цитирования: Магомедов М-Г. Г., Алибеков М-З. М-Р., Даитмирзаев С.А. Становление материально-технической базы культурно-просветительских учреждений в 60-70 гг.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.115-119.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-115-119.

Information about the authors:

Magomed-Ganipa Kh. Magomedov, Candidate of Historical Sciences, Dagestan state Institute of national economy, Makhachkala, Russia
z.magomedova.11@mail.ru

Magomed-Zapir M.-R. Alibekov, Candidate of Historical Sciences, Dagestan state Institute of national economy, Makhachkala, Russia

Saigidakhmed A. Daitmirzaev, Lecturer of the ADK, Dagestan state Institute of national economy, Makhachkala, Russia

Received: 29.03.2018

For citation: Magomedov M-G. Kh., Alibekov M.-Z. M.-R., Daitmirzaev S.A. Formation of material and technical base of cultural and educational institutions in 1960-1970 s.. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 115-119.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-115-119. (in Russ)

УДК 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-120-126

МУХА Виктория Николаевна
Кубанский государственный
технологический университет
г. Краснодар, Россия
v.mukha@bk.ru

Viktoria N. MUKHA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
v.mukha@bk.ru

МОЖАЕВА Елена Юрьевна
Кубанский государственный
технологический университет
г. Краснодар, Россия
elenamozhaeva@rambler.ru

Elena Yu. MOZHAEVA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
elenamozhaeva@rambler.ru

ЛЫСЕНКО Артем Иванович
Кубанский государственный
технологический университет
г. Краснодар, Россия
artemlysenko7@mail.ru

Artem I. LYSENKO
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
artemlysenko7@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ
ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ КУБГТУ)**

**PECULIARITIES OF FOREIGN STUDENTS
PRIMARY ADAPTATION IN RUSSIAN
UNIVERSITIES (ON EXAMPLE OF KUBSTU)**

Статья посвящена анализу процесса первичной адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде российского вуза. Обоснована актуальность данной проблемы в условиях интеграции российских вузов в международное образовательное пространство. Проведен анализ особенностей первичной адаптации, факторов, определяющих ее успешность, типов адаптационного поведения. Дана характеристика контингента подготовительного факультета для иностранных граждан Кубанского государственного технологического университета. Представлены результаты социологического исследования студентов подготовительного факультета для иностранных граждан Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ). На основе анализа результатов анкетного опроса определены мотивы выбора России в качестве страны обучения, основные трудности, связанные с включением в новую образовательную и социокультурную среду, дана характеристика взаимоотношений внутри студенческого сообщества, способы поддержания этнокультурной идентичности. Сделаны выводы, что основными трудностями первичной адаптации являются физиологические (привыкание к новой пище, климату), психологические (наличие культурной дистанции), социальные (языковой барьера, новые социальные роли и круг общения). Определено, что процесс первичной адаптации осуществляется успешно, о чем свидетельствует дружественный характер отношений иностранных студентов между собой и с российскими студентами, ощущение комфорта в новых условиях, сохранение этнокультурной идентичности.

The article analyzes the process of foreign students primary adaptation to new educational environment of the Russian university. The relevance of this problem in context of Russian universities integration into international educational process is substantiated. The analysis of primary adaptation peculiarities, its success factors and types of adaptation behavior is made. The preparatory faculty of Kuban State Technological University (KubSTU) contingent characteristics are described. The results of sociological research of students of preparatory faculty for foreign citizens in KubSTU are presented in the article. Based on the analysis of survey results, reasons for choosing Russia as a country for education admitting and the main difficulties associated with inclusion to a new educational and socio-cultural environment are described, the main characteristics of students relationships are presented, ways of ethnocultural identity maintenance are described. The conclusions that the main difficulties of primary adaptation are physiological (new food, climate), psychological (cultural distance), social (language barrier, new social roles and social circle) are made. The success of primary adaptation process is identified as a result of friendly relationships between foreign students and between foreign and Russian students, their feeling of comfort in new environment and maintenance of cultural identity.

Ключевые слова: образовательная среда, иностранные студенты, социальная адаптация, первичная адаптация, агенты адаптации

Keywords: educational environment, foreign students, social adaptation, primary adaptation, adaptation agents

Введение

Предоставление образовательных услуг гражданам иностранных государств - одно из ведущих направлений в сфере сближения образовательных систем и международного сотрудничества высших учебных заведений РФ. Такая практика позволяет решать широкий круг задач, в частности стратегическую задачу «укрепления авторитета Российской Федерации как страны-экспортера образовательных услуг, страны, имеющей опыт

инновационного ответа на научно-технические и технологические вызовы современности» [1, с. 42].

Интеграция российских вузов в международное образовательное пространство ведет к увеличению контингента иностранных студентов, которые испытывают определенные сложности в процессе адаптации, включающей в себя «приспособление к новым климатическим условиям, часовому поясу, освоение новой социокультурной среды, приспособление к новой системе образования, необходимости общения на новом языке, к новым традициям и особенностям взаимодействия субъектов и объектов образования» [2, с. 77]. Именно поэтому первоочередной задачей университета при обучении иностранных студентов является оказание им помощи в безболезненном вхождении в новое для них социальное и образовательное пространство.

Для прибывающего в Россию иностранного студента жизненно важным и профессионально определяющим становится скорость его адаптации к условиям проживания (скорее, вживания в новые условия) и образования, организации быта и личной жизни, то есть взаимодействие с окружающей социальной макро-, мезо- и микросредой. Особенно сложным и неоднозначным периодом являются первые месяцы нахождения иностранного студента в вузе.

Первичная адаптация должна не только обеспечить подготовку иностранцев к последующему обучению по избранной специальности, но и способствовать социальному и психологическому комфорту, сформировать коммуникативные компетенции, компетенции социального взаимодействия и др. В процессе первичной адаптации происходит усвоение основных норм студенческой жизни, интеграция в систему межличностных отношений, освоение статуса и ролей студента. Основными показателями успешной адаптации студента-первокурсника могут выступать: освоение навыков поиска информации и подготовки к практическим, лабораторным занятиям; способность ориентироваться в вузе; формирование устойчивых отношений с одноклассниками и однокурсниками; достижение чувства эмоциональной удовлетворенности и комфорта в студенческой группе и университете в целом; способность организовать самостоятельную работу.

В отношении иностранных студентов исследователи говорят о трех типичных вариантах адаптации: 1) иностранный студент полностью принимает традиции, обычаи, нормы и ценности новой социокультурной среды, которые постепенно подавляют первоначальные этнические черты; 2) новая социокультурная среда воспринимается частично, что проявляется в принятии «обязательных норм общества», но при этом основные этнические черты сохраняются посредством образования этнических групп; 3) происходит своеобразное обособление от культурных норм и ценностей, которые характерны для большинства представителей социального окружения [3, с. 150].

Процесс адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде и к российской действительности, в целом, сложен и многоаспектен. Иностранные студенты обучаются сегодня практически в любом российском вузе. В данной работе мы остановимся на опыте Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ).

В КубГТУ создан подготовительный факультет, на котором осуществляется подготовка иностранных граждан по русскому языку, а также по ряду дисциплин, необходимых для дальнейшей учебы: математика, химия, физика, биология, начертательная геометрия. Основными странами, из которых приезжают студенты подготовительного факультета, являются Ангола, Казахстан, Узбекистан, Сирия, Азербайджан, Туркмения, Йемен, Нигерия, Ирак. В небольшом количестве приезжают также студенты более удаленных от России стран, таких как Боливия.

Количество поступающих студентов на подготовительный факультет во многом зависит от складывающейся ситуации на мировой арене. Так, в период с 2011 по 2016 г. количество студентов варьировалось от 60 до 100 человек, при этом наибольшее их количество отмечалось в 2014 г., тогда как в 2012 г. по сравнению с 2011 г. наблюдалось снижение количества обучающихся на 20%. В 2015 г. также наблюдалось снижение количества обучающихся на 25%. Однако с 2016 г. наблюдается увеличение количества студен-

тов на подготовительном факультете. Так, увеличение их количества в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составило 17%, а в 2017 г. по сравнению с 2016 г. - 35%.

Для определения особенностей социально-психологической, культурной и бытовой адаптации иностранных студентов КубГТУ на первом этапе обучения в новой образовательной и социокультурной среде было проведено социологическое исследование. Использовался метод анкетного опроса, анкета была переведена на языки респондентов (английский и арабский), опрошено 60 человек - слушателей подготовительного отделения, которые только приехали на обучение и ко времени опроса проживали в течение одного-двух месяцев в студенческом общежитии.

Результаты исследования и обсуждение

Выбор страны обучения - важный этап в образовательной траектории студента, решившего получать образование в другой стране. Как правило, это не сиюминутное решение, а продуманный выбор, учитывающий и культурную дистанцию, и качество образования, и его стоимость, и социально-политическую обстановку страны, и многое другое. По результатам опроса основными причинами, повлиявшими на выбор именно России как страны обучения, выступают: качество образования (66%), опыт знакомых, которые уже получили образование в этой стране (35%). Равное количество опрошенных (11,7%) выбрали Россию по совету родителей или из интереса к стране как таковой, и лишь 8,3% респондентов решили учиться в России из-за низкой цены на образовательные услуги (см. табл. 1).

Таблица 1. Причины выбора России в качестве страны обучения, %

Table 1. Reasons of choosing Russia as a country for admitting education, %

Причины	Процент опрошенных
Здесь можно получить хорошее образование	66,7
Посоветовали знакомые, друзья, которые раньше учились в России	35,0
Посоветовали родители	11,7
Самому было интересно побывать в России	11,7
Учиться здесь намного дешевле, чем в других странах	8,3
Другое	6,7

Источник: составлено авторами научной статьи.

Source: completed by the authors of the scientific article.

Таким образом, обучение в России привлекательно для иностранных студентов прежде всего качеством образования, что подтверждается и тем фактом, что уже окончившие российский вуз иностранцы советуют своим знакомым учиться именно в России. Вопрос стоимости обучения не попал в разряд определяющих факторов для большинства респондентов.

В процессе адаптации иностранным студентам приходится сталкиваться с целым рядом проблем. Как показали результаты проведенного анкетирования, труднее всего привыкнуть к новому языку общения (56,7%) и к другим климатическим условиям (43,3%). Для 20% опрошенных нелегко дается отсутствие рядом родственников и друзей, 8,3% отмечают трудности привыкания к условиям проживания, и 5% - к особенностям русской кухни. Как видим, на этапе первичной адаптации прежде всего возникли сложности с коммуникацией, так как большинство прибывших студентов почти не знают русского языка, а общаться с местными жителями получается только по-русски.

Языковая компетентность является существенным фактором успешности адаптации и выступает базой для формирования других социально значимых компетенций, определяет интеллектуальное и социально-культурное развитие личности студента. Как показали результаты опроса, для половины иностранных студентов (51,7%) языковые

трудности актуальны, поскольку, приехав в Россию, они вообще не могли говорить по-русски, и только 5% могут читать и писать на русском языке (см. табл. 2)

Таблица 2. Уровень владения русским языком, %
Table 2. Level of Russian language proficiency, %

Знание русского языка	Процент опрошенных
Вообще не знал	51,7
Знал очень плохо, мог говорить с трудом	40,0
Мог читать и писать на русском	5,0
Другое	3,3
Итого	100

Источник: составлено авторами научной статьи.

Source: completed by the authors of the scientific article.

Таким образом, формирование языковой компетентности должно стать одним из результатов первичной адаптации, поскольку это способствует снятию языкового барьера, налаживанию отношений с российскими студентами и преподавателями.

От знания языка зависит и возможность коммуникации как с местными жителями, так и с другими иностранными студентами. Характер и направленность коммуникации иностранных студентов может свидетельствовать об успешности их включения в новую среду. Так, по мере адаптации к российским условиям студенты могут переходить от взаимодействия лишь с членами своей группы (земляки, другие иностранные студенты) к взаимодействию с российскими студентами. Это происходит не сразу, так как личности приходится преодолевать различные барьеры, связанные с языковыми, социальными, этнокультурными и другими различиями.

Таблица 3. Круг общения иностранных студентов, %
Table 3. Social circle of foreign students, %

Круг общения	Процент опрошенных
С иностранными студентами	50,0
Студентами из своей страны	33,3
С российскими студентами	10,0
Другое	6,7
Итого	100,0

Источник: составлено авторами научной статьи.

Source: completed by the authors of the scientific article.

Так, согласно данным анкетирования (см. табл. 3), половина опрошенных общается в основном с другими иностранными студентами, треть - только со студентами из своей страны и лишь 10% - с российскими студентами. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что опрос проводился в первые месяцы пребывания иностранных граждан в вузе и, как было отмечено выше, большая часть из них не владела русским языком. Как видим, на этапе первичной адаптации языковые трудности определяют и относительную замкнутость сообщества иностранных студентов.

Трудности в коммуникациях, иная социокультурная среда, новые правила и модели поведения могут выступать факторами, способствующими возникновению напряженных отношений среди обучающихся. Характеризуя отношения, которые сложились с другими иностранными и российскими студентами (см. табл. 4), респонденты отмечали, что с другими иностранными студентами у них сложились преимущественно дружеские отношения, тогда как в отношении российских студентов определенная часть опрошенных

(23,3%) сохраняет нейтралитет. Наличие напряженных отношений практически не было отмечено респондентами. Иностранные студенты проживают в отдельном общежитии, что способствует формированию более тесных взаимоотношений, тогда как с российскими студентами иностранцы общаются преимущественно во время учебных занятий и университетских мероприятий.

Таблица 4. Характер отношений с другими студентами, %

Table 4. Characteristics of relationships with other students, %

Характер отношений	Отношения с иностранными студентами	Отношения с российскими студентами
Дружественные	90,0	71,7
Нейтральные	8,3	26,6
Напряженные	1,7	1,7
Итого	100	100

Источник: составлено авторами научной статьи.

Source: completed by the authors of the scientific article.

Кроме того, такие оценки взаимоотношений объясняются и малым сроком пребывания иностранных студентов в России, и наличием языковых барьеров. Тем не менее нужно отметить, что отсутствие напряженности в отношениях говорит о перспективе успешной интеграции иностранных студентов в среду российского вуза.

Немаловажную роль на этапе первичной адаптации играют и так называемые агенты адаптации, в качестве которых могут выступать как соотечественники и друзья, так и преподаватели, и администрация университета. Агенты адаптации помогают в преодолении различного рода трудностей, в освоении новых социальных ролей, предоставляют информацию о новой социокультурной среде и т.п. В решении проблем различного рода большинству опрошенных помогают друзья (45%), на помощь преподавателей могут рассчитывать 26,7%, обращаются к землякам 25%, к руководству университета 25%, 13% решают проблемы сами, 10% прибегают к помощи одногруппников, и только 5% решают проблемы с помощью сотрудников деканата подготовительного факультета для иностранных граждан. Таким образом, на данном этапе адаптации большинство иностранных студентов определяют друзей как основную группу поддержки. И именно на этом этапе формируются доверительные отношения с другими студентами, профессорско-преподавательским составом, сотрудниками администрации и деканата.

Погружение в новую образовательную и социокультурную среду проходит относительно безболезненно, если у иностранного студента сохраняется возможность поддерживать свою этнокультурную идентичность. Большинство опрошенных (45%) продолжают соблюдать свои национальные традиции в России, иногда это делают 26% опрошенных, редко - 18,3%, отказались от своих традиций 10% респондентов. Также 25% респондентов продолжают носить свою национальную одежду, отказались от нее также 25%, а 50% носят национальную одежду периодически. Говорят на родном языке в общественных местах 75% опрошенных. Кроме того, в университете проводится Праздник национальных культур, организовываются культурные мероприятия.

Одним из индикаторов реализации процесса адаптации выступает субъективное ощущение - «чувствую себя как дома». Несмотря на то, что студенты, участвующие в опросе, только несколько месяцев назад приехали в чужую страну, часть из них (40%) отметили, что иногда чувствуют себя в России как дома, 21,7% опрошенных испытывают такое чувство часто, 20% - редко, 18,3% опрошенных никогда такого ощущения не испытывали. В целом, можно отметить, что процесс первичной адаптации иностранных студентов в КубГТУ, несмотря на наличие коммуникативных, бытовых трудностей, проходит успешно.

Заключение

Проведенное исследование процесса первичной адаптации иностранных студентов КубГТУ показало, что большинство опрошенных осознанно подошли к выбору страны общения, ориентируясь на качество образования и рекомендации получивших образование соотечественников. Основными трудностями первичной адаптации являются физиологические (привыкание к новой пище, климату), психологические (наличие культурной дистанции), социальные (языковой барьер, новые социальные роли и круг общения). В целом, процесс первичной адаптации осуществляется успешно, о чем свидетельствуют дружественный характер отношений иностранных студентов между собой и с российскими студентами, ощущение комфорта в новых условиях, сохранение этнокультурной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Быкова Т.Л. Особенности социальной и профессиональной адаптации иностранного студента к российским условиям образования // Сибирский педагогический журнал. - 2008. - № 11. - С. 42-56.
2. Коренева Е.Н., Киреева Н.В. Развитие коммуникативной активности иностранных студентов в процессе их адаптации к иноязычной социокультурной среде // Альманах современной науки и образования. - 2012. - № 8 (63). - С. 76-78.
3. Тихонова Е.Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона [Электронный ресурс] // Регионология. - 2010. - № 2. - URL: <https://regionsar.ru/ru/node/507> (дата обращения: 25.03.2018).

REFERENCES

1. Bykova T.L. Osobennosti sotsial'noy i professional'noy adaptatsii inostrannogo studenta k rossiyskim usloviyam obrazovaniya. [Features of social and professional adaptation of a foreign student to the Russian conditions of education]. Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal = Siberian Pedagogical Journal 2008. No11. Pp. 42-56. (In Russ.).
2. Koreneva E.N., Kireeva N.V. Razvitie kommunikativnoy aktivnosti inostrannykh studentov v protsesse ikh adaptatsii k inoyazychnoy sotsiokul'turnoy srede. [The development of communicative activity of foreign students in the process of their adaptation to a foreign socio-cultural environment]. Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education. 2012. No 8 (63). Pp. 76-78. (In Russ.).
3. Tikhonova E.G. Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov v vuze regiona [Peculiarities of adaptation of foreign students in the university of the region]. Regionologiya = Regionology. 2010. No 2. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/507> (accessed 25 March 2018). (In Russ.).

Информация об авторах:

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая лабораторией «Центр социологических исследований», кафедра социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия
v.mukha@bk.ru

Можжаева Елена Юрьевна, кандидат технических наук, доцент, декан подготовительного факультета для иностранных граждан, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия
elenamozhaeva@rambler.ru

Information about the authors:

Viktoria N. Mukha, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory «Center for Sociological Research», Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
v.mukha@bk.ru

Elena Yu. Mozhaeva, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Preparatory Department of Foreign Citizens, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
elenamozhaeva@rambler.ru

Лысенко Артем Иванович, лаборант-исследователь, кафедра социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия
artemlysenko7@mail.ru

Artem I. Lysenko, Laboratory Assistant-Researcher, Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
artemlysenko7@mail.ru

Получена: 01.04.2018

Received: 01.04.2018

Для цитирования: Муха В.Н., Можаяева Е.Ю., Лысенко А.И. Особенности первичной адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере КУБГТУ). Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.120-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-120-126.

For citation: Mukha V.N., Mozhaeva E.Yu., Lysenko A.I. Peculiarities of foreign students primary adaptation in russian universities (on example of KUBSTU). Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 120-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-120-126. (in Russ)

УДК 316.35

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132

ОЗЕРОВА Карина Адгамовна
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
Karina-usm@yandex.ru

Karina A. OZEROVA
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
Karina-usm@yandex.ru

**НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И «ИЗОБРЕТЕНИЕ»
ТРАДИЦИЙ**

**VOLGA BULGARIA HERITAGE AND REGIONAL
IDENTITY: THE POLITICS OF MEMORY AND THE
“INVENTION” OF TRADITION**

Объект анализа в данной статье - социальная память о региональном прошлом. Социальная память определяется с использованием конструктивистского подхода. Фокус внимания сосредоточен на особенностях конструирования региональной идентичности через общую память об историческом прошлом. Для анализа дискурсов и нарративов о региональном прошлом применен подход Я. Ассмана, предполагающий выделение двух уровней социальной памяти - культурного (все объективированные и институционализированные формы) и коммуникативного (передача образов и оценок прошлого при непосредственной интеракции индивидов). В рамках исследования социальной памяти как поля репрезентаций образов прошлого и актуализации региональной идентичности было проведено авторское социологическое исследование сферы памяти о болгарской версии прошлого Республики Татарстан. Данный кейс выбран по причине многообразия форм актуализации прошлого в рамках обращения к периоду Волжской Булгарии. Сделан вывод о том, что в общей направленности политики памяти региональных элит создание и транслирование определенного образа прошлого на основе обращения к древней истории региона позволяет сконструировать этнополитический миф о сильном предке с развитой культурой и экономикой и транслировать положительные характеристики предка на современных жителей региона и их идентичность.

The object of the analysis in this article is the social memory of the regional past. Social memory is defined using a constructivist approach. The focus is on the design features of the regional identity through the common memory of the historical past. As part of the study of social memory as a field of representation of images of the past and the actualization of regional identity, the author's sociological study of the sphere of memory of the Bulgarian version of the past of the Republic of Tatarstan was conducted. It is concluded that, in the general direction of the policy of memory of the regional elites, the creation and broadcasting of a certain image of the past based on the appeal to the ancient past allows to construct an ethno-political myth about a strong ancestor with a developed culture and economy and to broadcast the positive characteristics of the ancestor to modern inhabitants of the region and their identity.

Ключевые слова: социальная память, культурная память, политика памяти, региональная идентичность, Волжская Булгария, Республика Татарстан

Keywords: social memory, cultural memory, memory policy, regional identity, Volga Bulgaria, Republic of Tatarstan

Социальная память является одним из ключевых элементов, определяющих не только настоящее состояние общества, но и активно формирующих его будущее. Она может способствовать ускорению одних социальных, политических и культурных процессов и практик, легитимируя и обосновывая их, или, напротив, пресекать и блокировать другие. Знание подобных механизмов воздействия социальной памяти на общество, конкретные социальные группы и отдельного индивида позволяет глубже понимать многомерную социальную реальность, специфику межэтнических и межконфессиональных отношений. Особенно это значимо для многонационального и поликультурного пространства Российской Федерации. Конструктивистский подход к пониманию феномена социальной памяти позволяет рассмотреть прошлое не как набор объективно существовавших событий, а как некоторый нарратив, репрезентацию истории, социальную конструкцию, которую каждое общество создает и транслирует (через учебники, фильмы, телевизионные программы и так далее). Социальная память в таком случае существует в виде

текстов «мест памяти» [1, с. 20] и практик коммеморации (например, национальных праздников, памятных шествий и т.д.).

Социальная память о региональном прошлом - объект анализа в данной статье. Предметом же является конструирование региональной идентичности через общую память об историческом прошлом. В качестве эмпирического кейса выбрана социальная память о болгарском периоде истории Татарстана. Республика Татарстан сегодня позиционирует себя как один из лидеров среди регионов Российской Федерации, а также в качестве центра татарской культуры и мирного ислама в России. В том, что Татарстан продолжает восприниматься и презентовать себя именно как особенный регион с культурной, социальной и экономической точки зрения, важную роль играет определенная политика памяти, которая заключается во внимании к историческому прошлому региона через призму религии, туризма и имиджа региона.

Под политикой памяти понимается процесс, который инициирован рядом социальных акторов (таких как государство, общественные организации и движения, деятели культуры и искусства, ученые и т.д.), которые имеют доступ к определенному диапазону ресурсов и способны их мобилизовать для достижения своих целей. Политика памяти привязана не к актору, а к определенному периоду исторического прошлого (его образу и интерпретации значения для настоящего). Поэтому в рамках памяти об одном и том же периоде могут одновременно работать несколько социальных акторов и распространяться различные, даже противоположные образы прошлого. Таким образом, политику памяти эффективнее всего рассматривать как кейс относительно определенного периода. При этом она всегда направлена не просто на создание представлений о прошлом, а на использование образа прошлого для оценки явлений настоящего и (или) побуждения к социальной активности. Так, например, обращение к прошлому происходит для актуализации различного рода идентичностей в настоящем.

Кейс же политики памяти о болгарском периоде истории территории современного Татарстана интересен тем, что, несмотря на непрекращающиеся споры общественных деятелей, историков и журналистов, находит политическую поддержку и при этом выражен во множестве форм.

В рамках исследования социальной памяти как поля репрезентаций образов прошлого и актуализации региональной идентичности было проведено авторское социологическое исследование сферы памяти о болгарской версии прошлого Республики Татарстан. Эмпирической базой исследования выступили, во-первых, официальные документы регионального уровня, утверждающие создание отдельных организаций (фондов, музеев, исследовательских подразделений), проведение мероприятий связанных с историческим прошлым Республики Татарстан; во-вторых, публикации региональных СМИ и данные официальных порталов Республики Татарстан в сети Интернет; в-третьих, результаты собственного эмпирического исследования (экспертные интервью со специалистами, участвующими в процессах конструирования и трансляции образов прошлого Республики Татарстан, такими как: профессиональные историки, археологи, экскурсоводы, работники музеев, преподаватели и учителя истории Татарстана, краеведы, представители министерства культуры и туризма республики, представители общественно-политических движений и организаций, деятели культуры и искусства, всего 36 респондентов). Сбор эмпирических данных охватывает период с сентября 2014 г. по март 2017 г.

Для анализа процесса создания «болгарских» элементов региональной идентичности в данной работе также использованы идеи, изложенные в работе Э. Хобсбаума «Изобретение традиций» [2, с. 36]. Можно предположить, что в общей направленности политики памяти региональных элит создание и транслирование определенного образа прошлого связано с процессом изобретения как новых граней идентичности сообщества, подвергающегося такой политике, так и поиском основы, позволяющей обосновать политические и экономические позиции региона [2, с. 50]. С точки зрения Хобсбаума, любая традиция, так или иначе, сконструирована и служит определенной цели. Таким же конструктом, создающимся в рамках политики памяти, является конструирование различного рода идентичностей. В самом общем виде можно говорить о связи истории, памяти,

этнической, региональной и национальной идентификации и политики памяти. Каждая группа людей создает свою память о собственном прошлом - память, которая подчеркивает ее особенности и отличает от других [3, с. 156]. Социальная память является тем, что объединяет группу, при этом она сама - это не просто сумма индивидуальных воспоминаний, это нечто, что разделяется большинством членов группы. Социальная память не только определяет отношение к прошлому, но и отчасти определяет то, как группа видит свое будущее. Это «выражение коллективного опыта: социальная память идентифицирует группу, придает смысл ее прошлому и определяет ее надежды на будущее» [4, с. 25].

Исследовательский фокус в данной работе сосредоточен на политике памяти о Волжской Булгарии, в рамках которой происходит создание и трансляция образов, репрезентирующих историческое прошлое Республики Татарстан и этнической группы татар. Эту политику, несомненно, следует анализировать, прежде всего рассматривая культурную память (создаваемые тексты, события, места памяти и т.д.), так как политика памяти конструирует в первую очередь ее. Другой уровень социальной памяти - коммуникативный (уровень передачи представлений о прошлом через непосредственное взаимодействие), в свою очередь, во многом определяется содержанием культурной памяти.

Культурная память специально учреждается и искусственно формируется, создаются особые институты, позволяющие ее создать, сохранить и транслировать [5, с. 134]. Если мы анализируем память о болгарских предках татар, то произведения культуры, репрезентирующие этот период пошлого, специализированные республиканские интернет-порталы о Волжской Булгарии, особые главы в учебниках истории, поддержка археологических работ именно на болгарских памятниках, работа по созданию туристических маршрутов по «болгарским местам», создание музеев и заповедников как раз и являются такими созданными элементами. Как изобретенные «традиции», следуя логике Э. Хобсбаума, можно рассмотреть и политику элит Татарстана, направленную на создание образов и смыслов, связанных с болгарским прошлым региона, которая актуализирует и интерпретирует болгарское историческое прошлое и закрепляет их. Согласно Э. Хобсбауму, политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимирующую их политические цели и господство, новые традиции и ритуалы произвольно конструируются в соответствии с текущими политическими реалиями и потребностями. А историческая память становится тождественна политической идеологии [2, с. 68].

Однако данный подход не отвечает на вопрос, насколько свободны творцы новых традиций. Как было упомянуто выше, любая конструкция памяти не воспринимается в чистом виде, она преломляется в зависимости от того, на какую почву попадает. Относительно нашего кейса этот вывод можно использовать при анализе реакции на создаваемые в рамках политики памяти образы и символы со стороны рядовых членов группы, а также различных групп профессионалов и экспертов. Учитывая, что в создании любых таких культурных произведений о прошлом участвует не только политическая, но и культурная элита региона, вопрос о совпадении интерпретаций прошлого у тех, кто создает культурные образцы, и тех, кто имеет политическое влияние, остается открытым. Так, Д. Олик отмечает, что за содержание коллективной памяти ведется борьба в различных полях [6, с. 47].

Всегда ли репрезентация образа прошлого Татарстана как именно болгарского прошлого и наделение всего болгарского флером благополучия и развитости является отражением политического заказа или, напротив, является результатом творческих поисков части культурных элит и общественности? Насколько эти группы влияют друг на друга? Ответы на эти вопросы во многом помогли бы раскрыть содержание стратегий разных акторов политики памяти и того, как они соотносятся и дополняют друг друга. Многие исследователи, такие как М. Фуко и Б. Шварц, отмечают, что возможности манипуляции образами прошлого часто структурно ограничены, иногда они даже сталкиваются с «контр-памятью» - альтернативными версиями исторических событий [7, с. 65]. Мы можем говорить о существовании определенной политики в отношении памяти, проводимой культурной и политической элитой региона, нацеленной на конструирование

особой групповой идентичности татар и татарстанцев через обращение к образу благополучного и развитого Булгарского прошлого.

Обоснование значимости региона в связи с богатым историческим наследием напрямую связано с тем, кого именно считать предками жителей региона в целом, а также этнической группы татар в частности. По сведениям археологов, на территории современного Татарстана можно найти древнейшие памятники, относящиеся к финно-угорской, славянской, тюркской и другим культурам, которые, так или иначе, оставили свой след в различные исторические периоды [8, с. 50]. Официально древнейшая история современной территории Татарстана связывается с тремя периодами - Волжской Булгарией, Золотой Ордой и Казанским Ханством [9]. Однако стоит отметить, что дискуссия о происхождении и предках современных татар актуальна и сегодня. В. Шнирельман, развивая собственную идею этнополитических мифов о происхождении этносов в своем исследовании (на примере татар), отмечает возможность существования нескольких мифов о предках даже для одной этнической группы [10, с. 135]. Условно можно говорить о наличии «татаристов» и «булгаристов», которые придерживаются разных точек зрения о предках современных татар.

К середине 2000-х происходит изменение цели «поиска» предка этнической группы татар: если в конце XX в. история Волжской Булгарии была источником обоснования большего политического суверенитета республики, то сегодня она используется в большей степени для утверждения особого положения Татарстана как центра исламской культуры в Российской Федерации и традиций мирного сосуществования различных культур. Значимость исторического прошлого возрастает уже с точки зрения создания «бренда» Татарстана и тех выгод, которые республике и ее населению может принести богатое историческое наследие (в сфере туризма и межкультурных отношений). Булгарская версия прошлого региона находит также большую политическую поддержку. Несмотря на то, что она не становится единственной и доминирующей, мероприятия, памятники, заповедники, музеи и даже оперы, связанные именно с булгарской историей региона, становятся значимой частью репрезентации культурного наследия Татарстана. Причем и на уровне официальных источников, и на уровне СМИ, и даже в системе образования (его регионального компонента). Вокруг «булгарских» памятников активно развиваются инфраструктура и туристические практики, булгарские архитектурные памятники попадают в программу поддержки в рамках специально созданного фонда, именно на этот период обращают значительное внимание деятели культуры - происходит создание все новых и новых смыслов и значений относительно памяти о Волжской Булгарии и оценок влияния булгар на современных татар и татарстанцев в целом.

Именно это многообразие форм и путей актуализации булгарского прошлого Татарстана, захватывающих этническую и региональную идентичность жителей региона, практики институционализации в сфере культуры и науки, а также сферу туризма и религиозной жизни, делают память о Волжской Булгарии в Татарстане тем кейсом, который позволят исследовать многообразие практик различных социальных агентов относительно конструирования образа прошлого и его актуализации в связи с региональной политикой, культурой и туристической экономикой настоящего.

Риторике властей, акцентирующую культурные и туристические преимущества булгарского наследия, можно связать и с желанием меньше обращать внимание на память о периоде завоевания Казани Иваном Грозным, которая косвенно, но поднимает тему вражды предков двух основных этнических групп республики - татар и русских. Булгарское же наследие не несет в себе отсылок к каким-либо конфликтам. Однако представителями академического сообщества татарстанских историков внимание только к булгарскому периоду оценивается как опасный тренд «замалчивания» достижений таких периодов, как Золотая Орда и Казанское Ханство, вызывает рост в пространстве социальной памяти нарративов, обратных утверждению значимости Волжской Булгарии для «идентичности региона». Пространство социальной памяти о Волжской Булгарии усложняется, появляются новые смыслы и интерпретации значения этого периода.

Актеры политики памяти могут проявлять различные виды активности в рамках политики памяти в зависимости от того социального поля, в рамках которого они действуют, и тех каналов, к которым обращаются. Представление о прошлом татар как о болгарском прошлом, а также утверждение и доказательство его высокой ценности для татар и татарстанцев сегодня происходит через несколько каналов, таких как публичные высказывания и интервью политических лидеров республики, учебники и образовательные программы, музеи и памятники, информационные сайты и порталы, СМИ, культура и национальная музыка.

Прошлое припоминается и конструируется так, как это в данном случае наиболее соответствует групповым потребностям [3, с. 234]. Этот процесс можно назвать также актуализацией прошлого. Политика памяти, конструирующая определенные представления об истории, - это то, что создает и поддерживает представления о границах и особенностях определенных этнических групп и региона в целом. Изучение того, кто, как и с какими целями создает культурные образцы, конструирующие определенные образы истории и влияющие на чувство групповой сплоченности и идентичности, - актуальная тема для исследования, которая может дать новую информацию относительно динамики межэтнических отношений в регионе, а также механизмов и направленности формирования этнической идентичности в республике сегодня, как и о механизмах конструирования региональной идентичности через обращение к историческому прошлому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Франция-память. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. - С. 17-50.
2. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition / ed. Hobsbawm E. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000. - 320 p.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с франц. и вступ. статья С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
4. Fentress J., Wickham Ch. Social Memory. - Oxford: Blackwell Publishers, 1992. - 245 p.
5. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
6. Олик Дж. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, демонстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. Т.1. - М.: Центр фундаментальной социологии ГУ ВШЭ, 2012. - С. 40-74.
7. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. - М.: Новый хронограф: Эйдос. - Т.6: Культурное наследие: От прошлого к будущему, 2009. - С. 65-66.
8. Археологические памятники Татарской АССР. - Казань, 1987, с. 198-205.
9. Официальный Татарстан. История, культура, религия. - URL: <http://tatarstan.ru/about/state.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
10. Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. - 1998. - № 1-2. - С. 131-152.

REFERENCES

1. Nora P. Problematika mest pamyati. [The Problems of Places of Memory]. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Frantsiya-pamyat = France-memory '. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.pp. 17-50 (In Russ).
2. Hobsbawm E., Ranger T The Invention of Tradition. ed. Hobsbawm Eric/ Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p. (In English).
3. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social Frameworks of Memory]. per. s frants. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ).
4. Fentress J., Wickham Ch. Social Memory. Oxford. Blackwell Publishers, 1992. 245 p. (In English).
5. Assman Yan. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of The Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. M.: Slavic Languages, 2004. 368 p. (In Russ).

- tity in The High Cultures of Antiquity]. Per. s nem. M. M. Sokol'skoy. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury =Languages of Slavic Culture , 2004. 368 p. (In Russ).
6. Olik Dzh. Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, demonstriruemaya na primere Germanii. [Memory Shapes: a Process-Relational Methodology, Demonstrated by The Example of Germany]. Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review T.1. M.: Tsentr fundamental'noy sotsiologii GU VShE, 2012. pp.40-74 (In Russ).
 7. Vasil'ev A. Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya [Memorialization and Oblivion as Mechanisms for The Production of Cultural Unity and Diversity]. Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa = Fundamental problems of Culturology: proceedings Of the Congress. Otv. red. D.L. Spivak. M.: Novyy khronograf: Eydos. T.6: Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu. 2009,p. 65-66 (In Russ).
 8. Arkheologicheskie pamyatniki Tatarskoy ASSR. [Archaeological monuments of the Tatar ASSR]. Kazan', 1987, p. 198-205 (In Russ).
 9. Ofitsial'nyy Tatarstan. Istoriya , kul'tura, religiya. [Official Tatarstan. History, culture, religion]. <http://tatarstan.ru/about/state.htm> (20.01.2018). (In Russ).
 10. Shnirel'man V.A. Ot konfessional'nogo s etnicheskomu: bulgarskaya ideya v natsional'nom samosoznanii kazanskikh tatar v XX veke. [From confessional to ethnic: Bulgarian idea in the national consciousness of the Kazan Tatars in the twentieth century]. Vestnik Evrazii = Acta Eurasica №1-2. M.: 1998. - S.131-152 (In Russ).

Информация об авторе:

Озерова Карина Адгамовна, ассистент, кафедра общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Karina-usm@yandex.ru

Получена: 26.03.2018

Для цитирования: Озерова К.А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.127-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132.

Information about the author:

Karina A. Ozerova, Assistant, Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Karina-usm@yandex.ru

Received: 26.03.2018

For citation: Ozerova K.A.Volga Bulgaria heritage and regional identity: the politics of memory and the "invention" of tradition. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 127-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132. (in Russ)

УДК 314

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-133-147

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России)
г. Москва, Россия
iokunev@mgimo.ru

Igor Yu. OKUNEV
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
Moscow, Russia
okunev_igor@yahoo.com

ТИСЛЕНКО Мария Игоревна

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России)
г. Москва, Россия

Maria I. TISLENKO
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
Moscow, Russia

БИБИНА Эмма Сергеевна

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России)
г. Москва, Россия

Emma S. BIBINA
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
Moscow, Russia

ОЦЕНКИ ПОСЛЕДСТВИЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

EVALUATIONS OF THE CONSEQUENCES OF THE CONNECTION OF PERM REGION AND KOMI- PERMYAK AUTONOMOUS DISTRICT

Одним из последних административно-территориальных преобразований стало объединение регионов России в начале 2000-х годов, в результате которого был образован Пермский край посредством присоединения Коми-Пермяцкого автономного округа к Пермской области. Приоритетной задачей данной реформы должно было стать ускоренное развитие автономного округа при помощи экономически более сильного соседа, однако по прошествии более 10 лет со дня слияния субъектов оценки последствий данной реформы остаются неоднозначными. Материалом исследования послужил корпус релевантных текстов из федеральных и региональных СМИ, а также журналистских блогов, содержащих оценочные высказывания политиков и чиновников, общественных деятелей и представителей НКО, а также простых жителей бывших Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области. Методологическую основу исследования составила критическая геополитика с использованием методов контент- и дискурс-анализа. Исследование показало, что многие задачи, которые были поставлены перед объединением двух субъектов, оказались не в полной мере выполнены и остаются слою общества, отрицательно относящиеся к последствиям данного преобразования, хотя ранее преимущественно поддерживали его. Одной из возможных причин этого можно считать недостаточное внимание новых властей к формированию единой идентичности новой территориальной общности, успешно интегрирующей этнические компоненты автономного округа. При любых изменениях, связанных с территориальным устройством национальных округов, необходимо обращать вни-

One of the last administrative and territorial transformations was the unification of the regions of Russia in the early 2000s, as a result of which the Perm Krai was formed through the accession of the Komi-Permyak Autonomous District to the Perm Region. The priority task of this reform was to accelerate the development of the Autonomous District with the help of an economically stronger neighbor, but after more than 10 years from the date of the merger, the assessment of the consequences of this reform remains ambiguous. The material of the study was the corpus of relevant texts from federal and regional media, as well as journalistic blogs containing appraisal statements by politicians and officials, public figures and representatives of NGOs, as well as ordinary residents of the former Komi-Permyak Autonomous District and the Perm Region. The methodological basis of the study was critical geopolitics using the content and discourse analysis methods. The study showed that many of the tasks that have been put before the merger of the two entities have not been fully implemented and there are layers of society that are negatively related to the consequences of this transformation, although previously they mostly supported it. One of the possible reasons for this can be considered the insufficient attention of the new authorities to the formation of a unified identity of a new territorial community that successfully integrates the ethnic components of the Autonomous District. With any changes related to the territorial organization of national districts, it is necessary to pay attention not only to the economic and administrative side of the transformation, but

мание не только на экономическую и административную сторону преобразования, но и на культурные и пространственно-идентичностные компоненты. Если не брать в расчет эти факторы, то власти рискуют не только ухудшением качества жизни людей в данном регионе, но и созданием почвы для этнических конфликтов.

also to cultural and spatial-identity components. If these factors are not taken into account, then the authorities risk not only deteriorating the quality of life of people in this region, but also creating the ground for ethnic conflicts.

Ключевые слова: федеративная реформа, Коми-Пермяцкий автономный округ, Пермская область, Пермский край, коми-пермяки, территориальная идентичность, критическая геополитика

Keywords: federative reform, Komi-Permyak Autonomous District, Perm Region, Perm Krai, Komi-Permyaks, territorial identity, critical geopolitics

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 17-78-10053 «Трансформация территориальной идентичности в присоединенных автономных округах России (сравнительный анализ на основе полевых исследований)». Вклад авторов: Окунев И.Ю. - разработка теоретико-методологической рамки исследования, постановка гипотезы и выработка общих выводов на основе анализа материалов; Тисленко М.И. - сбор и дискурс-анализ релевантных текстов; Бибина Э.С. - исторический обзор статуса региона, сбор и контент-анализ релевантных текстов.

Acknowledgement. The publication was prepared as part of the implementation of the grant of the Russian Science Foundation No. 17-78-10053 "Transformation of Territorial Identity in the Affiliated Autonomous Areas of Russia (Comparative Analysis Based on Field Research)". Contribution of co-authors: Okunev I.Yu. - development of the theoretical and methodological framework for research, hypothesis formulation and development of general conclusions based on the analysis of materials; Tislenko M.I. - collection and discourse analysis of relevant texts; Bibina E.S. - historical overview of the status of the region, collection and content analysis of relevant texts.

В современной политологии существенное развитие получили исследования региональной идентичности и межрегионального взаимодействия, что особенно актуально для политической науки в федеративных государствах. Актуальность исследований региональных политических процессов вызвана усиливающимся мировым трендом регионализации, протекающим параллельно глобализации. Одной из центральных проблем современной политической науки также является изучение различных аспектов федерализма, федеративных отношений. Данное исследование направлено на выявление особенностей прохождения процессов централизации и децентрализации, особенностей российской федеративной модели, идентичности отдельных регионов, факторов, влияющих на формирование и устойчивость подобной идентичности, а также позволит сформулировать модели взаимодействия с регионами, утратившими свою субъектность, как в рамках межрегиональной интеракции, так и отношений «центр - регионы».

Так, управление нашей необъятной страной было бы весьма затруднительно без принципов федерализма. Административная карта России не раз подвергалась изменениям в целях достижения наиболее эффективной схемы отношений «центр - регионы». Последней крупной перекройкой границ российских субъектов стала реформа административно-территориального деления, проведенная в 2000-х годах. В результате нее произошло укрупнение следующих краев и областей: создание Пермского края путем сложения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, объединение Красноярского края и Таймырского (Долгано-Ненецкого), и Эвенкийского АО в Красноярский край; создание Камчатского края путем соединения Камчатской области и Корякского АО, объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского АО в Иркутскую область и создание Забайкальского края из Читинской области и Агинского Бурятского АО. В данной статье анализируются «пионер» указанных преобразований - Пермский край.

Роль территориальной идентичности и взаимоотношений «центр - периферия» является одной из ключевых тем политической географии. Современные представления об идентичности в политологии, общественной географии и других социальных науках базируются на единстве и тесном взаимопроникновении экономики, социальной сферы и культуры. Именно поэтому понятия об идентичности и ее региональной разновидности становятся центральными.

Тематике территориальной идентичности населения посвящены работы многих отечественных и зарубежных географов: Д.В. Визгалова [8], А.Г. Манакова [13], Т.Н. Кувеневой [13], Л.В. Смирнягина [22], В.А. Ядова [11], Дж. Тоал [3], Дж. Эгню [1], Д. Найт [2] и других.

Многие исследователи (И.М. Бусыгина [7], Е.Г. Трубина [23], Р.Ф. Туровский [24] и другие) акцентируют внимание на формировании региональной идентичности в контексте отношений «центр - регионы». Причиной этому служит обращенный к центру образ российского пространства. В связи с этим ученых в большей степени интересуют предпосылки данных процессов и возможные способы взаимодействия центра и регионов. В политической географии зачастую региональная идентичность соотносится с административно-территориальным делением и с обобщенными правилами построения федерализма. Р.Ф. Туровский особенно выделял роль административно-территориального деления в проявлении региональной идентичности.

Не менее распространенной темой является изучение территориальной общности как специфического социального образования и рассмотрение территориальной идентичности как критерия территориальной общности. Этим проблемам посвящены работы следующих исследователей: Л.П. Богдановой [6], О.И. Орачевой [18], И.П. Рязанцева [19], А.С. Щукиной [6] и других. Особый интерес представляет собой изучение реформ административно-территориального деления в контексте региональной идентичности, что, по своей сути, является квинтэссенцией данного проекта. Конкретно КПАО в данном ракурсе изучали Ю.П. Шабаев [26; 27], А.Д. Чеботкова [25], К.В. Истомин [27] и другие. Несмотря на внушительный список перечисленных выше исследователей, проблема влияния территориальной идентичности на ход административно-территориальных реформ по-прежнему остается недостаточно изученной.

Многоаспектность поставленной проблемы обуславливает использование целого комплекса исследовательских методов и техник. Эмпирическую базу исследования составил корпус релевантных текстов. В текстах объектами поиска выступают маркеры региональной идентичности и реакции на проведенную реформу административно-территориального деления; кроме того, в фокус внимания исследователей попадают маркеры дискурса о роли рассматриваемых регионов в государственном строительстве. Смысловыми единицами текстуального анализа были, во-первых, время написания текста (до или после реформы), во-вторых, причастность/непричастность говорящего к органам государственной власти, в-третьих, отношение к реформе. Кроме того, ключевым в работе является сравнительный метод, который включает в себя сравнение региональных идентичностей для выявления их сходств и различий.

Как известно, без знания прошлого невозможно понимание настоящего. В связи с этим целесообразно будет начать с описания эволюции статуса данного региона. Начнем с XVIII столетия - века, в течение которого стали прорисовываться будущие внутренние контуры России. Так, в результате указа Екатерины II с 1781 г. была образована Пермская губерния - колыбель рассматриваемых нами Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Что касается Перми, ее историю можно проследить без труда: этот город был главным в одноименном уезде. Случай Кудымкара, центра коми-пермяков, является дискуссионным. Скорее всего, его прародиной является Чердынский уезд. В некоторых источниках встречается упоминание Иньвенского края, названного так по протекающей реке. В 1923 г. преемницей Пермской губернии явилась Уральская область, в состав которой также вошли Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская губернии. Затем в 1934 г. Уральская область была разделена на три области: Свердловскую с центром в г. Свердловске, Челябинскую с центром в г. Челябинске и Обско-Иртышскую с центром в г. Тюме-

ни. Через четыре года Пермская область была выделена из Свердловской и просуществовала в таком виде вплоть до 2005 г.

Обратимся к истории Коми-Пермяцкого автономного округа (далее - КПАО). Округ был образован 26 февраля 1925 г. как Коми-Пермяцкий национальный округ в составе Уральской области. Он располагался в низовье Уральских гор, в верхнем бассейне Камы, площадь составляла 32 770 км². Столицей этого первого в стране национального округа в 1925 г. был провозглашен город Кудымкар. Уже в течение многих столетий этот народ проживал на данной территории, они составляли больше половины коренного населения. Коми-пермяки относятся к финно-угорской группе народностей, обладают собственным одноименным языком и выделяются богатым культурным наследием, в котором особенно примечательно своеобразное искусство.

После того, как в 1934 г. Уральская область была разделена, округ стал одной из территориальных единиц Свердловской области, затем, в связи с выходом Пермской области из Свердловской, округ перешел под юрисдикцию Пермской области. В 1977 г. с принятием очередной советской конституции Коми-Пермяцкий округ получил статус автономного. В начале 1990-х, во времена ельцинской «суверенизации», руководство АО объявило о своем бюджетном обособлении от Пермской области и отказалось подчиняться областной власти. Эти события были отражены Конституцией 1993 года, когда КПАО стал полноправным субъектом Российской Федерации, оставаясь в составе Пермской области. Теперь Пермская область также становилась одним из так называемых сложносоставных регионов.

Предпосылки объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа следует искать в глубочайшем демографическом, финансовом, экономическом и социальном кризисе 1990-х годов, который переживал округ. Стоит отметить, что данное присоединение - это первый случай объединения регионов после принятия в 1993 г. новой Конституции.

Если обратиться к описанию объединения субъектов, предоставленному на официальном сайте Коми-Пермяцкого округа, то можно ознакомиться с точкой зрения, согласно которой от присоединения во многом должен был выиграть именно Коми-Пермяцкий автономный округ, получить экономическую поддержку [12]. Строго говоря, на протяжении многих десятилетий КПАО не обладал рентабельной экономической системой и по сути был поставщиком леса для Пермской области. Более того, различные социальные организации во многом зависели от вышестоящих пермских. Что касается кадров КПАО, именно в Перми они получали профессиональное образование и проходили соответствующую переподготовку. На развитие социальной сферы округа также шли дотации из центра, что как-то служило поддержкой.

На референдуме 7 декабря 2003 г., посвященном объединению Пермской области и КПАО и прошедшему в обоих регионах, жители ответили на вопрос: «Согласны ли Вы, чтобы Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ объединились в новый субъект Федерации, в составе которого Коми-Пермяцкий округ будет являться административно-территориальной единицей с особым статусом, определяемым уставом края в соответствии с законодательством Российской Федерации?» Если посмотреть на цифры, то в КПАО в референдуме приняли участие 64,17% (60 472) граждан, обладающих активным избирательным правом. За объединение КПАО и Пермской области проголосовало 89,76% (54 281) участников референдума. В Пермской области явка составила 62,33% (1 241 434). За объединение Пермской области и КПАО проголосовало 83,81% (1 040 446) участников референдума [5].

В связи с этим по инициативе Президента России был принят Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». В законе поставлены практически такие же задачи, как и в предыдущем тексте: «Образование нового субъекта Российской Федерации осуществляется в целях ускорения социально-экономического развития Пермской области и Коми-

Пермского автономного округа и повышения уровня жизни населения, проживающего в указанных субъектах Российской Федерации».

Указанный закон провозглашал создание нового субъекта РФ - Пермского края и объявлял о прекращении существования Пермской области и КПАО, при этом создавалась новая территориальная единица - Коми-Пермяцкий округ. Первым чиновником, получившим бразды правления Пермским краем, стал О.А. Чиркунов.

Зачастую преобразования вызывают многочисленные споры. Не исключением стало и создание Пермского края, спровоцировавшее бурную дискуссию в обществе. Пожалуй, самым известным отзывом на объединение регионов стала презентация доклада «Объединение регионов Российской Федерации: за и против», состоявшаяся в Институте современного развития 7 апреля 2010 г. Авторы труда С. Артоболевский, Е. Гонтмахер, Н. Зубаревич и А. Кынев детально проанализировали слияния и представили свой взгляд на их преимущества и недостатки. Так, в своей критике процесса объединения ученые отмечают, что в Коми-Пермяцком округе население постоянно сокращается, около половины местной элиты недовольны изменениями и вследствие дебюрократизации многие люди лишились работы.

Кроме того, эксперты считают, что многие задачи, которые были поставлены в рамках проведения данного объединения, оказались не выполнены. Например, авторы убеждены, что в условиях кризиса проблемы Коми-Пермяцкого округа отойдут на второй план и центр края сосредоточит свои усилия, в первую очередь финансовые, на других вопросах. Далее авторы предполагают, что процесс управления усложнится в связи с увеличением площадей субъектов и ростом количества муниципальных образований. Наконец, по мнению докладчиков, не получится добиться запланированного повышения управляемости территорией страны при сокращении расходов на эти цели в федеральном бюджете.

Стоит отметить, что весомый вклад в этот труд внесло проведенное анкетирование [20, с. 46], при этом в докладе нет сведений о числе опрошенных человек, дате и районах опроса. Так, опросы населения показали, что на руководство автономного округа (далее - АО) напрямую, по мнению респондентов, влияли вышестоящие чиновники, противники объединения не имели доступа к СМИ, а местная элита была заменена приезжими политтехнологами, под чьим контролем оказалась вся кампания. Также в своей статье ученые приводят мнение местной элиты. Согласно ему, у руководства бывшего АО нет возможности продвигать свои интересы, они утратили рабочие места и не могут оказывать влияние на принятие решений, которые в то же самое время затрагивают их напрямую. Тем не менее местная политическая элита выделяет следующие положительные моменты: углубление связей двух субъектов, уменьшение административных расходов и однократное получение помощи. В заключение своего доклада авторы, взвесив все плюсы и минусы, делают вывод о том, что общее воздействие объединительных процессов на качество жизни населения АО близко к нейтральному. Например, среднедушевые денежные доходы населения в КПАО на протяжении 2002-2007 гг. почти равнялись прожиточному минимуму [20, с. 37]. При этом доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась за тот же срок на 4% [20, с. 38]. А уровень безработицы, по методологии МОТ, не сократился.

Безусловно, эта работа не осталась без отклика. Мартин Шаккум, в 2010 г. председатель Комитета Государственной Думы по строительству и земельным отношениям, посчитал, что «аргументов "за" в докладе практически не содержится, и акцент был сделан исключительно на негативных последствиях объединения» [14]. Мартин Люцианович привел в ответ следующие доводы: объединительные процессы направлены на устранение национальных и территориальных противоречий и открывают новые пути плодотворного развития. Более того, все эти преобразования не могут не вызвать одобрения людей, поскольку они формируют единое социальное пространство между объединившимися территориями, что означает легкость пользования общими больницами, школами, объектами культуры и многим другим. Также он указывает на то, что объединение регионов поможет повысить инвестиционную привлекательность объектов и уменьшит

административную нагрузку на бизнес, что, несомненно, приведет к росту социально-экономических показателей этих территорий. Следующими аргументами автора статьи-ответа являются унификация законодательства, планирование и реализация совместных проектов развития инфраструктуры, улучшение тарифной политики, формирование единых налоговых условий и более масштабная социальная поддержка населения.

Еще один взгляд на события начала 2000-х годов представил Михаил Мильчаков в статье «Объединение Пермской области и КПАО: политические, экономические, социальные конфликты» [15]. Так, автор считает, что новый закон о норме представительства округа в Законодательном Собрании Пермского края ограничивает доступ депутатов округа к власти по сравнению с прошлым периодом. Кроме того, невыполненным остается положение Соглашения между Пермской областью и Коми-Пермяцким автономным округом о правовом положении Коми-Пермяцкого округа в составе Пермского края, по которому должна была создаваться окружная двадцатимандатная Дума. Также исследователь полагает, что крупные региональные бизнес-структуры не будут производить масштабные финансовые вливания, поскольку в Коми-Пермяцком округе недостаточно развита инфраструктура.

Более того, Мильчаков указывает на то, что реализация программы по развитию инфраструктуры округа, принятой накануне референдума, проходит малоэффективно. Так, например, подписанный президентом в ноябре 2003 г. Указ № 1283 «О мерах по социально-экономическому развитию Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области» обязывал региональное руководство произвести ряд мер по развитию транспортной системы округа и его газификацию, однако этот указ так и не был выполнен властями.

Наконец, автор отмечает, что объединение бюджетов области и округа может негативно сказаться на развитии других территорий области, поскольку округ требует значительное количество средств для улучшения качества жизни населения.

В завершение своей статьи автор приходит к следующим выводам:

Во-первых, создание Пермского края как региона, в котором экономически сильные территории помогают слабым, не привело к ожидаемым результатам.

Во-вторых, экономическая обстановка в этом субъекте будет зависеть от финансовой поддержки Федерального Центра.

В-третьих, национальной элите не удалось добиться репрезентативности в едином представительном органе и создать последовательный план социально-экономического развития округа.

Безусловно, многие статистические данные, приведенные выше, стали на сегодняшний день неактуальными. Что же говорят обновленные показатели 2010-х годов?

Итак, согласно сайту Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, на 1 января 2017 г. численность населения округа составляла 109 642 чел. (4,2 % населения Пермского края), в том числе городского - 31 265 чел., сельского - 78 377 человек. Общая численность населения округа за последние 10 лет сократилась на 20,2 тыс. чел. (на 16%). При этом за предшествующие объединению 10 лет убыль населения составила всего 9%. Плотность населения - 3,4 человека на 1 кв. км, что в 4,8 раза ниже, чем в Пермском крае, и более чем в 2 раза ниже, чем по России в целом. Округ относится к территориям с низким уровнем урбанизации: в г. Кудымкаре, который является единственным городом, проживает 28,5% населения округа. На территории округа проживают представители более 60 разных национальностей, из них 97,1% населения составляют коми-пермяки (54,2%) и русские (42,9%).

Данные о динамике основных показателей социально-экономического развития за 2005 год и за 2010-2016 годы показывают, что уровень безработицы упал, хотя и не очень сильно (3,9% в 2005 г. и 3,0% в 2016 г.), миграция населения значительно увеличилась. Так, в 2005 г. округ покинуло 67 чел., в 2016 г. - 681 человек. Также упало производство скота, птицы и молока. Что касается древесины, ее производство сократилось, но не существенно, а заготовка, напротив, выросла. В целом, рост инвестиций в основной капи-

тал с 1999 по 2005 г. составлял в среднем 50%, а к 2016 г. сократился почти наполовину к показателям до объединения. Средняя заработная плата в 2005 г. в Пермском крае составляла 7748,9 руб., а в Коми-Пермяцком округе - 4595 руб. (на 40,7% ниже), а в 2015 г. в регионе средняя зарплата была 28 527,9 руб., в то время как в округе - 23 892 руб. (на 16,3% ниже), что говорит о внушительном росте зарплат коми-пермяков [21].

Конечно, демографические показатели и экономические данные имеют большой вес при анализе государственных реформ. Однако еще одной, не менее эффективной методикой исследования является предлагаемый далее дискурс-анализ, позволяющий исследователю критически подойти к тексту для ответа на различные вопросы: что автор сказал, что автор хотел сказать и о чем автор пожелал умолчать.

Авторы считают, что при оценке реформы, главным образом, ожидалась трудности экономического, управленческого и, в меньшей степени, культурно-национального характера, однако никто не учитывал пространственно-идентичностный аспект объединения, что в результате стало одной из причин негативного восприятия последствий реформы. Стоит отметить, что анализ собранных текстов и корпусов интервью позволяет лишь воспроизвести аргументы местного населения, среди которого культивируется миф о пагубности объединения хронически кризисного региона. Несмотря на то, что данная картина остается субъективной, она самоценна для исследования, поскольку именно такое, возможно искаженное, восприятие ситуации является причиной социальной нестабильности в регионе. Возможно, объединение столкнулось со сложностями не потому, что не были исполнены обещания об экономической помощи, поддержке коренных народов или достаточном политическом представительстве, а потому что имело место недостаточное внимание новых властей к формированию единой идентичности новой территориальной общности, успешно интегрирующей этнические компоненты автономного округа.

Для того чтобы провести компаративный анализ восприятия объединения Пермской области и КПАО разными представителями общества до и после проведения этого преобразования, был собран корпус из 13 текстов (см. Приложение 1) из федеральных и региональных СМИ, а также журналистских блогов, содержащих оценочные высказывания политиков и чиновников (губернаторов, их заместителей, полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, федеральных и региональных министров), общественных деятелей и представителей НКО, а также простых жителей рассматриваемых субъектов федерации. Тексты были рассортированы в соответствии со следующими основными критериями:

1. Время написания (до/после реформы);
2. Причастность/непричастность говорящего к органам государственной власти;
3. Позитивное/негативное отношение к реформе.

В ходе поиска релевантных текстов было установлено, что риторику об объединении можно условно разделить на три дискурса: дискурс об экономической целесообразности - между регионами тесные хозяйственные связи, поэтому объединение логично и выгодно, или это матрешечные регионы, где один «кормит» другого. Далее следует дискурс об управленческой целесообразности: оптимизация чиновничьего аппарата, так как столь маленьким территориям не нужны, например, свои суды, прокуратура и представительство в Совете Федерации РФ. Кроме того, сюда входит и тезис об установлении более прочной «вертикали власти», что и было главной целью Центра при проведении реформы. Третий дискурс - об исторической целесообразности: данные территории всегда были одним целым, а их разделение - историческая случайность или ошибка (большевики или стихийной суверенизации в 90-е годы XX в.) Тем не менее указанные дискурсы можно использовать для подтверждения не только целесообразности реформы, но и ее нецелесообразности, например: объединяемый автономный округ богатый, а субъект РФ, к которому присоединяют АО, - бедная и депрессивная территория, поэтому не следует их объединять. Подобный случай имел место в обсуждении объединения Агинского Бурятского АО и Читинской области.

Во-вторых, говорящий критикует или положительно высказывается о представителях органов власти объединяемых территорий? Для исследователей это показатель сразу нескольких категорий: какое отношение у говорящего к администрации, проводящей реформу / последующей / предыдущей; какие отношения между администрациями объединяемых субъектов; кого назначают виновным в неудачах.

В-третьих, критикует или положительно высказывается говорящий о представителях федеральных органов власти, а также упоминает ли он о помощи со стороны Центра после объединения? Данные два критерия демонстрируют отношение к инициатору реформ - федеральному центру и позволяют определить восприятие роли центра в преобразованиях: обвиняют ли федеральных властей в проведении реформы, видят ли волюнтаризм в действиях центра, ощущают ли поддержку из Москвы или же чувствуют себя оставленными без должного внимания.

В-четвертых, затрагивается ли особый культурный/национальный статус субъекта? Представленный пункт важен для исследователей, так как такой статус напрямую связан с вопросами различных видов идентичности, в том числе национальной и, опосредованно, пространственной. Дискурс о национальной автономии представляется важным в контексте реформы, так как разные стороны по-разному связывали особый статус с административно-территориальными преобразованиями; их аргументацию можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица. Аргументация разных сторон реформы

Table. Argumentation of different actors of the reform

	Центр	Представители коренных народов на объединяемых территориях	Представители субъектов, к которым «присоединяли» АО
Сторонники реформы	Тема коренных народов - «карта», разыгрываемая противниками реформ и бюрократами, которые потеряют финансирование после реформы	Утрата статуса не приведет к загниванию национальной культуры, а позволит обогатиться за счет диалога культур	Экономические, социальные связи между субъектами исторически крепкие, слияние закрепит уже существующий порядок и поэтому не приведет к удару по коренным народам
Противники реформы	Курс на централизацию приведет к утрате культурного разнообразия РФ	Утрата статуса ведет к недофинансированию и, соответственно, загниванию национальной культуры	В рамках нового субъекта лобби коренных народов будет продавливать свои интересы через образ себя как жертвы реформы

Источник: составлено соавторами научной статьи.

Source: compiled by the co-authors of the scientific article.

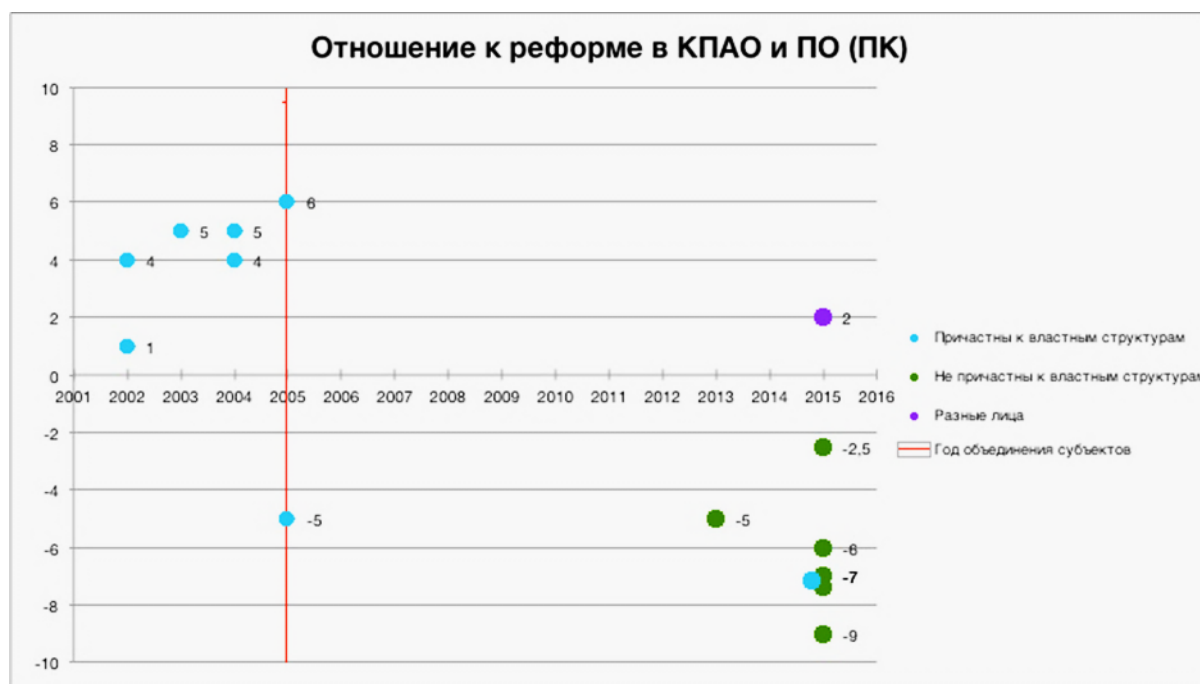
Далее исследователи выделили критерии, наделили их различным весом в промежутке $a_j \in [-1; 1]$, кроме позитивной/негативной оценки реформы - промежуток составлял $b_j \in [-2; 2]$:

1. Позитивная или негативная оценка реформы;
2. Оценка политического аспекта;
3. Оценка экономического аспекта;
4. Оценка управленческого аспекта;

5. Упоминание помощи центра после объединения;
6. Критика действий центра;
7. Критика местных властей;
8. Оценка изменений с точки зрения особого культурного/национального статуса.

Если не была дана информация о том или ином критерии, то в таком случае за критерий ставилась оценка «0». Далее было произведено суммирование значений, и на этом основании был выведен коэффициент отношения к реформе в регионах. Результат представлен ниже (см. рисунок).

Рис. Отношение к реформе в Коми-Пермяцком АО и Пермской области (Пермском крае)
Fig. Attitude to the reform in the Komi-Permyak AO and the Perm Region (Perm Krai)

Источник: составлено соавторами научной статьи.

Source: compiled by the co-authors of the scientific article.

Согласно полученным данным, наблюдается существенное различие в оценке реформы по двум линиям: времени публикации текста и причастности/непричастности к властным структурам. Таким образом, позитивное отношение до проведения реформы характерно для представителей власти (представителей Законодательных Собраний, губернаторов, полпреда Президента в ПФО С.В. Кириенко и заместителя главы Администрации Президента В.Ю. Суркова) до вступления в силу закона об объединении рассматриваемых субъектов. Все тексты, характеризующиеся негативным отношением к реформе, опубликованы после объединения в 2005 г. и принадлежат лицам, не причастным к власти, за исключением двух текстов от 2005 и 2015 г. - это интервью Геннадия Савельева, последнего главы Коми-Пермяцкого АО. В 2005 г. Г. Савельев в присутствии премьер-министра Михаила Фрадкова обвинял и.о. губернатора Пермского края Олега Чиркунова в том, что бывшему АО уделяется недостаточное внимание, данные до референдума обещания не исполняются, хотя прошло уже два года. В 2015 г. в интервью газете «Парма-Новости» Г. Савельев, последний губернатор Пармы (так называют коми-пермяки свою территорию) идет еще дальше в своей критике и заявляет: «Бог спас, что я не участвовал в этом позорном процессе».

Какие аргументы использовали защитники и противники реформы?

Выступавшие «за» делали в основном акцент на экономической целесообразности проекта, возможности для Пармы стать чем-то большим, чем «лесосырьевой базой», и улучшить собственную инфраструктуру (упоминались такие проекты, как мост через Каму, газопровод, ж/д Сыктывкар-Кудымкар-Григорьевская, модернизация кудымкарского аэропорта, модернизации медучреждений и системы ЖКХ, а также ремонт здания театра в Кудымкаре. Дискурс об «исторической целесообразности» выражен в использовании таких выражений, как «Пермь - старший брат» и «единство даже во времена административной обособленности».

Критики реформы использовали более широкий арсенал различных нарративов. Так, в экономическом аспекте они говорили о «сохранении дотационности региона» даже в составе нового субъекта; его «депрессивности», «превращении в деревню», Парма - «по-прежнему лесопильная колония». Упомянув исторический аспект, противники объединения указывали на то, что, несмотря на административное единство двух территорий в советские времена, экономика Пармы не добилась выдающихся успехов и была лишь «сырьевым придатком» Перми. Касаемо управления объединенной территорией, самой яркой характеристикой стала фраза: «Процесс объединения - это спланированное и организованное шоу кремлевских кукловодов, после которого произошло некоторое перераспределение денежных потоков, однако коррупция и равнодушие пермских властей свели на нет любые положительные изменения.

Отдельного внимания заслуживает факт, упоминали ли лица о национально-культурном аспекте: из 15 текстов о нем вспомнили только в шести, или 40% текстов, причем в четырех - в негативном контексте: после объединения люди жаловались на постепенное забвение коми-пермяцкой культуры, а мероприятия администрации называли «фасадом, за которым скрывается не очень-то радостная картина», когда в школах перестают преподавать родной язык.

Так добилась ли реформа административно-территориального устройства успеха? Скорее всего, пока однозначный ответ дать невозможно. Это преобразование, плоды которого могут быть получены по прошествии определенного количества лет, оно слишком масштабно для мгновенного эффекта. К сожалению, в настоящий момент в оценках последствий объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа прослеживается высокая доля критики. По мнению авторов, негативных последствий и оценок можно было бы избежать, если бы, во-первых, была четко аргументирована цель реформы и показаны ее результаты, а, во-вторых, при ликвидации субъектов за ними сохранили бы реальную автономию в части национально-культурной политики. Решением могло бы стать сохранение округов как автономий второго порядка, то есть не управляемых напрямую из Москвы, но в то же время сохраняющих высокую долю самостоятельности внутри своих краев. Данные выводы важно учитывать при любом обсуждении дальнейших планов реформирования административно-территориальной структуры России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Agnew J.A. Geopolitics: Re-visioning World Politics. - L.; N.Y.: Routledge, 2003. - 168 p.
2. Knight D.B. Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism // Annals of the Association of American Geographers. - 1982. - Vol. 72. - No. 4. - Pp. 514-531.
3. O'Tuathail G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // Journal of Strategic Studies. - 1999. - No. 2/3. - Pp. 107-124.
4. Okunev I.Yu., Tislenko M.I. Geopolitical positioning of twin cities: a case study of Narva/Ivangorod, Valga/Valka, and Blagoveshchensk/Heihe. Teorija in Praksa. - 2017. - Vol. 54. - No. 3-4. - Pp. 592-605.
5. Зиновьев А.П. Мы опять вместе: хроника образования пермского края. Архив города Перми // URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=my-opyat-vmeste-hronika-obrazovaniya-permskogo-kрая> (дата обращения: 22.08.2017).

6. Богданова Л.П., Щукина А.С. Территориальные интересы общностей разных иерархических уровней // Территориальные интересы: Сборник научных трудов / Науч. ред. А.А. Ткаченко. - Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. - С. 32-56.
7. Бусыгина И.М. Модель «центр - периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства // Политическая наука. - 2011. - № 4. - С. 53-70.
8. Визгалов Д.В. Индикативное планирование в развитии территорий. - М.: Фонд «Институт экономики города», 2007. ISBN 5-8130-0085-2.
9. Восемь лет на краю. Кто излечит коми-пермяцкую депрессию? Статья из еженедельника «Аргументы и Факты» № 48 от 26.11.2013. URL: http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/1031928?utm_source=aifrelated&utm_medium=click&utm_campaign=aifrelated (дата обращения: 13.09.2017).
10. Геннадий Савельев постарался разрушить «радужную картинку» в глазах Михаила Фрадкина. Статья на новостном портале «Новый компаньон» от 23.09.2005. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-168808.html> (дата обращения: 13.09.2017).
11. Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах. Материалы докладов международной научной конференции, 10-12 августа 2014 г, г. Улан-Батор / Под ред. В.А. Ядова, Ц. Цэцэнбилэг. - Москва-Улаанбатаар: ИС РАН, Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2014. - 155 с.
12. Коми-Пермяцкий округ. Объединение // URL: <http://www.komipermyatskiiao.ru/about/united/.htm> (дата обращения: 17.08.2017).
13. Кувенева Т.Н., Мананов А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. - 2003. - № 7. - С. 77-84.
14. Мартин Шаккум. Сохраняя, реформировать! // Интернет-портал «Российская газета» 2010. URL: <https://rg.ru/2010/05/11/shakkum.html> (дата обращения: 18.08.2017).
15. Михаил Мильчаков. Объединение Пермской области и КПАО: политические, экономические, социальные конфликты // URL: <http://geoconflict.narod.ru9/texts/milchakov.html> (дата обращения 19.08.2017).
16. Окунев И.Ю. Геополитические коды постсоветских этнонациональных сообществ // Международные процессы. - 2016. - Т. 14. - № 1 (44). - С. 156-171.
17. Окунев И.Ю., Осколков П.В., Тисленко М.И. Фактор лимитрофного геополитического позиционирования в трансформации пространственной идентичности (на примере Гагаузии и Аджарии) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 2-2. - С. 173-185. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-173-185
18. Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Материалы семинара (Тверь, 5-7 марта 1999 г.) / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. - М.: МОНФ, 1999.
19. Рязанцев И.П. Социально-экономические отношения "регион - центр": теория, методология, анализ. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1998.
20. Артоболовский С., Гонтмахер Е., Зубаревич Н., Кынев А. Объединение субъектов Российской Федерации: за и против. - М.: ИНСОР, 2010. - 175 с.
21. Сайт Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края // URL: <http://minkpo.permkrai.ru/komi-permyatskiy-okrug/obshchie-svedeniya/> URL: <http://minkpo.permkrai.ru/statistics/data/> (дата обращения: 18.08.2017).
22. Смирнягин Л.В. Концепция региональной системы России. - М., 1995.
23. Трубина Е.Г. Центр и периферия: между ростом и развитием // Логос. - 2013. - № 4 (94). - С. 237-266.
24. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. - М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006. - 780 с.
25. Чеботкова А.Д. Территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Пермский государственный университет. - Пермь, 2010.
26. Шабаев Ю.П. Коми-Пермяцкий автономный округ: этнодемографические проблемы // Регион: Экономика и Социология. - 1997. - № 3. - С. 134-142.
27. Шабаев Ю.П., Истомин К.В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как "другие" коми // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 4. - С. 99-114.
28. Яновская Я. Геннадий Савельев, экс-глава Коми-Пермяцкого автономного округа, рассказывает про годы у власти. URL: <http://parmanews.ru/index.php/temy/item/2293-eks-glava-komi-permyatskogo-avtonomnogo-okruga-rasskazyvaet-pro-gody-u-vlasti/> (дата обращения: 13.09.2017).

29. Яновский В. Это все - обман. Коми-пермяки об объединении с Пермской областью. Статья на городском портале Перми <https://properm.ru> от 01.12.2015. URL: <https://properm.ru/news/society/115232/> (дата обращения: 13.09.2017).

REFERENCES

1. Agnew J.A. Geopolitics: Re-visioning World Politics. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 168 p. (In Eng.).
2. Knight D.B. Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism. *Annals of the Association of American Geographers*. 1982. Vol. 72. No. 4. Pp. 514-531. (In Eng.).
3. O'Tuathail G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society. *Journal of Strategic Studies*. 1999. No. 2/3. Pp. 107-124. (In Eng.).
4. Okunev I.Yu., Tislenko M.I. Geopolitical positioning of the twin cities: a case study of Narva/Ivangorod, Valga/Valka, and Blagoveshchensk/Heihe. *Teorija in Praksa*. 2017. Vol. 54. No. 3-4. Pp. 592-605. (In Eng.).
5. Zinoviev A.P. My opjat' vmeste: hronika obrazovaniya permskogo kraja. Arhiv goroda Permi [We are together again: the chronicle of the education of the Perm Region]. Archive of the city of Perm // URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=my-opyat-vmeste-hronika-obrazovaniya-permskogo-kraya> (accessed: August 22, 2017). (In Russ.).
6. Bogdanova L.P., Shchukina A.S. Territorial'nye interesy obshhnostej raznyh ierarhicheskikh urovnej [Territorial interests of communities of different hierarchical levels]. *Territorial interests: Collection of scientific papers*. Scientific ed. A.A. Tkachenko. Tver: Tver State. University, 1999. Pp. 32-56. (In Russ.).
7. Busygina I.M. Model' «centr-periferiya», federalizm i problema modernizatsii rossijskogo gosudarstva [Model "center-periphery", federalism and the problem of modernization of the Russian state]. *Political Science*. 2011. No. 4. Pp. 53-70. (In Russ.).
8. Vizgalov D.V. Indikativnoe planirovanie v razvitii territorij [Indicative planning in the development of territories]. Moscow: Institute for Urban Economics, 2007. ISBN 5-8130-0085-2. (In Russ.).
9. Vosem' let na kraju. Kto izlechit komi-permjackuju depressiju? Stat'ja iz ezhenedel'nika «Argumenty i Fakty» №48 ot 26.11.2013 [Eight Years on the Edge. Who will Heal the Komi-Permyan Depression? Article from the weekly newspaper "Arguments and Facts" No. 48 of 26.11.2013]. URL: http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/1031928?utm_source=aifrelated&utm_medium=click&utm_campaign=aifrelated (accessed: September 13, 2017). (In Russ.).
10. Gennadij Savel'ev postaralsja razrushit' "raduzhnuju kartinku" v glazah Mihaila Fradkova. Stat'ja na novostnom portale «Novyj kompan'on» ot 23.09.2005 [Gennady Saveliev tried to destroy the "rainbow picture" in the eyes of Mikhail Fradkov. Article on the news portal "The New Companion" of September 23, 2005]. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-168808.html> (accessed: September 13, 2017). (In Russ.).
11. Identichnosti, processy social'noj integratsii i dezintegratsii v transformirujushhihsja obshhestvah [Identities, processes of social integration and disintegration in transforming societies]. Materials of the reports of the international scientific conference, August 10-12, 2014, Ulaanbaatar / Ed. V.A. Yadova, Ts. Tsetsenbilag. Moscow-Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law, Academy of Sciences of Mongolia, 2014. 155 p. (In Russ.).
12. Komi-Permjackij okrug. Ob'edinenie [The Komi-Permyak District. Association]. URL: <http://www.komipermyatskii.ru/about/united/.htm> (accessed: August 17, 2017). (In Russ.).
13. Kuveneva T.N., Manakov A.G. Formirovanie prostranstvennyh identichnostej v porubezhnom regione [Formation of spatial identities in the border region]. *Sociological research*. 2003. No. 7. Pp. 77-84. (In Russ.).
14. Martin Shakkum. Sohranjaja, reformirovat'! [Keeping, reforming!]. Web-portal "Rossiyskaya Gazeta" 2010. URL: <https://rg.ru/2010/05/11/shakkum.html> (accessed: August 18, 2017). (In Russ.).
15. Mikhail Milchakov. Ob'edinenie Permskoj oblasti i KPAO: politicheskie, jekonomicheskie, social'nye konflikty [Association of the Perm Region and the KPAD: political, economic, social conflicts]. URL: <http://geoconflict.narod.ru/9/texts/milchakov.html> (accessed: August 19, 2017). (In Russ.).
16. Okunev I.Yu. Geopoliticheskie kody postsovetskih jetnonacional'nyh soobshhestv [Geopolitical codes of post-Soviet ethno-national communities]. *International processes*. 2016. Vol. 14. No. 1 (44). Pp. 156-171. (In Russ.).

17. Okunev I.Yu., Oskolkov P.V., Tislenko M.I. Faktor limitrofnogo geopoliticheskogo pozicionirovaniya v transformacii prostranstvennoj identichnosti (na primere Gagauzii i Adzharii) [Factor of limitrophic geopolitical positioning in the transformation of spatial identity (on the example of Gagauzia and Adzharia)]. Historical and social-educational idea. 2017. Vol. 9. No. 2-2. Pp. 173-185. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-173-185 (In Russ.).
18. Oracheva O.I. Regional'naja identichnost': mif ili real'nost' [Regional identity: myth or reality]. Regional identity as a factor in the formation of political culture in Russia: Workshop materials (Tver, March 5-7, 1999). Ed. by M.V. Il'in, I.M. Busygina. Moscow: MONF, 1999. (In Russ.).
19. Ryazantsev I.P. Social'no-jekonomicheskie otnoshenija "region-centr": teorija, metodologija, analiz [Socio-economic relations "region-center": theory, methodology, analysis]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1998. (In Russ.).
20. Artobolevsky S., Gontmakher E., Zubarevich N., Kynev A. Ob'edinenie sub'ektov Rossijskoj Federacii: za i protiv [Association of Subjects of the Russian Federation: Pro et Contra]. Moscow. INSOR, 2010. 175 p. (In Russ.).
21. Sajt Ministerstva po delam Komi-Permjackogo okruga Permskogo kraja [The website of the Ministry for Affairs of the Komi-Permyak District of the Perm Region]. URL: <http://minkpo.permkrai.ru/komi-permyatskiy-okrug/obshchie-svedeniya/> URL: <http://minkpo.permkrai.ru/statistics/data/> (accessed: August 18, 2017). (In Russ.).
22. Smirnyagin L.V. Konceptija regional'noj sistemy Rossii [The concept of the regional system of Russia]. Moscow, 1995. (In Russ.).
23. Trubina E.G. Centr i periferija: mezhdru rostom i razvitiem [Center and periphery: between growth and development]. Logos. 2013. No. 4 (94). Pp. 237-266. (In Russ.).
24. Turovsky R.F. Politicheskaja regionalistika [Political regionalistics]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2006. 780 p. (In Russ.).
25. Chebotkova A.D. Territorial'nye osobennosti kachestva i obraza zhizni naselenija Komi-Permjackogo okruga Permskogo kraja [Territorial features of the quality and lifestyle of the population of the Komi-Permyak District of Perm Krai]. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of geographical sciences. Perm State University. Perm, 2010. (In Russ.).
26. Shabaev Yu.P. Komi-Permjackij avtonomnyj okrug: jetnodemograficheskie problemy [Komi-Permyak Autonomous District: ethnic-demographic problems]. Region: Economics and Sociology. 1997. No. 3. Pp. 134-142. (In Russ.).
27. Shabayev Yu.P., Istomin K.V. Territorial'nost', jetnichnost', administrativnye i kul'turnye granicy: komi-izhemcy (iz'vatas) i komi-permjaki kak "drugie" komi [Territoriality, ethnicity, administrative and cultural boundaries: Komi-Izhemtsy (Izhvatas) and Komi-Permyaks as "other" Komi]. Ethnographic Review. 2017. No. 4. Pp. 99-114. (In Russ.).
28. Yanovskaya J. Gennadij Savel'ev, jeks-glava Komi-Permjackogo avtonomnogo okruga, rasskazyvaet pro gody u vlasti [Gennady Saveliev, the former head of the Komi-Permyak Autonomous District, tells about the years in government]. URL: <http://parmanews.ru/index.php/temy/item/2293-eks-glava-komi-permyatskogo-avtonomnogo-okruga-rasskazyvaet-pro-gody-u-vlasti/> (accessed: September 13, 2017). (In Russ.).
29. Yanovskiy V. Jeto vse - obman. Komi-permjaki ob ob'edinenii s Permskoj oblast'ju [This is all is a deception]. Komi-Permyaks on the merger with the Perm region. Article on the city portal of Perm. URL: <https://properm.ru> from 01.12.2015. URL: <https://properm.ru/news/society/115232/> (accessed: September 13, 2017). (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

**ТЕКСТЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТА
ОТНОШЕНИЯ К РЕФОРМЕ**

1. Интервью с Г.П. Тушнолобовым, депутатом Законодательного собрания Пермской области (2001-2006) от 23.04.2002. URL: <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2002-04-23/0>
2. Доклад А.А. Климова, депутата ГД 4-го -6-го созывов от Коми-Пермяцкого избирательного округа № 216, на Всероссийской научно-практической конференции «Методы обоснования перспектив развития регионов», Москва, 27-28.05.2004. URL: <http://refdb.ru/look/1626150.html>

3. Выступление председателя комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике Александра Казакова на пресс-конференции в РИА «Новости» от 20.05.2004. URL: \ 3.%20https\::ria.ru:politics:20040520:594074.html
4. Интервью с Геннадием Игумновым, первым всенародно избранным губернатором Пермской области от 27.12.2005. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-325812.html>
5. «Статус КПАО: у коми-пермяков осталось право говорить на родном языке» от 02.12.2015. URL: <http://parmanews.ru/index.php/obshchestvo/item/2531-status-kpo-u-komi-permyakov-ostalos-pravo-govorit-na-rodnom-yazyke/>
6. «Цветами и свечами кудымкарцы помянули Коми-Пермяцкий автономный округ» - статья на Парманьюс от 2 декабря 2015 г. URL: <http://parmanews.ru/index.php/obshchestvo/item/2534-komi-permyatskij-avtonomnyj-okrug-pomyanuli/>
7. Сергей Кириенко в on-line интервью Газете.ру от 1 февраля 2002 г. (отрывок). URL: <https://www.gazeta.ru/kirienko.shtml>
8. Владислав Сурков об объединении КПО и ПО: «Кремль признал целесообразным объединение субъектов» от 18.04.2003. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/377711>
9. Геннадий Савельев постарался разрушить «радужную картинку» в глазах Михаила Фрадкова - статья от 23.09.2005 URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-168808.html>
10. Геннадий Савельев, экс-глава Коми-Пермяцкого автономного округа рассказывает про годы у власти от 28.09.2015. URL: <http://parmanews.ru/index.php/temy/item/2293-eks-glava-komi-permyatskogo-avtonomnogo-okruga-rasskazyvaet-pro-gody-u-vlasti/>
11. «Мы патриоты, а не сепаратисты!» - интервью Александра Четина на Ура.ру от 06.05.2015. URL: <https://ura.news/articles/1036264732?from=incut>
12. «Восемь лет на краю. Кто излечит коми-пермяцкую депрессию?» - статья из газеты: еженедельник «Аргументы и Факты» № 48 от 26.11.2013. URL: http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/1031928?utm_source=aifrelated&utm_medium=click&utm_campaign=aifrelated
13. «Пермяки и коми-пермяки вспоминают создание Пермского края» - статьи от 1 декабря 2015 года. URL: <https://properm.ru/news/society/115232/>

ANNEX I**TEXTS USED FOR CALCULATION OF THE RELATIONSHIP TO THE REFORM**

1. Interview with G.P. Tushnolobov, deputy of the Legislative Assembly of the Perm region (2001-2006) of 23.04.2002; URL: <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2002-04-23/0>
2. Report of A.A. Klimov, deputy of the State Duma of the 4th - 6th convocation from the Komi-Permyak election district No. 216, at the All-Russian scientific-practical conference "Methods of Substantiating the Prospects for the Development of Regions", Moscow, 27-28.05.2004; URL: <https://refdb.ru/look/1626150.html>
3. Speech of the Chairman of the Federation Council Committee on Federation Affairs and Regional Policy Alexander Kazakov at a press conference at RIA Novosti on 20.05.2004; URL: \ 3.% 20https \ :: ria.ru:politics:20040520:594074.html
4. Interview with Gennady Igumnov, the first publicly elected governor of the Perm Region of 27.12.2005. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-325812.html>
5. The status of the KPAD: the Komi-Permian has the right to speak its native language on December 2, 2015 URL: <http://parmanews.ru/index.php/obshchestvo/item/2531-status-kpo-u-komi-permyakov-ostalos-pravo-govorit-na-rodnom-yazyke/>
6. "The Komi-Permyak Autonomous District was remembered with flowers and candles by Kudymkars" - an article on ParmaNews dated December 2, 2015. URL: <http://parmanews.ru/index.php/obshchestvo/item/2534-komi-permyatskij-avtonomnyj-okrug-pomyanuli/>
7. Sergey Kirienko in an on-line interview with Gazeta.ru on February 1, 2002 (excerpt) URL: <https://www.gazeta.ru/kirienko.shtml>
8. Vladislav Surkov on the merger of KPD and PP: "The Kremlin Recognized the Merge of Entities". April 18, 2003 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/377711>
9. Gennady Saveliev tried to destroy the "rainbow picture" in the eyes of Mikhail Fradkov, the article of September 23, 2005 URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-168808.html>

10. Gennady Saveliev, the ex-head of the Komi-Permyak Autonomous District, tells about the years in government from September 28, 2015. URL: <http://parmanews.ru/index.php/temy/item/2293-eks-glava-komi-permyatskogo-avtonomnogo-okruga-rasskazyvaet-pro-gody-u-vlasti/>
11. "We Are Patriots Not Separatists!" - interview of Aleksandr Chetin at Ura.ru on May 6, 2015 URL: <https://ura.news/articles/1036264732?from=incut>
12. "Eight Years on the Edge. Who will Heal the Komi-Permyan Depression?" - article from the weekly newspaper "Arguments and Facts" No. 48 from 11/26/2013 URL: http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/1031928?utm_source=aifrelated&utm_medium=click&utm_campaign=aifrelated
13. "Permyaks and Komi-Permyaks Recall the creation of Perm Krai" - articles from December 1, 2015. URL: <https://properm.ru/news/society/115232/>

Информация об авторах:

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии, факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России), г. Москва, Россия
iokunev@mgimo.ru

Тисленко Мария Игоревна, председатель, клуб Terra Cognita, Научное студенческое общество, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России), г. Москва, Россия

Бибина Эмма Сергеевна, студент, факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет МИД России), г. Москва, Россия

Получена: 27.02.2018

Для цитирования: Окунев И.Ю., Тисленко М.И., Бибина Э.С. Оценки последствий объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-1. с.133-147.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-133-147.

Information about the authors:

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Comparative Politics, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia
okunev_igor@yahoo.com

Maria I. Tislenko, Chairperson, Club "Terra Cognita", Student Scientific Society, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia

Emma S. Bibina, Student, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia

Received: 27.02.2018

For citation: Okunev I.Yu., Tislenko M.I., Bibina E.S. Evaluations of the consequences of the connection of Perm region and Komi-Permyak autonomous district. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-1. Pp. 133-147.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-133-147. (in Russ)

УДК 316.7

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-148-156

ОРЛОВА Татьяна Геннадьевна
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
orlova_tg@pfur.ru

Tatiana G. ORLOVA
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)
Moscow, Russia
orlova_tg@pfur.ru

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И
РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ
МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКУЮ СМЫСЛОВУЮ
ДОМИНАНТУ «УЧЕНИЕ, ЗНАНИЕ, МУДРОСТЬ»**

**COMPARATIVE STRUCTURAL-SEMANTIC
ANALYSIS OF ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS
EXPRESSING THE MORAL-ETHIC SENSE
DOMINANT "STUDYING, KNOWLEDGE, WISDOM"**

Статья посвящена сопоставительному структурно-семантическому анализу английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую доминанту «учение, знание, мудрость». Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью пословиц данной семантической группы в сопоставительном аспекте с точки зрения выявления их фразеологического значения, образной основы, семантики лексических компонентов, синтаксической структуры, экспрессивно-оценочных и выразительных средств, а также происхождения пословиц. Этот анализ позволил выявить как сходство, так и особенности образного мышления, национального своеобразия пословиц данной тематической группы английского и русского народов. Анализ показал, что, несмотря на то, что английский и русский языки не являются близкородственными языками и выражают разный исторический и культурный опыт, в них много общего и потому значения многих пословиц являются универсальными. В их основе часто лежат сходные образы, близкие синтаксические конструкции и лексические компоненты. Как русские, так и английские пословицы данного семантического поля характеризуются меньшей образностью и экспрессивностью. В них содержатся поучения, наставления, призывы необходимости получения знаний. Для этой цели широко используются побудительные, бессоюзные предложения, сравнительные, сопоставительные конструкции, которые способствуют лаконичности и афористичности пословиц. Лексика часто носит нейтральный характер, используется в прямом, а не в переносном значении. В обоих языках существует немало самобытных пословиц, присущих менталитету данного народа. Кроме того, английские и русские пословицы отличаются своим происхождением. Этот анализ позволил выявить особенности образного мышления и национального своеобразия пословиц двух лингвокультурных этносов.

The article is devoted to a comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs expressing the moral and ethical dominance of "studying, knowledge, wisdom". The relevance of the study is determined by the insufficient study of the proverbs of this semantic group in a comparative aspect from the point of view of identifying their phraseological meaning, the figurative basis, the semantics of lexical components, the syntactic structure, expressive-evaluative and expressive means, and the origin of proverbs. This analysis made it possible to identify the similarity and peculiarities of figurative thinking, the national peculiarity of the proverbs of this thematic group of English and Russian peoples. The analysis showed that, despite the fact that English and Russian are not closely related languages and express different historical and cultural experiences, they have much in common, and therefore the values of many proverbs are universal. They are often based on similar images, close syntactic constructions and lexical components. Both Russian and English proverbs of this semantic field are characterized by less imagery and expressiveness. They contain teachings, instructions, and calls for the need for knowledge. For this purpose, incentive, non-union proposals are widely used, comparative, comparative constructions that contribute to the conciseness and aphorism of proverbs. Vocabulary is often neutral, used in a direct, not in a figurative sense. In both languages there are many original proverbs inherent in the mentality of this people. In addition, English and Russian proverbs are distinguished by their origin. This analysis made it possible to reveal the peculiarities of figurative thinking and the national identity of the proverbs of the two linguistic cultural ethnicities.

Ключевые слова: пословица, структурно-семантический анализ, смысловая доминанта «учение, знание, мудрость», фразеологическое значение, лексические компоненты, синтаксическая структура, образные средства, эмоционально-экспрессивная окраска, выразительность

Keywords: proverb, structural-semantic analysis, semantic dominance "studying, knowledge, wisdom", phraseological significance, lexical components, syntactic structure, figurative means, emotionally expressive coloring, expressiveness

В XXI веке особое внимание уделяется взаимодействию культур народов, что определяет научный интерес к изучению языковых единиц, содержащих культурно-языковую коннотацию. Данная тенденция взаимодействует с растущим вниманием к социокультурному потенциалу языковых и речевых единиц. Как теоретические декларации, так и убедительная исследовательская практика показывают, что социальные феномены пол-

нее раскрываются с опорой на лингвистические закономерности; причем данный аспект определяется как принципиальный для гуманитарного познания [17, с. 8-9]. В этой сфере выявляются новые соотношения - например, «смыслопорождение в языке и общественные инновации» [18, с. 122].

При этом именно фразеологический состав языка в большей мере отражает и интерпретирует человеческую культуру. «Фразеологический состав языка - это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное сознание» [1, с. 9]. Пословицы, которым посвящено данное исследование, являются частью фразеологического фонда, национальным достоянием и хранителем исторической и культурной памяти народа. Эту мысль подтверждает в XIX веке уже А.Н. Афанасьев: «Пословицы по самой своей форме не подвержены искажению и потому являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [2, с. 15]. Объектом нашего исследования явились пословицы английского и русского языков, выражающие отношение к учению, знаниям, духовным ценностям. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью пословиц данной тематической группы с точки зрения их образной основы, семантики лексических компонентов, структурно-грамматических особенностей, а также эмоционально-экспрессивной окраски и образных средств в сопоставительном аспекте.

Именно пословицы данной языковой группы отражают важность учения, приобретения знаний, духовности как основной морально-этической ценности, присущей обоим лингвокультурным этносам - английскому и русскому народам. «Пословицы демонстрируют все пословичное, интеллектуально-лингвистическое многообразие и богатство как русского, так и английского языков присущими для этих языков синтетическими и аналитическими способами» [3, с. 148]. Анализ языкового материала, извлеченного из этих пословиц, позволяет расширить наше представление о культуре, народном творчестве, образном мышлении и национальной самобытности этих народов.

В нашем исследовании мы будем опираться на следующую трактовку пословицы, которая дается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, определяющем пословицу как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным» [4, с. 253], а также на определение, которое дается в словаре Longman Contemporary English Dictionary: «proverb - short well-known statement that contains advice about life in general» [5, с. 323].

Предметом анализа является образный строй, семантика лексических компонентов, структурно-грамматические особенности, стилистическая окрашенность английских и русских пословиц, которые принадлежат языкам, не являющимся близкородственными и отражающим разные языковые культуры. Объектом исследования послужили как русские, так и иностранные словари [6; 7; 8; 9].

В качестве основных методов исследования используются методы сопоставительной фразеологии, разработанные в трудах А.Д. Райхштейн (1980), Е.Ф. Арсентьевой (1989), А. Вежбицкой А. (2001). Нам близок метод, который А.Д. Райхштейн определил как «структурно-типологический» аспект исследования, «направленный на исследование особенностей фразеологических образов как в родственных, так и в неродственных языках, то есть на выявление общих закономерностей и факторов образного переосмысления словесных комплексов, в том числе роли отдельных лексических компонентов в формировании определенных фразеологических значений» [10, с. 10]. Мы также будем опираться на сопоставительный метод, разработанный Е.Ф. Арсентьевой, состоящий из трех аспектов: «семантического, структурно-грамматического и компонентного» [11, с. 96].

Для сравнительного лексико-семантического анализа английских и русских пословиц мы выбрали определение смысловой доминанты «учение», данное в Советском энциклопедическом словаре. Из развернутого определения значения слова «учение» мы взяли то, которое необходимо нам для структурного и лексико-семантического анализа:

«Учение 1) одна из сторон процесса обучения - деятельность ученика в овладении знаниями и навыками» [12, с. 1404]. В этом определении говорится о важности смысловой доминанты - процесса обучения в овладении знаниями и навыками ученика. Значение этой доминанты отразилось в пословицах английского и русского языков. Учение - это одна из важных сторон жизни народов, которая служит показателем ментальности жизнедеятельности народов, его устремлений.

Важно отметить и то, что сходство образного значения пословиц, их структуры и лексических компонентов обусловлено не только общностью их происхождения или заимствованием, но и общностью логических и образно-ассоциативных связей в сознании представителей различных лингвокультурных этносов, а также общими закономерностями человеческого мышления. По мнению Г.Л. Пермякова, различие пословиц «в их образном строе, местных реалиях и понятиях. <...> А все общее - в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений» [13, с. 21]. Так Е.В. Иванова приводит паремиологический парадокс, описанный Ю.И. Левиным, который состоит в том, что, «с одной стороны, пословицы выражают национальный характер, «душу народа», а с другой - значение большинства пословиц представляют собой универсалии, большинство пословиц имеет синонимы в других языках» [14, с. 123]. <...> «Пословицы действительно демонстрируют универсальность человеческого опыта» [15, с. 131].

Перейдем непосредственно к анализу. Как в английских, так и в русских пословицах могут выражаться общечеловеческие ценности, например, в виде заповедей, пришедших к нам из Библии, в которых говорится о приоритете духовных ценностей над материальными: *Man doesn't live by bread alone* (Не только хлебом живет человек) в значении «человеку необходимы не только материальные ценности, но и духовные» (Matthew 4:4). В русском языке ей соответствует пословица *Не хлебом единым жив человек* (Толкование Иоанна Златоуста Евангелия от Матфея). Благодаря общности происхождения, эти пословицы представляют собой почти полные эквиваленты.

Важной ценностью нравственного и научного развития является стремление человека к познанию окружающего мира. Мысль о важности учения, о стремлении к совершенствованию, к духовному развитию, познанию мира и окружающей действительности представлена в большом количестве английских и русских пословиц, которые раскрывают различные грани концепта «учение».

И в английских, и в русских пословицах актуально и важно значение «необходимость, потребность в учении на протяжении всей жизни». Это значение выражает общечеловеческую ценность «учения», оно широко представлено как в английских, так и в русских пословицах. Пословицы *Live and learn* (Живи и учись) и ее русский эквивалент *Век живи, век учись* сходны по своему лексико-грамматическому составу и фразеологическому значению, а по структуре представляют собой побудительные предложения и содержат наставления, в которых выражается значение «никогда не следует считать себя знающим все - необходимо постоянно совершенствовать свои знания». Эти пословицы еще раз подтверждают мысль о том, что пословице «свойственна дидактическая функция, побуждение следовать определенным моральным нормам» [15, с. 11]. Русская пословица отличается от английской большей конкретностью за счет включения повторяющегося лексического компонента «век», придающего ей дополнительную выразительность и смысловую законченность.

Почти полными эквивалентами являются английская и русская пословицы, которые имеют сходные значения: *It is never too late to learn* и *Учиться никогда не поздно*, что непосредственно свидетельствует об универсальности человеческого мышления. Русская пословица с таким же значением *Не учись до старости, а учись до смерти* более образно выражает эту мысль, используя приемы противопоставления лексических компонентов «старость - смерть», а также стилистический прием градации.

Очень употребительны и в английском, и в русском языке пословицы *Learning is the eye of the mind* (Познание - глаз разума) и *Ученье свет, а неученье - тьма*. В английской пословице учение связывается с самым важным органом восприятия окружающего мира, соматизмом «eye» (глаз), в русской пословице ему соответствует «свет», видимый глазом,

что в данном контексте означает знание. Образность русской пословицы усиливается стилистическим противопоставлением «свет - тьма», что придает афористичность русской пословице.

К этой группе пословиц можно отнести английские пословицы, которые не имеют аналогов в русском языке, например: *Better unborn than untaught* (Лучше не родиться, чем неучем жить) и вторая: *Money spent on the brain is never spent in vain* (Деньги, потраченные на образование, никогда даром не пропадают). Известно, что для англичан большую роль играют деньги, однако они не скупятся потратить их на обучение, так как это способствует, по их мнению, приумножению капитала в будущем. Эта пословица не лишена выразительности за счет рифмующихся строк. Однако некоторые русские пословицы со сходным значением не имеют аналогов в английском языке, например: *Красна птица перьем, а человек ученьем* и *Не учась и лаптя не сплетишь*. Русские пословицы также выражают мысль о важности учения в повседневной жизни человека. Сопоставление образного строя английских и русских пословиц позволяет сделать вывод о том, что английские пословицы носят более книжный характер, используют нейтральную лексику, содержат нравоучение, тогда как русские пословицы носят более фольклорный характер: одна из них содержит орнитоним «птица», включает семантический архаизм «красна» в значении «красива», а также архаизм «перьем», ее отличает ритмизованность, а другая содержит наименование реалии крестьянского быта «лапоть».

Необходимо отметить, что в английских и русских пословицах содержится важная мысль об опасности быть плохо обученным. Это даже хуже, чем быть и вовсе не обученным. Сходство их фразеологического значения обусловлено общностью человеческого опыта и наблюдений. Приведем примеры английских пословиц *Better untaught than ill-taught* (Лучше быть необученным, чем плохо обученным); *A little learning is a dangerous thing* (Недостаточное знание опасно) и их русские соответствия: *Недоученный хуже неученого*; *Худая грамота - только пагуба*. Как в английских, так и в русских пословицах сходное значение передается одинаковыми лексико-семантическими и структурно-грамматическими средствами: сравнительными оборотами со сходными лексическими компонентами, включенными в антонимические отношения («*untaught - ill-taught*» и «недоученный - неученый»). На фоне этих пословиц, которые не отличаются особой образностью, выделяется русская пословица *Худая грамота - только пагуба*, в которой сходное фразеологическое значение передается просторечными и архаичными лексическими компонентами («худая грамота», «пагуба»), которые выражают оценочность, многоплановость значения и подчеркивают народный характер русских пословиц.

Далее, как в английских, так и в русских пословицах широко представлено значение «не следует поучать более опытного и знающего человека», например: *Never offer to teach fish to swim* (Не учи рыбу плавать) и ее русские соответствия *Не учи рыбу плавать*; *Не учи плавать щуку, щука знает свою науку*; *Не учи ученого*; *Ученого учить - все равно что портить*. При сопоставлении английской и русских пословиц мы видим, что первая русская пословица представляет собой частичный эквивалент английской, вторая русская пословица сохраняет тот же самый фразеологический образ, но дополняет его, включая в свой состав более конкретное наименование рыбы - «щука». За счет повтора слова «щука» создается ритмизованность пословицы «щуку - науку», что усиливает ее экспрессивность. Остальные русские пословицы носят дидактический характер, нейтральны по своему лексическому составу и не отличаются особой выразительностью. Это же значение передает самобытная английская пословица *Don't teach your grandmother to suck eggs* (Не учи свою бабушку, как высасывать яйца), которой соответствует русская пословица *Яйца курицу не учат*. В этих пословицах лексический компонент «яйца» приобретает различные семантические значения. Русская пословица отличается лаконизмом и метафорическим переосмыслением слова «яйца» в значении «молодые неопытные люди». Английская пословица носит более конкретный характер, ее значение вытекает из прозрачной внутренней формы.

По значению к этим пословицам близки пословицы, выражающие мысль «пожилые люди трудно поддаются учению», например: *An old dog will learn no new tricks* (Старая со-

бака не научится новым трюкам); *An old dog cannot alter his way of barking* (Старая собака не может изменить свой лай) и их русские соответствия *Старую собаку новым фокусам не научишь; Старого пса к цепи не приучишь*. Общим для английских и русских пословиц является то, что они носят иносказательный характер, причем под «старой собакой» одинаково подразумевается пожилой человек, что усиливает экспрессию и иронию этих пословиц. Первая английская пословица эквивалентна русской пословице. Вторая русская пословица более самобытна.

Это же значение передают и другие русские пословицы, в основе которых лежат иные образные значения и лексические средства: *Старого учить - что мертвого лечить; Старого не учат, мертвого не лечат*. В основе русских пословиц лежит противопоставление «старый - мертвый». В английском языке нет подобных пословиц. Можно привести русскую пословицу с этим же значением, которая носит фольклорный характер *Молод - перебесится, а стар - не переменится*. Сходное значение о том, что учиться надо смолоду, передают самобытные русские пословицы: *Чему Ваня не научился, того Иван не выучит; Не учили, когда поперек лавки ложился, а во всю вытянулся, так и не научишь*. В первой пословице выразительность фразеологического значения создается за счет противопоставления имен собственных: «Ваня» как выражение юности, а «Иван» как выражение зрелости. Во второй пословице передается опыт воспитания детей в простых семьях, эта пословица связана с народным бытом.

В английском языке также существует самобытная пословица о том, что детей надо воспитывать с малолетства, например: *Spare the rod and spoil the child* (Пожалеешь плетку, испортишь дитя). Эта пословица связана с традициями английского воспитания и обучения, где использовались телесные наказания.

Очень интересны пословицы со значением «трудно поддаются учению не только пожилые, но и тупые и грубые люди, которые никогда не станут умными и благородными». Приведем оригинальную самобытную английскую пословицу, передающую именно это значение: *You cannot make a silk purse out of a sow's ear* (Нельзя сделать шелковый кошелек из свиного уха). Образность, экспрессивность и даже ироничность этой пословицы создается за счет сближения несопоставимых понятий, таких как «silk purse» (шелковый кошелек) и «sow's ear» (свиное ухо). Русскими аналогами этой пословицы являются следующие: *Дурака учить - что мертвого лечить; Дурака учить - в решете воду носить; Бестолкового учить - только себя трудить; Неразумного учить - в бездонную кадку воду лить*. Интересно, что все русские пословицы состоят из инфинитивных предложений, в них используется прием синтаксического параллелизма, а также ритмическая организация. В них выразительны и экспрессивны сопоставления, например: «дурака/бестолкового/неразумного учить» - что «в решете воду носить», «в бездонную кадку воду лить», «мертвого лечить» и т.д. Лексика этих пословиц отражает реалии крестьянского быта, причем слово «дурак» не несет грубой стилистической окраски, а скорее носит фольклорный характер.

В процессе обучения нельзя обойтись без методов обучения, таких как «повторение», «упорство», «практика», «опыт», «терпение», так как «учение - постепенный процесс», «одного рвения недостаточно». Это значение выражают многие английские и русские пословицы. Так, английская пословица *Repetition is the mother of learning* имеет эквивалентную пословицу в русском языке *Повторение - мать учения*, которая отличается большей выразительностью за счет рифмованности слов.

Следующая группа английских пословиц передает значение «терпение, прилежание, труд - залог успеха»: *Diligence is the mother of success* (Прилежание - мать успеха); *It is dogged that does it* (Упорный своего добьется). Их русский аналог: *Терпение и труд все перетрут*. Сопоставление лексико-синтаксической структуры этих пословиц позволяет констатировать, что английские пословицы лишены образности, они содержат утверждение, нейтральны по лексическому составу, отличаются простотой синтаксической структуры. Русская пословица *Терпение и труд все перетрут* интересна по своей внутренней форме, которая создается за счет необычной лексической сочетаемости. Такие абстрактные понятия, как «терпение» и «труд» сочетаются с глаголом конкретного зна-

чения «перетрут», относящегося, скорее, к сфере сельскохозяйственной деятельности. Русская пословица ритмически организована, что свидетельствует о ее фольклорном характере. В английском языке есть самобытная пословица с уникальным значением, которая содержит интересное наблюдение и не имеет аналогов в русском языке: *Zeal is fit wise men but is mostly found in fools* (Усердие нужно умным, но чаще встречается у дураков). Она содержит ироническую окраску.

Большую группу как в английском, так и в русском языке составляют пословицы, в которых говорится о роли практики в процессе обучения, например *Practice makes perfect* (Практика ведет к совершенству) в значении «чем больше трудишься, тем совершеннее мастерство»; *Experience is the mother of wisdom* (Жизненный опыт - мать мудрости); *Practice is the best teacher/master* (Практика - лучший учитель); *Knowledge without practice makes but half an artist* (Знания без практики делают лишь половину художника) или в значении «опыт достается дорогой ценой»: *Experience keeps a dear school but fools learn in no other* (Опыт достается дорогой ценой, но дураков ничто иное не научит). Им соответствуют русские пословицы: *Не спрашивай умного, а спрашивай бывалого*; *Навык мастера ставит*; *Золотые руки у того, кто обучился хорошо*. Английские пословицы с этим значением имеют более обобщенный смысл по сравнению с русскими пословицами. Русские пословицы связаны со значимостью трудовой деятельности простого человека, поэтому в них используются средства фольклорной поэтики.

В английских и русских пословицах представлено еще одно значение «учение - постепенный процесс», например: *Learn to say before you sing* (Научись говорить, прежде чем петь) и ее русское соответствие *Азбуки не знает, а читать садится*; *Не все сразу*. По сравнению с русскими пословицами английская пословица более выразительна за счет сопоставления лексических компонентов «say (говорить)», «sing (петь)».

В английском языке есть пословица, которая содержит очень ценное наблюдение «нельзя учиться наспех», например: *Soon learnt, soon forgotten* (Выученное наспех быстро забывается). Эта пословица не имеет аналогов в русском языке.

Несколько английских и русских пословиц передают значение «рвение без учения, без знаний не приносит пользы», например: *Zeal without knowledge is a runaway horse* (Рвение без знания все равно, что лошадь, закусившая удила). Приведем русские соответствия: *Усердие не по разуму приносит вред*; *Рвение без учения - одно мучение*; *Рвенье без ученья — не польза, а беда*. Английская пословица содержит выразительное сравнение с зоонимом «лошадь», которое придает ей образность, экспрессию, оценочность. Русские пословицы содержат назидание и предостережение за счет включения слов «вред», «мучение», «беда».

Однако в английских и русских пословицах представлено еще одно необычное значение «много знать не всегда хорошо», например: *Too much knowledge makes the head bald* (Слишком много знаний делает голову лысой); *The more you study, the more you know. The more you know, the more you forget. The more you forget, the less you know. So why study?* (Чем больше мы учимся, тем больше мы знаем. Чем больше мы знаем, тем больше забываем. Чем больше забываем, тем меньше мы знаем. Так зачем учиться?). Им соответствуют русские пословицы, в которых так же, как в английских, звучит ирония, например: *Много будешь знать - скоро состаришься*; *Дедушка много знал, да помер*; *Век живи, век учись, дураком помрешь*. В основе образного значения в некоторых английских и русских пословицах лежит представление о том, что знания присущи старым людям, знания могут старить. В английском языке эта мысль выражена более завуалированно, а в русском - более явно («состаришься», «помрешь»). Вторая английская пословица имеет шуточный характер и очень популярна у студентов.

Не забыто в пословицах и значение «роль учителя в обучении». Это значение отражено в английских и русских пословицах: «каков учитель, таков и ученик», например *Like teacher like pupil* (Каков учитель, таков и ученик); *Like master like man* (Каков хозяин, таков и слуга) и их русские соответствия: *Каков поп, таков и приход*; *Каков хозяин, таковы у него и собаки*. Причем в русских пословицах это значение связано не только с учением. Пословица *Каков поп, таков и приход* свидетельствует о религиозности русских людей, для ко-

торых учитель сравнивается со священнослужителем. И английские, и русские пословицы имеют одинаковую синтаксическую структуру по типу соотносительности («каков - таков»). Вторая русская пословица выражает это значение аллегорически с помощью зоонима «собака».

Однако не только учитель играет важную роль в процессе обучения, но и сам ученик, который «может учиться как на чужих ошибках, так и на своих собственных», например: *Every man has his faults* (У каждого человека бывают ошибки); *No man is wise at all times* (Нет человека, который всегда поступал бы мудро); *Learn wisdom by the follies of others* (Учись уму на чужой глупости) в значении «учись мудрости на чужих ошибках»; *Experience keeps no school, she teaches her pupils singly* (У опыта нет общей школы, своих учеников он учит порознь) в значении «человек учится на своем опыте». Им соответствуют русские пословицы: *На всякого мудреца довольно простоты*; *И на старуху бывает проруха*; *И на старушку бывает проруха*; *На то человек на свет рождается, чтобы жить своим умом*. Сравнивая английские и русские пословицы, мы видим, что в английских пословицах сильнее выражен дидактизм за счет употребления нейтральной абстрактной лексики. Они принадлежат человеку из более высокого сословия. Русские пословицы отражают мудрость народа из более низких социальных слоев, и потому в них присутствует просторечные слова «проруха», «проруха» - слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. В целом они носят фольклорный характер.

Завершить наше исследование можно пословицами, которые являются как бы стимулом к обучению, например: *Adversity is a great school master* (Несчастье - великий учитель), *Necessity is the mother of invention* (Нужда - мать всех изобретений), которым в русском языке соответствуют пословицы: *Нужда острит разум*; *Беда мучит, беда и научит*; *Что мучит, то и учит*; *Несчастье - великий учитель*; *В бедах человек умудряется*. И в русских, и в английских пословицах говорится о том, что человек, познавший горе, нужду, приобретает жизненный опыт и практические знания. Нужда также является стимулом к изобретательности, побуждает человека к приобретению знаний. Можно признать, что русские пословицы, в которых употребляются слова «нужда», «горе», «беда», характерны для менталитета простого русского человека, чаще русского крестьянина, жизнь которого была нелегкой.

Структурно-семантический анализ показал, что английские и русские пословицы, связанные с концептом «учение», носят разнообразный характер. Несмотря на то, что английский и русский языки не являются близкородственными и выражают разный исторический и культурный опыт, в них много общего и поэтому значения большинства пословиц являются универсальными. В основе их лежат сходные образы, сходные синтаксические структуры и близкие лексические компоненты, что приводит к созданию полных или частичных эквивалентов.

Также можно отметить, что для английских и русских пословиц данного семантического поля характерна меньшая образность и экспрессивность, в них содержатся поучения, наставления, призывы к необходимости получения знаний, которые помогают выживать человеку. Для этой цели широко используются побудительные, бессоюзные предложения, сравнительные и сопоставительные конструкции, которые способствуют лаконичности и афористичности пословиц, а также зачастую используется лексика в прямом, а не в переносном значении.

Сопоставительный лексико-семантический и структурно-грамматический анализ английских и русских пословиц позволил выявить источники их происхождения. Русские пословицы создаются в народной среде, нередко в деревенской среде, о чем свидетельствует включение в их состав просторечной лексики, связанной с деревенским бытом. Английские пословицы характерны для более высоких сословий. В них используется более нейтральная и менее экспрессивная лексика. Однако и в английских пословицах нередко присутствуют самобытные и уникальные значения, выражающие менталитет английского народа.

В статье проанализированы черты сходства и различия в структурном, лексико-семантическом и образном плане английских и русских пословиц, выражающих мораль-

но-этическую доминанту «учение, знание, мудрость». Этот анализ показал, в чем сходство и различие менталитета англичан и русских людей. Сопоставление русских и английских пословиц показало, насколько важен этот аспект для жизни как англичан, так и русских людей, о чем свидетельствует такое большое количество английских и русских пословиц, отражающих разные стороны процесса «учения», «обучения», «познания» и др. Сопоставление выявляет при этом такую динамику объектного пространства, которая обладает общественной ценностью. И именно сопоставительный план позволил обосновать единство лингвистической значимости исследуемых феноменов, с одной стороны, и их социальной, социокультурной актуальности, с другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 286 с.
2. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. - М.: Высшая школа, 1996. - 150 с.
3. Дубровская О.Г. Русские и английские пословицы как культурологические единицы. - Тюмень, 2002. - 164 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. - 709 с.
5. Longman Contemporary English Dictionary. - Harlow (GB): Longman, 2001. - 1668 p.
6. Словарь употребительных английских пословиц / М.В. Буковская, С.И. Вальцева, З.И. Дубянская и др. - М.: Русский язык, 1990. - 234 с.
7. Модестов В.С. Английские пословицы и их русские соответствия. - М.: Русский язык: Медия, 2003. - 467 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, - М., 1994. - 3600 с.
9. Smith W.G. The Oxford dictionary of English proverbs. - Oxford, 2008. - 625 p.
10. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. - М.: Высшая школа, 1980. - 143 с.
11. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. - Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. - 126 с.
12. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1982. - 1560 с.
13. Пермьяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. - М.: Наука, 1988. - 236 с.
14. Левин Ю.И. Провербиальное пространство / Паремиологические исследования: Сб. статей. - М., 1984. - С. 123.
15. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. - 280 с.
16. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики: Монография / пер. с англ. и предисл. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 272 с.
17. Алефиренко Н.Ф., Скокова Т.Н. Смысл как проблема межкультурной коммуникации / Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации. - Ростов н/Д; Таганрог: ЮФУ, 2017. - С. 9-37.
18. Корниенко А.А., Келейникова А.Г. Смыслопорождение в языке и общественные инновации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2016. - № 3. - С. 122-127.

REFERENCES

1. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Yazyki russkoy kultury. 1996. 286 p.
2. Afanasyev A.N. Proiskhozhdeniye mifa. [The origin of the myth]. M.: Vysshaya shkola. 1996. 150 p.
3. Dubrovskaya O.G. Russkiye i angliyskiye poslovitsy kak kulturologicheskiye edinitsey. [Russian and English Proverbs as cultural units]. Tyumen. 2002. 164 p.
4. Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar. Pod red. Yartseva V. [Linguistic encyclopedic dictionary / under the editorship of V. N. The Yartsevo.]. N. M.: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya. 2002. 709 p.
5. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman. 2001. 1668 p.

6. Slovar upotrebitelnykh angliyskikh poslovits. M.V. Bukovskaya. S.I. Vyaltseva. Z.I. Dubyanskaya i dr. [Dictionary of common English Proverbs / M. V. bukovskaya, S. I. Vyaltseva, Z. I. Dubyanskaya, etc.]. M.: Russkiy yazyk. 1990. 234 p.
7. Modestov V.S. Angliyskiye poslovitsy i ikh russkiye sootvetstviya. [English Proverbs and their Russian correspondence.]. M.: Rus. Yaz.: Mediya. 2003. 467 p.
8. Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo. velikorusskogo yazyka. V 4-kh tomakh. [Dictionary of the living great Russian language. In 4 volumes]. M.: 1994. 3600 p.
9. Smith W.G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford. 2008. 625 p.
10. Raykhshteyn A.D. Sopostavitelnyy analiz nemetskoy i russkoy frazeologii. [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. M.: Vysshaya shkola. 1980. 143p.
11. Arsent'yeva E.F. Sopostavitelnyy analiz frazeologicheskikh edinit. [Comparative analysis of phraseological units.]. Kazan: Izdatelstva Kazanskogo Universiteta. 1989. 126 p.
12. Sovetskiy Entsiklopedicheskiy Slovar. [Soviet encyclopedia]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1982. 1560p.
13. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoy paremiologii. [Fundamentals of structural paremiology]. M.: Nauka, 1988. 236 p.
14. Levin Yu.I. Proverbialnoye prostranstvo. Paremiologicheskiye issledovaniya. Sb. statey. [Proverbial space. Paremiological studies: SB. articles.]. M., 1984. p 123
15. Ivanova E.V. Mir v angliyskikh i russkikh poslovitsakh: Uchebnoye posobiye. [World in English and Russian Proverbs: a Training manual]. SPb.: izd. SPbGU. 2006. 280 p.
16. Vezhbitskaya A.. Sopostavleniye kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. M.. Monografiya. Per. s angl. i predisloviye A.D. Shmeleva. [comparison of cultures through vocabulary and pragmatics: Monograph / TRANS.with English. and Preface. A. D. Shmelev]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 2001. 272 p.
17. Alefirenko N. F., Skokova T. N. Meaning as a problem of intercultural communication. Linguistic aspects of intercultural communication. Rostov n / a; Taganrog: SFU, 2017. P. 9-37.
18. Kornienko A. A., Keleynikova A. G. Generating in language and social innovations. Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University. 2016. No. 3. P. 122-127.

Информация об авторе:

Орлова Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов,
orlova_tg@pfur.ru
Москва, Россия

Получена: 01.04.2018

Для цитирования: Орлова Т.Г. Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую смысловую доминанту «учение, знание, мудрость» Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.148-156.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-148-156.

Information about the author:

Tatiana G. Orlova, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Social Sciences and Humanities,
Moscow, Russia,
orlova_tg@pfur.ru

Received: 01.04.2018

For citation: Orlova T.G. Comparative structural-semantic analysis of english and russian proverbs expressing the moral-ethic sense dominant "studying, knowledge, wisdom". Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.2-2. Pp. 148-156.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-148-156. (in Russ)

УДК 378.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-157-163

ПОДБЕРЕЗНЫЙ Владимир Васильевич
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал)
г. Таганрог, Россия
Podberes@mail.ru

Vladimir V. PODBEREZNY
Rostov State Economic University (RINE)
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(branch)
Taganrog, Russia
Podberes@mail.ru

ЗАРУБИНА Римма Викторовна
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал)
г. Таганрог, Россия
r.zarubina@yandex.ru

Rimma V. ZARUBINA
Rostov State Economic University (RINE)
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(branch)
Taganrog, Russia
r.zarubina@yandex.ru

ПЕТРУШЕНКО Светлана Анатольевна
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал),
г. Таганрог, Россия
petrsvet@mail.ru

Valentina A. PETRUSHENKO
Rostov State Economic University (RINE)
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(branch)
Taganrog, Russia
petrsvet@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

MODERNIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF INTEGRATION PROCESSES

В статье решается задача выявления важнейших особенностей конструирования образовательного пространства, детерминируемая историческими, культурными, экономическими, политическими, социальными приоритетами развития сообщества, реминисцируемая в формулировке стратегических целей, реализации образовательных программ и процессов. В условиях настоящих политических флуктуаций, в период перехода от доминирования Запада к полицентричности мира, возвращения геополитических и экономических интересов России, признания научных концептуализаций развития педагогической теории важное значение приобретают исследования, рефлектирующие международное образование. Примером, маркирующим проблему, служит ситуация в странах современной Западной Европы и в ее наиболее развитой и передовой стране - ФРГ. Данная страна интересна исследователям с точки зрения состояния педагогической науки и практики, позиционирующих упадок биполярной системы миропорядка. Необходимость обеспечения открытости и сотрудничества с европейскими педагогами позволит продуктивно использовать накопленный массив научных исследований в области интеграционных процессов в сфере образования в городских и сельских школах. Для отечественной педагогической науки важно понимание движущих и системных факторов интеграционных процессов в европейском образовании; тенденций развития образовательного пространства; условий повышения конкурентоспособности системы образования на мировом рынке образовательных услуг, что детерминирует продуктивную проекцию для экстраполяции передового европейского опыта в отечественную педагогическую практику.

The article solves the problem of identifying the most important features of the design of the educational space, determined by the historical, cultural, economic, political, social priorities of the community development, reminiscenced in formulating strategic goals, implementing educational programs and processes. In conditions of real political fluctuations, during the transition from the domination of the West to the polycentricity of the world, the return of geopolitical and economic interests of Russia, the recognition of scientific conceptualizations of the development of the pedagogical theory, studies reflecting international education acquire great importance. An example marking the problem is the situation in the countries of modern Western Europe and in its most advanced and advanced country - FRG. This country is interesting for researchers in terms of the state of pedagogical science and practice, which position the decline of the bipolar world order system. The need to ensure openness and cooperation with European pedagogues will make it possible to use productively the accumulated array of scientific research in the field of integration processes in education in urban and rural schools. For domestic pedagogical science, it is important to understand the driving and system factors of integration processes in European education; trends in the development of the educational space; conditions for increasing the competitiveness of the education system in the world market of educational services, which determines the productive projection for extrapolating the advanced European experience to the national pedagogical practice.

Ключевые слова: культура, менталитет, народные и педагогические традиции, модель, авторская школа, идентификация, преемственность, парадигма, мировоззрение

Keywords: culture, mentality, folk and pedagogical traditions, model, author's school, identification, continuity, paradigm, worldview

Обращение к опыту немецкой школы актуально по нескольким причинам:

1) исторический опыт развития методологических подходов одной из ведущих педагогик привнес в практику образования и воспитания базовые теории, явившиеся основой для разработки многочисленных авторских концепций и методик в современных школах;

2) наличие дихотомического противоречия: существование обобщенного и систематизированного опыта школ в Германии и ФРГ и недостаточная представленность последнего в российских исследованиях;

3) тенденция к усилению антропоцентризма в обществоведческой теории, ее практическом воплощении;

4) гуманистическая ориентация исторических, экономических, правовых, социокультурных факторов на человека, на создание условий для его максимальной самореализации;

5) развитие качественно нового типа отношений «человек - природа», характеризующегося коэволюцией социального и биологического (появление экологии школы, экологии воспитания, здоровьесберегающих технологий);

6) применение новой методологической оптики при исследовании проблем эффективности социальной организации и социального управления на уровне школы;

7) изучение опыта авторских школ в русле культурологической парадигмы постмодерна, зависимости их эффективности от уровня культуры;

8) потребность в управленческих кадрах нового типа, обладающих

- высокими профессиональными свойствами;

- харизматическими качествами лидера;

- нравственным авторитетом;

- способностью к диалогу;

- умением работы в команде;

- готовностью к эффективной организации учебно-воспитательного процесса, к установлению гармоничных межличностных отношений в школе и за ее пределами [5, с. 94].

Количество и интенсивность возникновения немецких школ в Германии и ФРГ определяется условиями историко-политического и социально-экономического развития страны, особенностями немецкой культуры и менталитета, народными и педагогическими традициями. Немецкие авторские школы отличаются от классических

- специфической *гуманистической культурой* и стабильными положительными результатами работы с детьми, складывающимися из

- а) оригинальной авторской концепции;

- б) учета ведущей роли игры как способа организации детской жизни;

- в) взаимоотношений сотрудничества;

- *внутренней иерархией*, позволяющей выделить следующие типы:

- а) школа как единичное явление;

- б) школа - авторский проект;

- в) школа-модель;

- г) школа - новая парадигма;

- обширным *образовательным и научным потенциалом*, накопленным, структурированным и рефлексированным авторскими школами [4, с. 47].

Феномен авторской немецкой школы характеризуется следующими признаками:

- роль директора, влияние его личности на уклад школы, что позволяет организовать детское учреждение, существенно отличающееся от массовой практики;

- новый дискурс концептуализации педагогического знания, способствующий созданию отличной от других типов школ «философии» авторской школы;
- культура школы, определяемая креативным подходом, сотрудничеством в режиме диалог-полилог, общинным характером взаимоотношений;
- создание условий для формирования личности ученика по заданной траектории, соответствующей модели школы;
- характер профессионально-личностных особенностей педагогов, идентифицирующих себя с системой сложившихся в школе ценностей и сохраняющих преемственность в работе школы;
- превращение учащихся и их родителей в субъектов реализации авторской концепции;
- стабильные положительные результаты деятельности школы;
- отсутствие патернализма: открытость, стремление к введению новшеств, готовность к интеграции [2, с. 116].

Феномен немецкой школы формировался в течение исторического, экономического, культурного и социального развития общества. Авторская школа Германии и ФРГ прошла в своем развитии четыре периода:

I период: начало XX века - середина 30-х гг.;

II период: конец 30-х гг. - середина 50-х гг.;

III период: конец 50-х гг. - середина 90-х гг.;

IV период: вторая половина 90-х гг. - до настоящего времени.

Данные периоды с определенной долей условности возможно выявить благодаря следующим критериям:

- изменение социокультурной ситуации;
- смена педагогической парадигмы;
- трансформация типов школ;
- возрастная и гендерная генерация создателей школ;
- степень интеграции [3, с. 82].

Интегральным показателем и интегративной характеристикой деятельности школы является генерирование своей собственной культуры. В то же время, формируя мировоззрение детей, учитель сам должен позаботиться о собственной педагогической культуре и, в первую очередь, о культуре мышления, т.е. соответствии своего сознания передовому мировоззрению. Сущность этого нового мировоззрения сводится к осознанию человеком действия всеобщих законов мироздания, к пониманию значения мощи и качества мысли и ответственности людей друг перед другом и перед природой.

Содержание педагогической культуры немецкого педагога соответствует его методологической культуре и развивается по трем магистральным осям:

- понимание мира как
 - а) предварительной допредикативной значимой связи, которая может выступать как область некоего смысла происходящего;
 - б) всего сущего, которое находится в мире;
 - в) бытия сущего, могущего выступать в определенных группировках;
- понимание общества как группы людей, возникшей благодаря целенаправленной интеграции и более или менее разумно организованной жизни и работе;
- понимание человека как высшей основы всех вещей, частным проявлением которой является жизнь [6, с. 109].

Вариативные курсы, авторские разработки, оригинальные идеи, воплощенные в практику немецкого школьного образования и воспитания, расширяют горизонт культуры учителя, так как

- культура - это совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа;
- культура - воплощение того своеобразного, нового процесса на земле, отдельные продукты которого являются только человеческими творениями и никогда не могли бы быть порождены природой;

- культура - это наличие артефактов, лишенных стандартности и не встроенных в существующие априорные иерархические конструкции [9, с. 228].

В целях повышения градуса интеграции современная немецкая школа может взаимодействовать с различными общественными и образовательными организациями:

- по «вертикали» - Министерство культов страны и федеральных земель, управление культуры, спортивные комитеты;

- по «горизонтали» - общественные организации, союзы художников, композиторов, церковные общины [1].

Предметом взаимодействия школ с общественными и образовательными организациями являются многочисленные проекты, проводимые под эгидой творческих объединений, союзов, общин. В таблице приведен пример подобных проектов.

Таблица. Образовательные результаты проектирования сред

Table. Educational results of designing environments

Типы проектов	Информационные компетенции
Проекты в медиасреде «Сетевая школа», «Мой блог», «Компьютер - это просто!», «Социальные сети»	- умение использовать средства ИКТ; - поиск, сохранение информации; - создание сценария, скриптов; - установление связи между объектами и фреймами; - имманентный анализ медиапродукта; - активное наблюдение, мыслительные эксперименты; - интеракция; - креативный созидательный процесс; - конструирование цифровых материалов; - организация событийных пространств; - генерация медийных образцов мышления; - разработка программ инновационного комплекса; - обсуждение планов, сценариев, созданных другими участниками
Проекты в эстетической среде с авторскими дополнениями «Арт-школа», «Красочный мир», «Музыкальная династия», «Мой поп-кумир», «Номинация: дизайнер»	- умение объединять фрагменты статей в общую цифровую историю; - использование материалов, созданных другими участниками; - создание иконотеки; - организация школьной художественной мастерской; - проведение театрализованных игр; - получение пропедевтических знаний; - рецептивный анализ творческого продукта; - продуктивная инновация; - модерирование общения учащихся и педагогов; - разработка художественных и эстетических практик; - создание дизайна учебных сценариев; - визуальное воспитание; - редактирование и обсуждение своих материалов с участниками сети
Проекты в образовательной среде «Империя мастерства», «Фестиваль науки», «От классики - до модерна», «Просвещенный консерватизм», «Астронавты», «Кейс - это просто», «Матрица»	- создание схем, мыслительных картин, интерактивных цифровых историй; - рефлексия когнитивных, семантических, семиотических конститuent; - разработка визуальных текстов; - обсуждение проектов; - создание мультипликационного эффекта смысловой дивергентности; - разработка информационного дизайна, дизайна учебных сетей; - создание обучающей, информационной, трансформационной, координирующей, развивающей среды; - конструирование локальной социотехнической системы; - выпуск регулярного школьного издания; - внесение изменений в интерсоциальные и интрасоциальные проекты; - проектирование инфраструктуры инновационной деятельности в новом укладе; - формирование культуры

Источник: составлено соавторами научной статьи.

Source: compiled by the co-authors of the scientific paper.

Поля образовательных результатов проектирования школьных сред накладываются друг на друга, пересекаются, взаимодействуют, образуя трехматричную дессиминацию личного опыта субъекта. Схема представлена на рисунке.

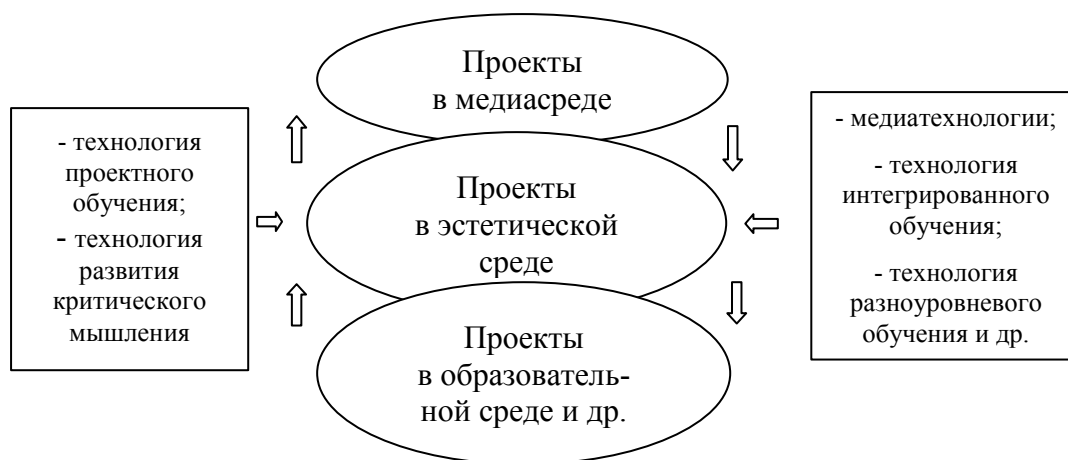

Рисунок. Связь образовательных проектов с технологиями
 Figure. Communication of educational projects with technologies

Источник: составлено соавторами научной статьи.

Source: compiled by the co-authors of the scientific paper.

Городские школы ФРГ являются флагманом для немецких сельских школ, которые в общей палитре немецкого школьного образования представлены начальной школой. В контексте профильно-профессионального обучения на базе культуросообразной «сетевой» модели в сельской школе меняется содержание обучения. Например, на уроках религии планируемый к изучению на уроке материал успешно интегрирован в художественно-эстетический блок, который объединяет родной язык, чтение, музыку. На уроках изобразительного искусства, где сохраняется традиция изображения формы, проявляются тенденции к изображению их групп; в художественном изображении новым элементом становится перспектива (трехмерное изображение предметов); в художественную деятельность ребенка включены: коллаж, реклама, массмедиа, видеотексты, дизайн, мода, фото и т.д. [6, с. 117].

Преследуя задачу формирования всесторонне развитой личности, сохраняющей национально-культурные традиции, культуросообразная «сетевая» модель актуализирует личностный и эстетический потенциал всех участников образовательного процесса путем привлечения учащихся к работе над совместными художественными проектами, направленными на освоение познавательного и прекрасного: работа в команде, подготовка сообщения, проведение эксперимента (проращивание луковиц и ведение дневника наблюдений); украшение класса собственными поделками из глины, раскрашивание гипсовых фигур самостоятельно приготовленной краской и т.д.

Синтез детьми познавательного и прекрасного, синтез знания и красоты - это постижение обучаемыми культуры. В этимологическом и смысловом значении этих слов заложены понятия света и огня, как и в самом слове культура («культ» - почитание, «ур» - свет). Поэтому культура есть спасение от тьмы невежества, грубости и жестокости. В этом принципиально новом подходе также формируется новое мировоззрение обучаемых.

Высокий уровень организации немецкого общества требует наличия культуросообразной «сетевой» модели школы. «Узлами» сети являются вариативные курсы, успешно интегрированные в авторские разработки, оригинальные идеи, воплощенные в практику школьного образования и воспитания [8, с. 133]. Для немецкой сельской школы сетевая модель особенно актуальна по нескольким причинам:

1. Трансформационный характер культуросообразной «сетевой» модели сельской школы. В ней представлены:

- социокультурная компонента соответствующего поселения;
- религиозные и конфессиональные традиции;
- этнические особенности сельского населения;

2. Формирования всесторонне развитой личности, актуализация личностного и эстетического потенциала всех участников образовательного процесса;

3. Взаимодействие в сети с различными образовательными организациями, усиление интеграционных процессов, новый этап самоопределения личности, превращение школы в феномен культуры.

Резюмируя сказанное, отметим, что

- зарубежные ученые весьма активно исследуют практические и теоретические аспекты интеграции: ее организационные, институциональные вопросы, накопленный опыт, практический инструментарий;

- суть культуросообразной «сетевой» модели сельской школы заключается в возможности встать на особую человеческую позицию, обращенную к образованию, и понимать данную позицию в качестве матрицы воспроизводства общества [10, с. 42];

- немецкая школа занимает особое место в европейской педагогической теории. Исследование социокультурного феномена авторской школы способствует дальнейшему теоретическому осмыслению и моделированию педагогического процесса XXI века;

- модернизация современного отечественного образования может проводиться с учетом теоретического и практического опыта ФРГ;

- модернизация образования в контексте реализации интеграционных процессов определяет субординированную систему принципов, методов и инструментов педагогического воздействия, что позволят внести вклад в разработку проблем образования, обогатить педагогику, содержательно акцентируя внимание на глобализационных процессах, коснувшихся педагогической науки и практики; на изменении роли воспитанника, который из объекта становится активным, идентифицирующим себя субъектом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреева К.В., Быкасова Л.В. Средоориентированное обучение в современном вузе // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6. - URL: <http://www.science-education.ru/113-11421> (дата обращения: 29.12.2013).
2. Беспалько В.П. Природосообразная педагогика. - М.: Народное образование, 2008. - 511 с.
3. Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика,
4. культура. - М: Канон+, 2008. - 384 с.
5. Быкасова Л.В., Самойлов А.Н. Функциональный подход к определению образовательного потенциала // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. - 2012. - № 4. - С. 44-49.
6. Быкасова Л.В. Современное художественное образование в Германии: Монография. - Ростов н/Д: Рост.гос. ун-т, 2004. - 302 с.
7. Быкасова Л.В. Современное художественное образование в Германии (в shk. федер. земли Сев. Рейн-Вестфалия): Дис. ... канд. пед. наук. - Таганрог, 1997. - 242 с.
8. Быкасова Л.В., Привалова О.И. Развитие художественной педагогики в России // Искусство и образование. - 2010. - № 1. - С. 9-12.
9. Быкасова Л.В., Подберезный, В.В., Петрушенко С.А. Современная образовательная парадигма в формировании регионального образовательного кластера // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2017. - № 2. - С. 130-135. Doi: 10.23859/1994-0637-2017-2-77-19.
10. Философский словарь. - М.: Республика, 2003. - 575 с.
11. Kuznetsov N., Vovchenko N., Samoilov A., Bykasova L. Reflection modulations in the media // Web of Science. VAK: Media Education. - 2018. - No 1. - Pp. 39-45.

REFERENCES

1. Andreeva K.V., Bykasova L.V. Sredoorientirovannoe-obuchenie-v-sovremennom-vuze [Credo oriented teaching in the modern University] Modern problems of science and education. 2013. No. 6. (<http://www/science-education.EN/113-11421> (circulation date 29.12.2013)).
2. Bepalko V.P. Prirodosobraznaya pedagogika [Intense pedagogy]. Moscow: People's education, 2008. 511 p.
3. Bermus A.G. Modernizaciya obrazovaniya: filosofiya, politika, kul'tura [Modernization of education: philosophy, politics, culture]. Moscow: Canon +, 2008. 384 p.
4. Bykasova LV, Samoylov A.N. Funkcional'nyj podhod k opredeleniyu obrazovatel'nogo potentsiala. [A functional approach to determining the educational potential] Izvestia Southern Federal University. Pedagogical sciences. 2012. № 4. Pp. 44-49.
5. Bykasova L.V. Sovremennoe hudozhestvennoe obrazovanie v Germanii. [Modern art education in Germany]. Monograph. Rost. state. un-t. Rostov n/D, 2004. 302 p.
6. Bykasova L.V. Sovremennoe hudozhestvennoe obrazovanie v Germanii (v shk. feder. zemli Sev. Rejn-Vestfaliya). [Modern art education in Germany (in the school of Federated Lands of North Rhine-Westphalia)]. Thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Taganrog, 1997. 242 p.
7. Bykasova L.V., Privalova O.I. Razvitie hudozhestvennoj pedagogiki v Rossii. [The development of art pedagogy in Russia] Art and education. 2010. № 1. Pp. 9-12.
8. Bykasova L.V., Podberezny V.V., Petrushenko S.A. Sovremennaya obrazovatel'naya paradigma v formirovanii regional'nogo obrazovatel'nogo klastera. [The modern educational paradigm in the formation of a regional educational cluster] Bulletin of the Cherepovets State University, 2017. No. 2. P. 130-135. Doi: 10.23859 / 1994-0637-2017-2-77-19.
9. Filosofskij slovar'. [Philosophical dictionary]. Moscow: Respublika, 2003. 575 p.
10. Kuznetsov N., Vovchenko N., Samoilov A., Bykasova L. Reflection modulations in the media. Web of Science. VAK: Media Education. 2018. No 1. Pp. 39-45.

Информация об авторах:

Подберезный Владимир Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра естествознания и безопасности жизнедеятельности, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия
Podberes@mail.ru

Зарубина Римма Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра естествознания и безопасности жизнедеятельности, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия
r.zarubina@yandex.ru

Петрушенко Светлана Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра естествознания и безопасности жизнедеятельности, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия
petrsvet@mail.ru

Получена: 03.04.2018

Для цитирования: Подберезный В.В., Зарубина Р.В., Петрушенко С.А. Модернизация образования в контексте реализации интеграционных процессов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.157-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-157-163.

Information about the authors:

Vladimir V. Podberezny, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences and Life Safety, Rostov State Economic University (RINE), Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch), Taganrog, Russia
Podberes@mail.ru

Rimma V. Zarubina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences and Life Safety, Rostov State Economic University (RINE), Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch), Taganrog, Russia
r.zarubina@yandex.ru

Valentina A. Petrushenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences and Life Safety, Rostov State Economic University (RINE), Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch), Taganrog, Russia
petrsvet@mail.ru

Received: 03.04.2018

For citation: Podberezny V.V., Zarubina R.V., Petrushenko V.A.. Modernization of education in the context of the implementation of integration processes Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 157-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-157-163. (in Russ)

УДК 316. 6 + 81.33

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170

СИРКИЯ Наталья Павловна
Кубанский государственный технологиче-
ский университет
Краснодар, Россия
n.sirkiya@mail.ru

Natalya P. SIRKIYA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
n.sirkiya@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС vs
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (КОГНИТИВНЫЙ
АСПЕКТ)**

**POLITICAL DISCOURSE vs POLITICAL INTERNET
DISCOURSE: SIMILARITIES AND DISTINCTIONS
(COGNITIVE ASPECT)**

Исследование политической коммуникации в условиях современной международной ситуации находится в фокусе интересов многих наук, в том числе и психолингвистики. Статья посвящена исследованию современного политического интернет-дискурса как специфической формы общения. Освещаются общие подходы к феномену дискурса в современной лингвистике и уточняются понятия «политический дискурс» и «политический интернет-дискурс», а также исследуются их сходства и различия с точки зрения системообразующих признаков и когнитивно-дискурсивной деятельности участников коммуникации. Исследуются особенности функционирования номинативных метафор, употребляемых для именования участников политических событий, и их потенциал речевого воздействия в условиях «информационной войны», когда правильно выбранный прием речевого воздействия может значительно повлиять на политические взгляды адресата. В статье делается вывод о том, что политический интернет-дискурс представляет собой синкретичный феномен, модернизирующий и трансформирующий функции политической коммуникации посредством возможностей Интернета. Автор акцентирует внимание на том, что при помощи наименований, образованных на основе метафорического переноса: ватник, колорады, укры, хамонисты, кукловод, марионетка, фашисты, китайский болванчик и т.д. - происходит категоризация и систематизация воспринимаемой информации в сознании человека, а также моделирование имиджа тех или иных участников политических событий. Доминирующая роль фактора неинституциональности, информативности, эмоциональности, смысловой неопределенности и театральности политического интернет-дискурса подчеркивается функционированием политических метафор-наименований, отражающих специфические характеристики объекта и оказывающих психологическое воздействие на реципиента. Специфичность реализации когнитивно-дискурсивной деятельности участников коммуникации позволяет выделить политический интернет-дискурс в отдельный вид дискурса.

Ключевые слова: политический интернет-дискурс, институциональный дискурс, неинституциональный дискурс, номинативная метафора, речевое воздействие, когнитивно-дискурсивная деятельность

The study of political communication in the current international situation is in the focus of the interests of many sciences, including psycholinguistics. The article is devoted to the study of modern political Internet discourse as a specific form of communication. The general approaches to the phenomenon of discourse in modern linguistics are covered. The concepts of "political discourse" and "political Internet discourse", their similarities and differences are clarified and analyzed from the point of view of system-forming features and cognitive-discursive activity of communication participants. The peculiarities of nominative metaphors used for naming political events participants and their potential for speech impact in conditions of "information warfare" are investigated. The author stresses the fact that the correctly chosen method of speech influence can significantly affect the political views of the addressee. The article concludes that political Internet discourse is a syncretic phenomenon that modernizes and transforms the functions of political communication through the possibilities of the Internet. The dominant role of the factor of noninstitutionality, informativeness, emotionality, semantic uncertainty and theatricality of the political Internet discourse is emphasized by the functioning of political metaphors reflecting the specific characteristics of the object and having a psychological effect on the recipient. The specific characteristics of communication and the peculiarities of cognitive-discursive activity of political event participants allows us to distinguish the political Internet discourse as a separate type of discourse.

Keywords: political Internet discourse, institutional discourse, not institutional discourse; nominative metaphor, speech influence, cognitive-discursive activity

Политическая коммуникация, реальная и виртуальная, затрагивает все важные сферы человеческой жизни, оказывает влияние на судьбы, интересы и целевые установки людей. В условиях современной международной ситуации исследование политической коммуникации приобретает особое значение.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа политического интернет-дискурса как специфического феномена политической коммуникации и выявления когнитивных механизмов, лежащих в основе репрезентации действительности и способов их языкового выражения. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые были проанализированы понятия «политический дискурс» и «политический интернет-дискурс», их сходства и различия с точки зрения системообразующих признаков и когнитивно-дискурсивной деятельности участников коммуникации.

Обращаясь к понятию «дискурс», прежде всего, стоит дать ему определение. Термин «дискурс» применяется и интерпретируется по-разному во многих областях знаний и в связи с этим не имеет однозначного определения. Объединяет все трактовки этого понятия лишь происхождение термина от французского «discours» - речь, в остальном определения могут разниться в зависимости от сферы применения. В нашем исследовании мы принимаем позицию Н.Д. Арутюновой, рассматривающей феномен «дискурс» с трех позиций: это связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и др. - факторами; это текст, взятый в событийном аспекте; это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [14, с. 136].

Зачастую в работах, посвященных феномену дискурса, смешиваются термины «речь», «дискурс» и «текст». Вслед за Д.В. Шапочкиным мы полагаем, что «дискурс - это широкое обобщающее понятие, включающее в себя такие неравнозначные компоненты, как текст и речь. При этом под дискурсом подразумевается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под текстом - конечный результат процесса речевой деятельности» [11, с. 52]. Дискурсивная деятельность является важным и специфичным видом человеческой деятельности, тесно связанным с когницией. «Именно дискурсивная деятельность обеспечивает реализацию целого ряда когнитивных возможностей и способностей человека, прежде всего таких, как восприятие, память, прогнозирование, ментальное соотнесение событий, выстраивание ассоциативных связей, установление причинно-следственных закономерностей и др.» [6, с. 151]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что продуцирование дискурса - это когнитивный процесс, предполагающий операцию над знаниями о мире и их языковую репрезентацию.

Для определения политического дискурса в некоторых случаях исследователи опираются на широкий подход к политической коммуникации, который позволяет причислить к ней «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [12, с. 34], или ориентируются на более узкий подход, как в работах голландского лингвиста Т. ван Дейка, который определяет политический дискурс как дискурс политиков, ограниченный профессиональными рамками, деятельностью политиков и продуцируемый в институциональной политической обстановке [цит. по: 11, с. 72].

Развитие коммуникационных технологий, а именно Интернета, привело к появлению такого феномена, как «интернет-коммуникация» и «интернет-дискурс». Как отмечает Н.А. Ахренова, «интернет-дискурс представляет собой процесс создания текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей и механизмы их сознания - когнитивные процессы» [1, с. 7].

Представляя собой глобальную сеть, Интернет проникает во все сферы человеческой жизни, в том числе и политику. Безграничные возможности для коммуникации в сети, обмена информацией и создания своего собственного контента в чатах, блогах, комментариях к статьям и видеороликам оказывают серьезное влияние на общественное мнение и процессы когнитивно-дискурсивной деятельности человека. В последнее время исследователи все больше говорят о появлении «политического интернет-дискурса». Как отмечает Ю.Р. Тагильцева, «политический интернет-дискурс - это синкретичный продукт, возникший в результате слияния двух дискурсов - политического и собственно интернет-дискурса» [10, с. 18].

Таким образом, появившийся в последнее время совершенно новый вид дискурса представляет собой довольно сложный объект исследования, объединяющий в себе характерные признаки и функции двух дискурсов. Очевидно, что такой тип дискурсивной практики должен обладать новыми качествами.

Целью нашего исследования является выявление системообразующих признаков политического интернет-дискурса и его отличий от политического дискурса, детально исследованного Е.И. Шейгал [12, с. 57-91].

Прежде всего политический дискурс характеризуется как *институциональный*. В.А. Даулетова в своей работе отмечает, что «институциональность дискурса определяется субъектно-адресными отношениями, которые представлены общественно-институциональной коммуникацией, а также коммуникацией между институтом и гражданином» [3; 15]. В этом случае под субъектами политической коммуникации мы понимаем: политического лидера, политические партии и объединения; средства массовой коммуникации; индивида, социальную группу и общество в целом. В рамках политического дискурса осуществляется статусно-ролевое общение, которое происходит не между конкретными людьми, а между представителями социальных институтов. Институциональный дискурс навязывает субъектам определенные стратегии общения, при которых адресант является более активным и посредством дискурсивных практик внушает адресату политические реалии, оценки и установки, а адресат, в свою очередь, является более пассивным объектом воздействия.

Политический интернет-дискурс - *неинституциональный* дискурс, в котором общение не является статусно-ролевым. Интернет дает возможность устанавливать интерактивное взаимодействие в рамках виртуального диалога, т.е. адресант и адресат являются одинаково активными. В блогах, чатах, комментариях к статьям и видеороликам и в социальных сетях даже пассивный интернет-пользователь время от времени оказывается активно коммуницирующим человеком. Психологическая уверенность в информационной свободе способствует не только повышению вовлеченности граждан в политическую жизнь страны и решение значимых общественных проблем, но позволяет также задействовать широкий спектр приемов для манипуляции сознанием субъектов политической коммуникации. По словам Н.А. Красильниковой, в неинституциональном дискурсе провоцируется и раскрывается ответная реакция общества на послания политических агентов [5, с. 130]. В качестве субъекта речи в политическом интернет-дискурсе выступает на первое место индивид - представитель общества, интерпретирующий общественно-политические явления и свободно выражающий свое мнение. Таким образом, в отличие от институционального политического дискурса в политическом интернет-дискурсе наглядно отражается общественное сознание и ценностные ориентации в обществе.

Дистанцированность политической коммуникации напрямую понимается под дистанцией, которая лежит между политическим деятелем и народом в физическом и психологическом плане. Если официальная политическая коммуникация осуществляется в большей степени через посредника: журналиста, политолога, уполномоченного представителя предвыборного штаба и т.д., то интернет-коммуникация позволяет политикам и широким массам вступать в непосредственный диалог. В целом по своей природе политический интернет-дискурс является более доступным, демократическим средством коммуникации и предполагает обратную связь, существенно сокращая дистанцию между коммуникантами.

Одной из главных функций политической коммуникации является передача информации и ее интерпретация. Соотношение *информативности* (фактологической информации) и *фатичности* (экспрессивности, эмотивности) варьируется в зависимости от жанра политической коммуникации. Фатическая коммуникация составляет важнейший пласт политического дискурса. Как отмечает О.В. Спиридовский, «в первую очередь это объясняется тем, что агенты политического дискурса (политики) не заинтересованы в подлинно информативном общении, их главная цель - получить или сохранить статус политического субъекта, а вместе с ним - и доступ к властным ресурсам (во многом по своему характеру именно коммуникативным)» [9, с. 120].

Политический интернет-дискурс является благодатной почвой для распространения информации и речевых манипуляций. Такое понятие, как «информационная война» - война дискурсов и интерпретаций политических явлений, все больше способствует использованию скрытых возможностей языка. По словам Е.В. Бастун, языковое манипулирование - это выбор и использование тех языковых средств, с помощью которых можно воздействовать на аудиторию [2, с. 60]. Достоверность и объективность информации в интернет-сети сложно проверить, поэтому вброс «фейковых» новостей становится обыденностью и оказывает деструктивное влияние на индивидуальное и общественное сознание.

Динамичность политического дискурса выражается в подвижности лексического состава, который очень быстро реагирует на изменения в политической жизни общества. Особенно четко это просматривается на примере номинативных метафор, употребляемых для именования политических деятелей и участников политических событий. Если в официальном политическом дискурсе процесс метафоризации ограничен институциональными рамками и призван сглаживать наиболее острые высказывания, то в политическом интернет-дискурсе метафорическое речетворчество не знает границ и служит для эмоционально-экспрессивного выражения субъективного отношения к содержанию или адресату речи.

Анализ современных номинативных единиц, появившихся в политическом интернет-дискурсе в период «информационной войны» между Россией и Западными странами, показал, что значительная часть этих наименований образована на основе метафоризации. Метафора как особая форма мышления, основанная на интеллектуальной и когнитивной деятельности человека, становится оружием и средством манипуляций. Очевидно, что метафорическая сила воздействия таких номинаций, как *ватник*, *колорады*, *бандерлоги*, *хамонисты*, *путинисты*, *укры*, направлена на сдвиг в системе ценностей адресата. «Дмитрий Викторович, Вы не тварь, Вы заблудший тупой путинист - ватник. Перестаньте быть путинистом, и никто не будет упрекать Вас за тупость» [18]. «Уважаемые земляки! Не забывайте, что вы - жители Донбасса. Вы свободны и горды, а не "ватники" и "колорады"» [4]. Политический «нейминг» становится проявлением когнитивного механизма восприятия и понимания политических событий и реакцией участников коммуникации на изобилие противоречивой информации в сети [8, с. 184].

Театральность политического интернет-дискурса тоже связана с метафорическими номинациями театра, функционирующими в политической коммуникации. *Марионетка*, *кукловод*, *китайский болванчик*, *шут*, *клоун* - свидетельствуют о восприятии политических событий через театральные образы. Подобные номинации характеризуются уничижительной коннотацией массового зрелища, лицемерия, иронии, сарказма и содержат импликацию «нереальности» политических событий, в которых существенным является элемент постановки и сценария, а актеры вынуждены просто исполнять роль.

Как отмечает Е.И. Шейгал, в политическом дискурсе «наблюдается тенденция к смысловой неопределенности» [12, с. 66]. Политические понятия, ввиду своей абстрактности, широты и сложности значений, «обозначают комплексы идей, весьма отдаленных от непосредственного опыта человека; трудность понимания таких слов проистекает из сложности внеязыковой действительности» [12, с. 67]. Восприятие сложных явлений происходит с опорой на субъективный опыт реципиента, что и выражается в появлении метафорических номинаций в процессе дискурсивного освоения политических явлений. Возникновение новых номинаций является своеобразным ответом на социальный запрос, результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности. Относительность обозначения зависит от политических убеждений участника коммуникации. Так, упомянутый выше пример оскорбительной номинации *ватник*, часто встречающейся в блогах русофобов, имеет совершенно противоположное значение в реакции российских патриотов: «Я - ватник и горжусь этим!» [13], «Назови меня "ватником". Заставь меня гордиться!» [15]. Похожая ситуация складывается с уничижительными номинациями украинских патриотов - *укропы*, или *укры*. Это ироничное название относится

к тем представителям украинцев, которые отрицают тот факт, что они имеют общие корни и историю с Россией, и считают себя потомками некоего древнего народа, исторические факты о существовании которого значительно разнятся. В основе метафорического переноса лежит презрение, уничижение, из которого и вырастает название людей. Но в украинском политическом интернет-пространстве *укроп* - это символ гордости. «УКРОП - это украинское сопротивление», - так объяснил значение слова президент Украины Петр Порошенко [7].

Смысловая неопределенность в политическом интернет-дискурсе связана с *фантомностью* (нереальность политических явлений), *фидеистичностью* (опора на подсознание) и *эзотеричностью* (специфичность знаков) политической коммуникации. Для современной политической ситуации характерна тенденция к созданию политических фантомов, фиктивных событий, возникновение и существование которых возможно только в рамках дискурса. Убеждение пользователей сети в реальности происходящего события осуществляется непосредственным воздействием на эмоции и подсознание через метафору, призванную внести когнитивные изменения в картину мира коммуникантов. Примером подобного феномена может послужить отношение западных стран к России как стране-агрессору. Речевое воздействие, а в данном случае «демонизация» России, осуществляется через суггестивный потенциал метафорических новообразований, связанных с темой фашизма, - *nazi*, *Hitler*, *фашики*, *колорады*, - призванных создать образ врага-агрессора, с которым нет и не может быть примирения.

Таким образом, сравнение системообразующих признаков политического дискурса и интернет-дискурса показывает, что:

1) политический интернет-дискурс является *неинституциональным* дискурсом, в котором общение выходит за рамки статусно-ролевого;

2) в отличие от политического дискурса, возможности политического интернет-дискурса позволяют устанавливать интерактивное взаимодействие между политиками и широкими массами, что существенно сокращает *дистанцированность* политической коммуникации;

3) соотношение *информативности* и *фатки* варьируется в зависимости от жанра политической коммуникации в обоих видах дискурса, но политический интернет-дискурс в большей степени является подходящим для информационных войн и языковых манипуляций;

4) *динамичность* политического интернет-дискурса обеспечивается постоянным обновлением лексического состава. Особо стоит отметить новообразования на основе метафоризации, употребляемые для эмоционально-экспрессивной реакции на политические события;

5) *театральность* политического дискурса проявляется в том, что одна из сторон коммуникации - политики, разыгрывающие «спектакль» для народа - пассивного зрителя. В политическом интернет-дискурсе роль «зрителя» становится более активной за счет возможности свободно выражать свое мнение и давать характеристики политическим деятелям;

6) *смысловая неопределенность*, *фантомность*, *фидеистичность*, *эзотеричность* проявляются в политическом интернет-дискурсе в моменты реализации его прагматической интенции в целях оказания на реципиента определенного коммуникативного воздействия.

Как показало исследование, политический интернет-дискурс на сегодняшний день является значимым каналом и специфической формой политической коммуникации. С точки зрения системообразующих признаков политический интернет-дискурс представляет собой синкретичный феномен, модернизирующий и трансформирующий функции политической коммуникации посредством возможностей Интернета. Специфичность реализации когнитивно-дискурсивной деятельности участников коммуникации позволяет выделить политический интернет-дискурс в отдельный вид дискурса.

Доминирующая роль фактора неинституциональности, информативности, эмоциональности, смысловой неопределенности и театральности политического интернет-дискурса подчеркивается функционированием политических метафор-наименований, отражающих специфические характеристики объекта и оказывающих психологическое воздействие на реципиента. При помощи метафор происходит моделирование имиджа тех или иных участников политических событий. Особенно явно это проявляется в условиях информационной войны, где правильно выбранный прием речевого воздействия может значительно повлиять на политические взгляды адресата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2009. - 36 с.
2. Бастун Е.В. Речевые манипуляции в политическом дискурсе / Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения М.И. Цветаевой. - Краснодар: Юг, 2017. - 166 с.
3. Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Волгоград, 2004. - 22 с.
4. Захарченко Александр @News_NewRussia 23.03.2017. [Электронный ресурс]. - URL: https://twitter.com/News_NewRussia/status/844906526083076096 (дата обращения: 25.04.2017).
5. Красильникова Н.А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети интернет // Политическая лингвистика. - 2012. - № 4(42). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-neinstitutsonalnyy-politicheskiy-diskurs-v-seti-internet> (дата обращения: 12.04.2018).
6. Магировская О.В. Перспективы когнитивных исследований дискурса // Вестник ГУ. - 2014. - № 6 (335). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kognitivnyh-issledovaniy-diskursa> (дата обращения: 12.04.2018).
7. Порошенко призвал украинцев гордиться уропом, "Укроп" - это украинское сопротивление! - 09.09.2014. [Электронный ресурс]. - URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2970647> (дата обращения: 25.04.2017).
8. Сиркия Н.П. Когнитивная метафора в контексте формирования патриотической культуры студентов // Научные труды КубГТУ. - Краснодар, 2016. - № 16. - С. 183-187.
9. Спиридовский О.В. Фатическая составляющая политической коммуникации (на материале президентского дискурса) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2011. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faticheskaya-sostavlyayuschaya-politicheskoy-kommunikatsii-na-materiale-prezidentskogo-diskursa> (дата обращения: 12.04.2018).
10. Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2006. - 251 с.
11. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: Монография. - Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. - 260 с.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. - Волгоград, 2000. - 440 с.
13. «Я - ватник и горжусь этим!» Движение активных людей [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.dal.by/news/2/15-02-15-7/> (дата обращения: 10.03.2018).
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. В.Н. Ярцева. 1998 / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
15. Сусурон. «Назови меня "ватником"! Заставь меня гордиться!» [Электронный ресурс]. - URL: <https://susyron.livejournal.com/3261308.html> (дата обращения: 21.03.2018).
16. Science Club Russia @Science_club_Ru [Электронный ресурс]. - URL: https://twitter.com/SCIENCE_CLUB_RU/status/989562377573105664 (дата обращения: 25.04.2017).

REFERENCES

1. Akhrenova N.A. Internet-diskurs kak globalnoe mezhkulturnoe yavlenie i ego yazykovoe oformlenie [Internet discourse as global cross-cultural phenomenon and its language registration]: avtoref. diss. ... d. filol. n. Moscow, 2009. 36 p. (in Russian)
2. Bastun E.V. Rechevye manipulyacii v politicheskom diskurse [Speech manipulations in a political discourse]. Topical issues of philological researches: materials of the International scientific and practical conference devoted to the 125 anniversary since the birth of M.I. Tsvetaeva. Krasnodar: Publishing house - the South, 2017. 166 p. (in Russian)
3. Dauletova V.A. Verbal tools for autoimage [Verbalnye sredstva sozdaniya avtoimidzha]: Avtoref. diss ... k. filol.n. Volgograd, 2004. 22 p. (in Russian)

4. Zakharchenko Alexander @News_NewRussia of 23.03.2017 Available at: URL: https://twitter.com/News_NewRussia/status/844906526083076096 (accessed 25 April 2017) (in Russian)
5. Krasilnikova N.A. Obshestvo i neinstitutionalnyj politicheskij diskurs v seti internet [Society and not institutional political discourse on the Internet]. Political linguistics. 2012. No. 4 (42). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-neinstitutsionalnyy-politicheskiy-diskurs-v-seti-internet> (accessed 12 April 2018) (in Russian)
6. Magirovskaya O.V. Perspektivy kognitivnyh issledovaniy diskursa [Prospects of cognitive researches of a discourse]. Messenger of ChelGU. 2014. No. 6 (335). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kognitivnyh-issledovaniy-diskursa> (accessed 12 April 2018). (in Russian)
7. Poroshenko has urged Ukrainians to be proud of ukrop, UKROP is the Ukrainian resistance! 09:09. 2014 [Electronic resource]. Available at: <http://maxpark.com/community/politic/content/2970647> (accessed 25 April 2017) (in Russian)
8. Sirkiya N.P. Kognitivnaya metafora v kontekste formirovaniya patrioticheskoy kul'tury studentov. [A cognitive metaphor in the context of formation of patriotic culture of students]. Scientific works of KUBGTU, No. 16, Krasnodar, 2016. Pp. 183-187 (in Russian)
9. Spiridovsky O.V. Fatcheskaya sostavlyayushhaya politicheskoy kommunikatsii (na materiale prezidentskogo diskursa) [Fatcheskaya a component of political communication (on material of a presidential discourse)]. Bulletin of VSU. Series: Linguistics and crosscultural communication. 2011. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fatcheskaya-sostavlyayushchaya-politicheskoy-kommunikatsii-na-materiale-prezidentskogo-diskursa> (accessed 12 April 2018) (in Russian)
10. Tagiltseva Yu.R. Sub"ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse .[A subjective modality and tonality in a political Internet discourse]: diss. ... k. filol. n. Yekaterinburg, 2006. 251 p. (in Russian)
11. Shapochkin D.V. Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt [Political discourse: cognitive aspect]: monograph. Tyumen: Publishing house of the Tyumen state university, 2012. 260 p. (in Russian)
12. Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of a political discourse]: diss. ... d. filol. n. Volgograd, 2000. 440 p. (in Russian)
13. «YA - vatnik i gorzhus' ehtim!» Movement of active people. Available at: <http://www.dal.by/news/2/15-02-15-7/> (accessed 10 March 2018) (in Russian)
14. Yazykoznanie. Bol'shoj ehntsiklopedicheskij slovar'. V.N. Yartseva. [Linguistics. Great encyclopedic dictionary] 1998. Gl. red. V. N. YArtseva. - 2-e izd. M.: Great Russian Encyclopedia, 1998. 685 p. (in Russian)
15. Cycyron. «Nazovi menja "vatnikom"! Zastav' menja gordit'sja!». Available at: <https://cycyron.livejournal.com/3261308.html> (accessed 21 March 2018) (in Russian)
16. Science Club Russia @Science_club_Ru Available at: https://twitter.com/SCIENCE_CLUB_RU/status/989562377573105664 (accessed 25 April 2017) (in Russian)

Информация об авторе:

Сиркия Наталья Павловна, старший преподаватель, Кубанский государственный технологический университет, кафедра иностранных языков № 2, Краснодар, Россия
n.sirkiya@mail.ru

Получена: 12.04.2018

Для цитирования: Сиркия Н.П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект). Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.164-170.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170.

Information about the author:

Natalya P. Sirkiia, Senior Lecturer, Department of Foreign languages No. 2, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
n.sirkiya@mail.ru

Received: 12.04.2018

For citation: Sirkiia N.P. Political discourse vs political internet discourse: similarities and distinctions (cognitive aspect). Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 164-170.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. (in Russ)

УДК 314.5

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-171-177

ШАПОШНИКОВ Дмитрий Александрович
Научный клинический центр им. В.А. Алмазова
диакон РПЦ МП
Санкт-Петербургская духовная академия
г. Санкт-Петербург, Россия
dmitr@dmitr.com.

Dmitry A. SHAPOSHNIKOV
Almazov National Medical Research Centre
Deacon of the Russian Orthodox Church
St. Petersburg Theological Academy
Saint-Petersburg, Russia
dmitr@dmitr.com

ТРАДИЦИОННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЕЙ

TRADITIONAL CHRISTIANITY AND LEGITIMATION OF EXTRAMARITAL AFFAIRS

Многообразие биоэтических проблем и морально-нравственных категорий, существующих в современном мире, ведет к тому, что современное общество не знает, как себя вести, столкнувшись с той или иной ситуацией в биоэтике. Предпринимаются многочисленные попытки сформировать модели поведения и моральные стереотипы, которые помогают людям разбираться в сложных ситуациях, имеющих отношение к биоэтике. Однако основное направление этой деятельности имеет отчетливый уклон в сторону секулярного мировоззрения, которое в настоящее время претендует на некую универсальность и всеобщность. Мнение традиционных христиан в общем информационном потоке по большей части незаметно, а при появлении высказываний христиан на эту тему они в лучшем случае игнорируются. В этой связи представляет интерес изучение особенностей светского подхода к проблемам биоэтики, а также оценка процессов, которые привели к тому, что биоэтика почти полностью утратила способность воспринимать христианское мировоззрение. В настоящей работе рассматривается отношение к сексуальности и деторождению, существующее в современном обществе, отношение общества к добрым связям, анализируются причины, приведшие к подобному отношению. Предпринята попытка описать источник разногласий по вопросу внебрачных отношений между светской культурой и той частью общества, которая ассоциирует себя с традиционным христианством. Описываются причины и результаты либерализации интимных отношений. Показано, что светская биоэтика как общественная дисциплина способствует тому, что отношение светского общества к вопросам пола все существеннее отдалается от отношения, свойственного традиционным христианам. Оценивается риск использования биоэтики в качестве идеологического инструмента, формирующего в обществе упрощенное отношение к сексуальности.

Bioethical issues and moral categories in today's world are quite diverse, and the society is often uncertain how to respond to this or another bioethical challenge. Many attempts have been made to formulate behavioral models and moral stereotypes to help people navigate through complex bioethical issues. However most of these attempts were distinctly leaning towards secular philosophy, as it is seemingly universal and broadly accepted. Meanwhile the opinion of traditional Christians is barely noticeable in this information field, and often ignored, at best. Therefore it is of special interest to study how secular approach to bioethics has become almost entirely unable to comprehend Christian viewpoint. This work looks into the issues of sexuality and childbirth in today's society. The study investigates the society's perception of premarital liaisons and analyses the causes behind such perception. It attempts to characterize the source of different views on extramarital affairs existing in civic culture versus the part of the society associated with traditional Christianity. The work summarizes the causes and the results of liberalized intimacy relationships. The demonstration is that secular bioethics as a discipline promotes distancing of public opinion on the issues of intimacy from the values of traditional Christianity. Finally, the study evaluates the risks of using bioethics as an ideology instrument to form a simplistic view of sexuality in the society.

Ключевые слова: светская биоэтика, христианская биоэтика, сексуальность, светская культура, семья, сожителство, гражданский брак, равноправие полов, целомудрие, православие

Keywords: secular bioethics, Christian bioethics, sexuality, secular culture, family, cohabitation, civil marriage, gender equality, chastity, orthodoxy

Современное секулярное общество признает внебрачные связи как некий не требующий доказательств элемент социальной жизни. В современной культуре не просто отсутствует положительное понимание целомудрия; по своей сути эта культура выступает против целомудрия. Оппонентов эта культура обвиняет в пуританском или ханжеском отношении к сексу. После того, как Зигмунд Фрейд изменил культурное понимание чело-

веческого процветания, сексуальные отношения заняли центральное и совершенно незаменимое место в понимании успешной и здоровой жизни. Последователи Фрейда (Вильгельм Райх, например) даже связывали половое воздержание с тенденциями к насилию (в качестве замены половому удовлетворению) и политическим тоталитаризмом. Ожидалось, что сексуальное освобождение приведет к установлению в обществе мира и взаимоуважения. Возникла не требующая доказательств точка зрения, что любой может вступать в половые отношения на стороне, даже в браке, и такое поведение составляет сущность «самореализации».

Моральная революция 1960-х и 1970-х годов отдала центральное место «свободной от подавления» сексуальной самореализации. Подобное изменение моральных норм интенсивно поддерживалось общественными средствами массовой информации, освещавшими истории сексуального насилия в браке, даже по отношению к детям. В большой степени подобная огласка случаев насилия имела целью оправдание сексуального самоопределения (а также сексуального просвещения и самореализации) для женщин.

В США и Западной Европе существует отчетливый сдвиг в сторону сожительства с половым партнером без брака [1]. «Большинство людей теперь живет вместе перед тем, как первый раз пожениться. Растет количество и тех, кто разводится и впоследствии женится повторно, сначала пожив вместе. Увеличивается и количество людей, как молодых, так и зрелого возраста, которые живут вместе, не имея планов пожениться в будущем» [2].

В Европе демографическая ситуация характеризуется значительным ослаблением традиционного брака и семьи и тенденцией к сожительству без брака или перманентному неженатому (незамужнему) состоянию. С середины 1990-х до начала 2000-х количество браков снизилось, а количество сожителей возросло на 23% в Италии и Австралии, 53% в Великобритании и 49% в США. В этот же период число детей, рожденных вне брака, в США увеличилось на 24%, в Великобритании на 48%, в Италии на 96%. В этот же период число детей, рожденных вне брака, в США увеличилось на 24%, в Великобритании на 48%, в Италии на 96% [3]. В некоторых западных странах внебрачное сожительство даже поддерживается законом. Например, в Германии внебрачные сожительства законодательно признаются и называются «гражданским союзом» или «зарегистрированным партнерством» [4].

Появление надежных средств контроля над рождаемостью, в особенности контрацептивных препаратов, означает, что теперь женщина может вступать в половые отношения где, когда и с кем захочет, без риска забеременеть. Многие отмечают основную роль именно контрацептивных препаратов в сексуальной революции 1960-х и 1970-х. Половые отношения без брака не являются изобретением современного поколения, однако та открытость, с которой они практикуются и поддерживаются (а подчас даже празднуются) в современной культуре, отражает сдвиг в социальном восприятии, нравах и общепризнанных моральных обязательствах. Секулярная идеология поддерживает эксперименты в половой сфере, включая гомосексуальное поведение, для того, чтобы человек мог определить собственные индивидуальные предпочтения. Различия между допустимым и недопустимым в половых отношениях в современной культуре определяют соглашения участников.

Вследствие центральной позиции сексуальной самореализации вступление в брак без предварительной проверки возможного брачного партнера на способность доставлять удовольствие стало чем-то невообразимым. В результате возникла парадоксальная ситуация в обществе, в котором, с одной стороны, господствует гиперэротизм, а с другой - нет возможности поддерживать демографический уровень. Это произошло не только вследствие приемлемости и доступности недорогих и эффективных контрацептивов наряду с абортами, но в большей степени благодаря фундаментальным изменениям ценностей: сексуальное удовлетворение стало самоцелью, ограниченной только согласием. Отделение сексуальности от продолжения рода частично заимствовано еще из греко-римской культуры времен Христа и апостола Павла. Апостол говорил: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного

тела» (1 Кор. 6:18). Это воззвание адресовано культуре, в которой половые отношения вышли за пределы брака, существуют просто для удовольствия и с явно выраженным нежеланием иметь детей.

Существующее в современной культуре пренебрежение учением Апостолов распространяется на Западе и на большинство тех, кто высказывается в пользу традиционного христианства. Эти ораторы изменили основное направление своих христианских высказываний. Они занимаются приведением своих высказываний в соответствие с понятиями человеческого достоинства, равенства, прав человека и социальной справедливости, то есть с тем информационным полем, в котором существуют современные либеральные демократии.

Кроме наиболее консервативных римо-католиков, на Западе никто не поддерживает идею воздержания до брака. Менее консервативные католики пытаются делегитимизировать традиционную поддержку целомудрия, для чего публикуются данные о широко распространенном несогласии с такими нормами среди подавляющего большинства верующих [5]. Причина такого богословского приспособленчества (а также невозможности противостоять распространившейся практике аборт при неудачной контрацепции) может содержаться в самой истории западного христианства. Веками искажаемое учение о браке целенаправленно обесценивало дар человеческого сексуального удовольствия, относясь к этому удовольствию, даже в контексте брака, как к чему-то греховному. Блаженный Августин ошибочно понял некоторые замечания апостола Павла (1 Кор. 7:7) как поддерживающие его собственную неоплатоническую склонность полностью пренебрегать физическим существованием наряду с сопутствующим ему физическим удовольствием [6]. Позднее западное христианство восприняло эти предрассудки и закрепило ложную интерпретацию разделения апостолом Павлом жизни на жизнь «плоти» и жизнь «духа» (Гал. 5:16). Понятие «плоть» стало восприниматься буквально, а не как обозначение широкого спектра мыслей и действий. Также и понятие «дух» стало использоваться для обозначения рациональной и интеллектуальной жизни человека, вместо обозначения жизни, адекватно (т.е. при поддержке Святого Духа) отвечающей на призыв Христа ко спасению [7]. Такое искаженное понимание игнорирует, например, «плотский» характер интеллектуальных изысканий, совершаемых в состоянии гордости (Гал. 5:20). Это учение оставляет без внимания и «духовное» обоснование оценки брачного ложа как «непорочного» (Евр. 13:4). В результате такого искаженного богословствования сексуальность была сведена к постыдному (но, к сожалению, неизбежному) инструменту для продолжения рода. Христианский идеал целомудрия выродился просто в пренебрежение к одному из источников человеческой радости и в навешивании на эту радость ярлыка греховности.

Деформированная христианская культура, навязывающая мужьям стыдливое отношение к их собственным сексуальным удовольствиям, воздвигла им прочное препятствие к получению таких удовольствий со своими женами в супружеском сосуществовании. В результате должны были возникнуть серьезные ограничения, которые необходимо было принять бескорыстной супружеской любви. Когда исследования и культурные установки, касающиеся сексуального удовольствия, наконец донесли до женщин информацию о том, чего они были лишены, они естественно были шокированы. Они почувствовали, что были лишены того, на что имели право: счастье супружеской жизни. К сожалению, эта возмутительная история в конечном счете легла в основание отказа от христианства как такового. Чтобы дистанцироваться от «христианского» пренебрежения сексуальностью как чем-то дурным, женщины стали игнорировать христианскую традицию во всей ее полноте [8].

Христианская традиция (сохраненная в целостности в Православной Церкви) расценивает сексуальность как составную часть божьего творения. В самом начале мужчина и женщина были призваны не просто «плодиться и размножаться» (Быт. 1:28), но делать это, становясь «одной плотью» (Быт. 2:24). Учитывая и одобряя это сильное стремление людей к этому единению в жизни вне Рая, Божественное пророчество направляло и поддерживало мужей в том, чтобы оставить отца и мать. Это пророчество подтверждает при-

оритет брака перед обязательством подчиняться и заботиться о родителях (Быт. 2:24, Еф. 5:31). Апостол Павел подчеркивает собственное понимание этого единства, говоря о взаимном пользовании телами друг друга (1 Кор. 7:4) и одобряя взаимные обязательства оказывать друг другу «благорасположение» (1 Кор. 7:3).

Комментатор апостола, св. Иоанн Златоуст, определяет это единение в любви как возможность для духовного преобразования сексуального влечения: «Потому и Павел говорил: "никто не ищи своего, но каждый пользы другого" (1Кор.10:24). Польза каждого заключается в пользе ближнего, а польза ближнего в его пользе... То же можно видеть и в делах житейских: ни "жена, - говорит (апостол), - не властна над своим телом", ни муж, но жена мужа, и муж жены (1Кор.7:4)» [9].

Сам Христос сотворил Свое первое чудо на свадьбе (Ин. 2:1-11), показывая этим Свое благословение брака (Евр. 13:4). Он подчеркнул важность исключительной взаимности; говоря о нерасторжимости брака, в качестве единственной причины для развода Христос обозначил «porneia», то есть измену сексуальной верности (Мт. 19:9). Западное пренебрежение сексуальным союзом окончательно закрепилось в том, что священники не должны иметь половых отношений с женами или должны быть безбрачными. Православная Церковь, напротив, всегда подчеркивала праведность правильно ориентированных половых отношений (1 Тим. 4:2-3). «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака, и мяс, и вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что вся добра зело, и что Бог, созидая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом хуля, клеветает на создание: или да исправится, или да будет извержен из священного чина, и отвержен от церкви. Также и мирянин» (Ап. 53, 66; IV Всел. 16; Трул. 13; Анкир. 14; Гангр. 1, 2, 4, 14, 21) Правило 51 Святых Апостолов).

Только при таком понимании сексуальности возможно адекватное восприятие христианского идеала целомудрия [10]. Отношение к собственным телам не как к частной собственности, используемой по личному усмотрению, но как к «храмам Святого Духа» (1 Кор. 6:19) возможно только в перспективе христианской культуры, основанной на Божественной любви. Именно в этом контексте послушания и верности любви святые отцы Церкви рассматривали сексуальность, как отношения в благословленном Церковью браке, как самостоятельную форму целомудрия. Именно об этом в «Церковной Истории» Сократа Схоластика говорил епископ Пафнутий: «Не возлагайте тяжкого ига на мужей посвященных, честен брак и ложе не скверно. Как бы, от избытка строгости, они не причинили вреда Церкви, ибо не все могут перенести подвиг бесстрастия. Может быть, чрез это не сохранится и целомудрие каждой жены (а целомудрием называл он соитие с законною женою)» [11].

Таким образом, абсолютное отвержение сексуальных отношений вне брака не является одной из форм подавления или наказания за что-то. Целью является поместить сексуальное удовольствие в контекст, предназначенный Богом для приближения к Его любви. Соответственно, все сексуальное удовольствие человека помещено в уникальные, имеющие первостепенное значение отношения с супругом (супругой) в том числе и для того, чтобы рождающиеся вследствие этого удовольствия дети, а также вся семья и вообще все близкие люди стали более чуткими к принятию призывающей Божественной благодати.

Разумеется, в условиях падшей человеческой природы для реализации подобного послушания и доверия необходима борьба. После разрыва живой связи с Богом в Раю человек начал страдать и испытывать духовную жажду и тоску, которая также приняла неверное направление. Эта тоска более не сосредоточена на Божественном источнике всех благ.

Напротив, человек сосредоточился на сотворенных вещах, ценность которых воспринимается либо в связи с их воздействием на искаженные страсти человека, либо считается неотъемлемым свойством самих этих вещей, вне всякой связи с волей Творца. В частности, человеческое эротическое влечение к любимому человеку выродилось в стремление к сексуальному (и психологическому) удовлетворению. С учетом того, что

исходно человек был предназначен к соединению в любви с Богом, такое ложно направленное желание постоянно втягивает падшего человека в «прелюбодеяние», измену Божественной любви.

Без здорового христианского наполнения семейной жизни секулярная пропаганда равенства образования и карьерных возможностей (пропаганда, поддерживаемая христианами на Западе) влияет на молодых людей так, что на рубеже второго десятилетия своей жизни они становятся восприимчивы к призывам мира, который хочет «освободить» их от «устаревших» сексуальных норм. Характерной чертой идеологии образовательного и профессионального равенства полов, которое поддерживается как родителями, так и обществом в целом, является поощрение мужчин использовать женщин для их собственного сексуального удовлетворения [12]. Когда женщины беременеют, им сообщается, что допустимость аборта - это целостная часть их правильного освобожденного представления о самих себе. Так, «освобождение» женщин на самом деле освобождает мужчин от обязательств перед детьми, отцами которых они являются. Как видно из этого, аборт является неотъемлемой частью по сути антихристианской цели проекта образовательного и профессионального равенства полов.

Люди по-прежнему вступают в брак в надежде прожить долгую счастливую жизнь. Всем также известно, что многие браки заканчиваются разводами. Брачное законодательство в современном посттрадиционном обществе развивается в направлении либерализации, что всегда связано с разрушением веры в семью.

Существующий в секулярной культуре риск для семейных отношений заключается в том, что в отношениях все отчетливее делается акцент на человеческом достоинстве и равных правах для обоих полов. Несмотря на то, что семейные отношения носят частный, непубличный характер, требование равного статуса со стороны женщин постепенно усиливается. Отвергается традиционный авторитет мужа как главы семьи. Эти требования равенства становятся отчетливее и настойчивее в случае, когда жены независимы экономически. В соответствии с новой, якобы «демократической» моделью семейных отношений на смену взаимным уступкам и компромиссам супружеской любви приходят переговоры о «справедливом» распределении обязанностей и привилегий в доме и вне его [13].

Традиционная христианская гетеросексуальность и нормы полового поведения обвиняются в «гетеропатриархальном отношении к сексуальности» и осуждаются как «провозглашающие бинарные идеалы мужественности и женственности, нормализованной гетеросексуальности и определение социальных ролей по биологическим полам» [14]. В этом отказе от норм христианства секулярная биоэтика наиболее полно проявляется как выражение либеральных прав на сексуальные эксперименты и удовлетворение. Сегодня значительная часть общества рассуждает о гетеро- и гомосексуальных связях, а также об одноразовой развлекательной половой активности преимущественно в терминах «осмысленного ответственного отношения» [15]. Характер стоящей за этим культуры и его отражение в доминирующей секулярной биоэтике таковы, что дети и взрослые больше не рассматривают брак мужчины и женщины как естественные рамки, в которых только и возможна половая жизнь.

При обсуждении отношений мужчины и женщины разногласия между биоэтикой традиционного христианства и секулярными моральными конструкциями, которые доминируют в современной биоэтике, напоминают непреодолимую пропасть. Например, там, где традиционное христианство утверждает допустимость сексуальной активности только в браке мужчины и женщины, секулярная биоэтика поощряет сексуальные эксперименты, гомосексуальное поведение и личный поиск самоудовлетворения. Там, где христианство рассматривает семью как иерархичную и патриархальную структуру, в которой дети осознают авторитет родителей, а все члены семьи объединены в любви и ориентированы к Богу, секулярная биоэтика стремится отделить детей от авторитета родителей, убеждая самих детей становиться авторитетными и способными на принятие самостоятельных решений относительно образа жизни, включая половое поведение. В христианских семьях значительные силы тратятся на воспитание детей в антилиберальном

религиозном понимании традиционного христианства, на осознание приоритета спасения в сравнении с индивидуальной свободой, самоудовлетворением и сексуальной вседозволенностью. Детям прививается понимание ключевой роли повиновения Богу, значение христианской аскетики, ежедневной молитвы и милосердия как понятий, стоящих выше стремления к постоянному улучшению жизненных стандартов. В традиционных христианских семьях также живо понимание важности воспитания в детях осознания глубокой греховности аборта и детоубийства. Существующая секулярная биоэтика, напротив, утверждает для детей право на свободу развития ими их собственной половой идентичности, подчеркивает право на выбор и получение медицинских процедур, таких как обеспечение подростков средствами контрацепции без уведомления родителей или доступность инфраструктуры для аборта [16].

В культуре, которая больше не имеет целью Бога, призыв к освобождению от рабства страстям падшего естества звучит неубедительно. В ней любая аскеза, не ведущая к здоровью, красоте или профессиональному успеху, рассматривается как извращение. В том числе и целомудрие. Даже сам призыв к хранению целомудрия до брака воспринимается враждебно.

Одобрение внебрачных связей и приемлемость аборта как неотложной меры при неэффективной контрацепции, свойственные современной культуре, до некоторой степени можно объяснить протестом против искажения Христианства на Западе со свойственной ему (искажению) враждебностью к сексуальности. Однако это одобрение и приемлемость также свидетельствует об утрате среди многих христиан в Европе и Америке трансцендентного измерения жизни в мире. Широко распространенное мнение о том, что профессиональные достижения сами по себе приведут к появлению подходящего мужа, а в дальнейшем их можно будет легко совмещать с материнством, является опасной иллюзией.

В секулярном обществе детей необходимо защищать от влияния культуры, которая непрерывно вызывает к их страстям, тем самым препятствуя любому христианскому образу жизни. В таком окружении требуется посвящать все возможные ресурсы тому, чтобы поддерживать и питать домашнюю церковно-ориентированную атмосферу.

Секулярная культура рассматривает внебрачные связи как нормальное и здоровое явление. Эту точку зрения если не поддерживают, то смотрят на нее сквозь пальцы большинство западных христианских ученых. Такая позиция является греховной, поскольку препятствует верному восприятию призыва Христа ко спасению, которое невозможно без правильного покаяния и внутреннего противодействия собственным страстям. Это восприятие требует непрерывной работы над умерщвлением «ветхого человека». Цель любой аскетической деятельности, в том числе воздержания от внебрачных связей, в том, чтобы падший человек смог вернуться к союзу любви с Богом. Целомудрие, неважно, в браке или вне брака, представляет собой свободно выбранное послушание призыву Бога к любви, с помощью которого исцеляется человеческий эгоизм, распространившийся вследствие грехопадения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Mark J. Cherry. Sex, Abortion, and Infanticide: The Gulf between the Secular and the Divine. *Christian Bioethics*. 2011. No 17(1). P. 26.
2. Wilcox W.B. & Marquardt E. The State of Our Unions 2009: Marriage in America. Charlottesville, VA: The National Marriage Project. Pp. 69-70.
3. Popenoe D. 2007. The future of marriage in America. In *The State of Our Unions*. ed. D. Popenoe, and B. Whitehead, 8. Piscataway, NJ: The National Marriage Project. Available at: URL: <http://www.studymode.com/essays/The-Future-Of-Marriage-In-America-888321.html> (accessed: 29.11.2016).
4. Corinna Delkeskamp-Hayes, Tibor Imrényi. Claims, Priorities, and Moral Excuses: A Culture's Dependence on Abortion and Its Cure. *Christian Bioethics*. 2013. No 19(2). P. 201.
5. Catholics for a Free Choice, ed. 2004. *A World View: Catholic Attitudes on Sexual Behavior and Reproductive Health*. Washington, DC: Catholics for a Free Choice. Available at: URL:

- <http://www.catholicsforchoice.org/wp-content/uploads/2014/01/2004worldview.pdf> (accessed: 12.04.2018).
6. Augustine Of Hippo. Marriage and lust. The treatises on love / ed. O.P. Barb (Russian Academy of Sciences, 1994). Available at: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-supruzhestve-i-pohoti/ (accessed: 12.04.2018).
 7. Corinna Delkeskamp-Hayes, Tibor Imrényi. Claims, Priorities, and Moral Excuses: A Culture's Dependence on Abortion and Its Cure. *Christian Bioethics*. 2013. No 19(2). P. 203.
 8. Ibid. P. 202.
 9. St. John Chrysostom. Commentary on 1 Corinthians. Chapter 33. Available at: URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_64/33 (accessed: June 26.06.2016).
 10. Corinna Delkeskamp-Hayes, Tibor Imrényi. Claims, Priorities, and Moral Excuses: A Culture's Dependence on Abortion and Its Cure. *Christian Bioethics*. 2013. No 19(2). P. 204.
 11. Socrates Scholasticus. Church history. Book 1. Chapter 11. Available at: URL: http://azbyka.ru/otechnik/Sokrat_Sholastik/tserkovnaja-istorija-socrata/1_1 (accessed: 11.12.2016).
 12. Hauerwas S. Why abortion is a religious issue. In *The Ethics of Abortion*, eds. R.M. Baird and S.M. Rosenbaum. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1993. Pp. 149-169.
 13. Corinna Delkeskamp-Hayes, Tibor Imrényi. Claims, Priorities, and Moral Excuses: A Culture's Dependence on Abortion and Its Cure. *Christian Bioethics*. 2013. No 19(2). P. 210.
 14. Jones T.F. Averting while male (ab)normality: Psychiatric representations and treatment of 'homosexuality' in 1960s South Africa. *Journal of Southern African Studies*. - 2008. No 34. Pp. 397-410, цит. по Mark J. Cherry. Sex, Abortion, and Infanticide: The Gulf between the Secular and the Divine. *Christian Bioethics*. 2011. No 17(1). P. 31.
 15. Mark J. Cherry. Sex, Abortion, and Infanticide: The Gulf between the Secular and the Divine. *Christian Bioethics*. 2011. No 17(1). P. 31.
 16. Ibid. P. 26.

Информация об авторе:

Шапошников Дмитрий Александрович, кандидат медицинских наук, врач отделения рентгенохирургических методов диагностики и лечения, Научный клинический центр им. В.А. Алмазова, диакон РПЦ МП, магистр богословия, аспирант, Санкт-Петербургская духовная академия
г. Санкт-Петербург, Россия
dmitr@dmitr.com
Получена: 14.04.2018

Для цитирования: Шапошников Д.А. Традиционное христианство и легитимация внебрачных связей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.171-177.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-171-177.

Information about the author:

Dmitry A. Shaposhnikov, MD, PhD, Doctor of Department of Endovascular Methods of Diagnostics and Treatment, Almazov National Medical Research Centre, Deacon of the Russian Orthodox Church, Master of Theology, Postgraduate Student, St. Petersburg Theological Academy, Saint-Petersburg, Russia
dmitr@dmitr.com

Received: 14.04.2018

For citation: Shaposhnikov D.A. Traditional Christianity and legitimation of extramarital affairs. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 171-177.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-171-177. (in Russ)

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-178-182

ШЕСТЕРНИН Егор Евгеньевич
Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Россия
egorshest@gmail.com

Egor E. SHESTERNIN
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia
egorshest@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЭКСКЛЮЗИЮ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON SOCIAL EXCLUSION IN MODERN SOCIETY

Социальная эксклюзия представляет собой исключение индивида из сети социальных контактов, вплоть до полной социальной изоляции. В социальных науках анализируются различные типы факторов, приводящих к социальной эксклюзии: материальные (экономические), личностные (психологические), социальные, технологические. Опыт экономически развитых стран, таких как Япония, показывает, что материальное благополучие и высокоразвитая сфера информационных технологий могут формировать предпосылки роста социальной эксклюзии. Потеря работы и низкий социальный статус в высокоразвитом обществе становятся важным фактором, стимулирующим выбор стратегии изоляции индивидами. Наиболее остро эта проблема стоит среди уязвимых слоев населения: безработных, сирот, инвалидов и др. Отсутствие эффективных институтов и механизмов социальной адаптации оказывает усиливающий эффект на изначально невыгодное положение представителей таких групп в системе социальных отношений. Современные представления о комплексном характере социальной эксклюзии требуют и взаимосвязанной системы мер ее профилактики и компенсации. Такая система мер должна включать в себя не просто повышение материального благополучия, но и вовлечение в новые социальные связи, в том числе за счет новых форм трудоустройства и программ социальной адаптации отдельных социальных групп (сирот, безработной молодежи и др.).

Social exclusion is a process leading to exclusion of individuals from social groups and relationships. In its most extreme form, it can result in complete social isolation. Social sciences study various types of factors leading to social exclusion: economical (income and quality of life), psychological (personality traits, attitudes, values), social (effectiveness of social support institutions, group cohesion, etc.), and technological (e.g. information and communication technologies available for people). Practices of economically developed countries (e.g. Japan) show that high level of economic well-being and advanced information technologies can lead to increased risks of social exclusion. For example, losing a job or holding a low social status is a more important factor of social exclusion in highly developed countries. The problem of social exclusion is especially risky for disadvantaged social groups such as unemployed, orphans, people with disabilities, and others. The absence of effective social institutes and mechanisms enforce preexisting inequalities and disadvantaged position of such groups in the system of social relations. To compensate and counter-balance such positive-feedback-based mechanisms, complex system targeting different aspects of exclusion are needed. Contemporary views on complicated and multifaceted nature of social exclusion and external factors imply the corresponding set of compensation and prevention tools. Such a system should include not simply increased economic position but also involvement into new social groups and networks. Establishing new forms of employment and adaptation programs targeted at particular disadvantaged and/or discriminated groups (e.g. unemployed youth, orphans) are some examples of such tools.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная дискриминация, социальная интеграция

Keywords: social exclusion, social discrimination, social integration

Под социальной эксклюзией в современной науке принято понимать исключение индивида из социальных групп и системы социальных связей. Широкое понимание термина «социальная эксклюзия» в научном сообществе зависит во многом от области изучения проявления данного феномена. Исследования с экономическим уклоном стремятся проанализировать материальную сторону, психологи стремятся рассмотреть личностные проявления эксклюзии, социологи исследуют социальную сторону данной проблемы. Это свидетельствует о важности изучения разных аспектов данного явления комплексными и даже междисциплинарными методами. Необходимость и актуальность данной проблемы ставит также вопрос о классификации типов социальных эксклюзий отечественными и зарубежными исследователями, так как на сегодняшний день нет единой классификации факторов проявления данного явления.

Социальная эксклюзия - это процесс, и исследовать факторы ее проявления необходимо в динамике. Проявления эксклюзии анализировались в работах Ф.М. Бородкина,

Л.Е. Курмышовой, Н.Е. Тихоновой, П. Таунсенда, В.Р. Шмитд, П.А. Чукреева, Е.А. Демьянова, Л.В. Корель, З.И. Калугиной, О.И. Шкаратан, С.В. Ярошенко и др. [1-6]. Определяя эксклюзию как процесс, мы знаем, что исследовать можно как ситуацию, так и состояние социальной эксклюзии. Особый интерес представляет комплексное исследование процесса эксклюзии как последовательности состояний социальной депривированности. Научный дискурс в отношении данного явления сводится к единому мнению - социальная эксклюзия как понятие указывает на новые аспекты старых проблем, раскрывает их с иной социологической парадигмы и состояния культурных сфер текущего общества, но, как и любое новое научное понятие, эксклюзия не имеет общепринятой классификации.

При изучении материалов исследований становится понятно, что наиболее глубокая проработка проблемы социальной эксклюзии характерна для исследований отдельных социальных проблем, таких как сфера медицинского обслуживания и поддержка малоимущих. Однако такой узкоспециальный подход не способен решить задачи комплексного изучения социальной эксклюзии, так как данное явление может проявляться во всех сферах жизнедеятельности человека и перетекать из одной сферы в другую, усиливая факторы эксклюзии. Для изучения общей картины необходимо определить все возможные области проявления социальной эксклюзии человека.

Рассматривая социальную эксклюзию через призму системного подхода, необходимо обозначить все элементы жизнедеятельности человека, в которой данное явление может проявляться как в конечной, так и в начальной форме. В современном информационном обществе огромную роль в социализации человека играет система взглядов и ценностей и способы их приобретения. В совокупности то, как ведет себя человек, как зарабатывает на жизнь, чем занимается в свободное время, и есть система индикаторов, которые позволяют понять, кем он является. Но в мире современных технологий, которые генерируют массу информации ежеминутно, этого может оказаться недостаточно. Если раньше по виду человека можно было сказать, кем он является, то сегодня на первый план выходит его образ мыслей и взглядов, которых он придерживается. Парадокс современных средств коммуникации в том, что люди теряют навык личного общения, что приводит к социальной изоляции и множеству сопутствующих личностных проблем.

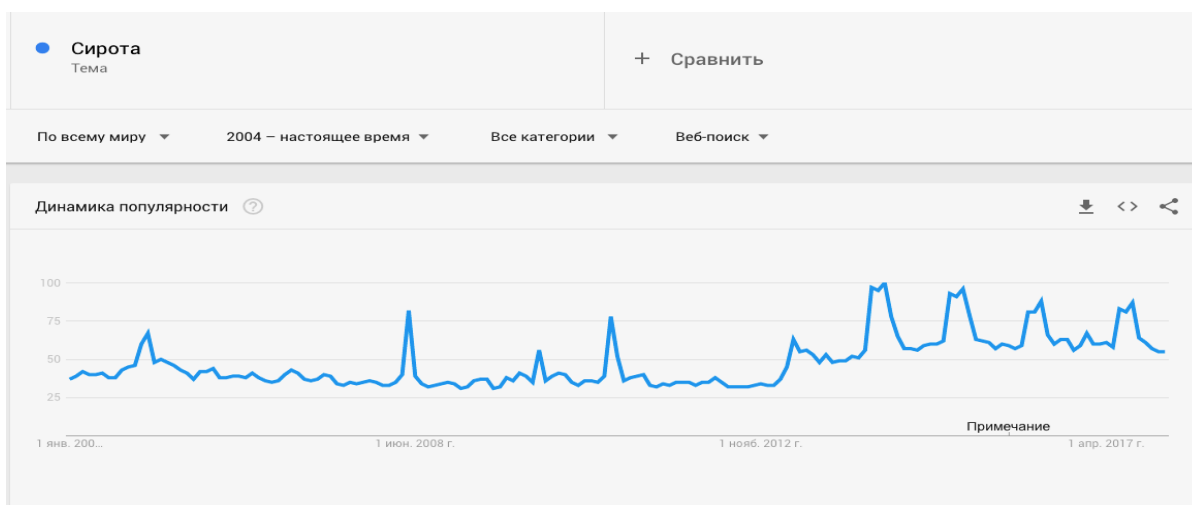
Особенно ярко данное явление проявляется в странах, наиболее развитых в плане современных технологий. Крупнейшая экономика мира после США и Китая - ежегодно теряет более 4 млрд долларов из-за социальных проблем японцев, вызванных совокупностью культурных особенностей и развитием информационных технологий. По данным World Health Observatory, Япония входит в тройку стран-лидеров по числу самоубийств [7]. Социальной проблемой федерального масштаба является социальная изоляция, вызванная сбоями в социальной адаптации японцев.

Невозможность и неумение обсудить свои проблемы и переживания с другими людьми обостряет проблему социальной эксклюзии. У некоторых японцев страх контакта с внешним миром доходит до полной социальной изоляции. По данным разных исследований, количество социально-изолированных японцев варьируется от 0,5 до 1 млн человек, составляя 1,6% населения всей страны [7].

Данный пример наиболее ярко демонстрирует последствия и проявления социальной эксклюзии в системе социальных отношений и показывает перспективы развития данной проблемы в условиях современной России. Несмотря на то, что в России устроиться на работу проще, чем в Японии, ситуация социальной изоляции может проявить себя в полной мере с развитием современных технологий [8-13]. В данном контексте задача современных социологов - не препятствовать развитию современных технологий, а разработать более гибкие механизмы социальной интеграции, которые позволили бы снизить уровень потенциальной эксклюзии среди россиян.

Согласно общепринятым принципам социальной интеграции, важную роль будущей социальной интеграции играет воспитание ребенка. В последние годы общество все чаще интересуется темой социального сиротства (рис. 1).

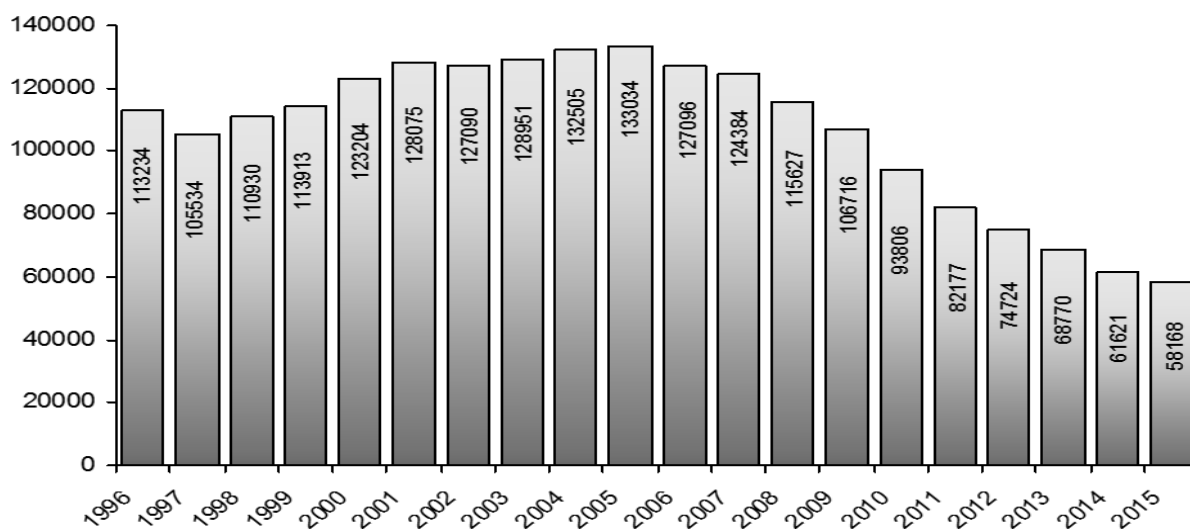
Рис. 1. Динамика интереса к теме «Сирота»
Fig. 1. Dynamics of interest in the topic "Orphan"

Источник: по данным GoogleTrends [14].
Source: according to GoogleTrends [14].

По данным статистики поисковых систем, тема сиротства актуальна и вызывает повышенный интерес людей последние 3-4 года. Тема сиротства актуальна и для современных социологов; социализация и развитие детей, выросших без родителей, является достаточно популярной научной темой в социологии и педагогике [15]. Как показывают статистические данные, в последние годы количество детей-сирот постепенно сокращается (рис. 2).

Рис. 2. Динамика количества детей, воспитываемых в детских домах
Fig. 2. Dynamics of the number of children brought up in orphanages

Источник: Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/1/> (дата обращения: 16.04.2018).

Source: Internet project of the Russian Ministry of Education and Science. Department of State Policy in the field of protection of children's rights [electronic resource]. Access mode: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/1/> (date of addressed: 04.16.2018).

Более 84% детей стали сиротами при живых родителях, по статистике лишь 10% детей-сирот могут в полной мере использовать механизмы социальной интеграции и стать полноценными членами общества. Данный пример показывает также, насколько важна социальная адаптация в системе социальных отношений и к чему приводит исключение механизмов социальной адаптации ребенка во взрослой жизни. Социальное исключение детей-сирот из жизни общества является наглядным примером проявления социальной эксклюзии в системе социальных отношений.

Резюмируя, можно сказать, что изменения в системе социальной интеграции людей могут вызвать проявления социальной эксклюзии. Как мы выяснили, внешние факторы оказывают большое влияние на жизнедеятельность и социальную жизнь как отдельных индивидов, так и целых социальных слоев. Социальная эксклюзия не всегда вызвана недостатком материальных ресурсов и на деле оказывается гораздо более сложным и многомерным явлением, которое может проявляться постепенно, вне зависимости от уровня жизни человека, и имеет накопительный отрицательный эффект, вызванный рядом внешних и внутренних факторов.

Воздействие внешних факторов на социальное поведение человека отличается кардинальным образом от воздействия внутренних факторов. Внешние факторы не являются системными и могут возникать с разной периодичностью, соответственно, человек будет предпринимать другие социальные действия для решения проблем и использовать иные социальные механизмы для предотвращения эксклюзии. С одной стороны, внешние факторы могут оказывать кардинальное влияние на группы индивидов, вызывая необратимые и неожиданные последствия в жизни общества, с другой стороны, реакция человека на внешние социальные явления и его социальные действия могут оказать положительный эффект в борьбе с проявлениями социальной эксклюзии под действием независимых внешних факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. - 2000. - № 3/4.
2. Курмышева Л.К. Эксклюзия как феномен жизни общества // Психология, социология и педагогика. - 2015. - № 3.
3. Townsend P. The international analysis of poverty. - New York: Harvester Wheatsheaf, 1993.
4. Шмидт В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. - 2004. - № 4.
5. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. - 2003. - Т. XII. - № 1. - С. 36-84.
6. Чукреев П.А. Социальная эксклюзия: теоретические и прикладные аспекты исследования // Вестник Бурятского государственного университета. - 2010. - № 6.
7. Global Health Observatory [электронный ресурс] - URL: <http://www.who.int/gho/en/> (дата обращения: 16.04.2018).
8. Ежова Р.А. Социально-экономические последствия интеллектуализации общества и производства // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2010. - № 4.
9. Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. - 2015. - №2 (3). - С. 220-236.
10. Сапа А.В. Поколение Z — поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. - 2014. - № 2. - С. 24-30.
11. Славко Д.А., Козлова В.П., Агалакова А.В. Безработица: проблема трудоустройства выпускников // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2010. - № 6. - С. 57-58.
12. Черников Б.В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - № 385. - С. 153-158.
13. Елина Е.Г. Развитие гуманитарного образования и проблемы трудоустройства выпускников гуманитарных факультетов // Universum: Вестник Герценовского университета. - 2011. - № 11. - С. 51-55.
14. Электронная база Google trends [электронный ресурс] - URL: <https://trends.google.ru/trends> (дата обращения: 16.04.2018).
15. Спирина М.Л. Социально-педагогическая защита детей-сирот в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. - 2008. - № 5.

16. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [электронный ресурс] - URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/1/> (дата обращения: 16.04.2018).

REFERENCES

1. Borodkin F.M. Sotsial'nye eksklyuzii. [Social exclusions]. Sotsiologicheskii zhurnal. 2000. No. 3/4. (In Russian).
2. Kurmysheva L.K. Eksklyuziya kak fenomen zhizni obshchestva. [Exclusion as a phenomenon of social life]. Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika. 2015. No. 3. (In Russian).
3. Townsend P. The international analysis of poverty. New York: Harvester Wheatsheaf, 1993.
4. Shmidt V.R. Mezhdistsiplinarnyy podkhod k probleme sotsial'noy eksklyuzii. [Interdisciplinary approach to a problem of social exclusion]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. 2004. No. 4. (In Russian).
5. Tikhonova N.E. Fenomen sotsial'noy eksklyuzii v usloviyakh Rossii. [Phenomenon of social exclusion in Russia]. Mir Rossii. 2003. T. XII. No. 1. Pp. 36-84. (In Russian).
6. Chukreev P.A. Sotsial'naya eksklyuziya: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya. [Social exclusion: Theoretical and practical aspects]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 6. (In Russian).
7. Global Health Observatory. URL: <http://www.who.int/gho/en/> (date of access: 03.04.2018).
8. Ezhova R.A. Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya intellektualizatsii obshchestva i proizvodstva. [Socioeconomic consequences of the intellectualization of society and industry]. Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2010. No. 4. (In Russian).
9. Zaytseva N.A. Teoriya pokoleniy: my raznye ili odinakove? [Generation theory: Are we similar or different?]. Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee. 2015. No. 2 (3). Pp. 220-236. (In Russian).
10. Sapa A.V. Pokolenie Z — pokolenie epokhi FGOS. [Generation Z - a FROS epoch generation]. Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2014. No. 2. Pp. 24-30. (In Russian).
11. Slavko D.A., Kozlova V.P., Agalakova A.V. Bezrobotitsa: problema trudoustroystva vypusknikov. [Unemployment: the problem of graduates' employment]. Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. 2010. No. 6. Pp. 57-58. (In Russian).
12. Chernikov B.V. Differentsiatsiya trudovykh tsennostey sredi pokoleniy sovremennykh rabotnikov. [Labor values differentiation among the generation of contemporary employees]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 385. Pp. 153-158. (In Russian).
13. Elina E.G. Razvitie gumanitarnogo obrazovaniya i problemy trudoustroystva vypusknikov gumanitarnykh fakul'tetov. [Development of education in humanities and employment of humanities departments' graduates]. Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2011. No. 11. Pp. 51-55. (In Russian).
14. Google trends database. URL: <https://trends.google.ru/trends> (date of access: 03.04.2018).
15. Spirina M.L. Sotsial'no-pedagogicheskaya zashchita detey-sirot v Rossii. [Sociopedagogical protection of orphan children in Russia]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. 2008. No. 5. (In Russian).
16. Internet-proekt Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. Departament gosudarstvennoy politiki v sfere zashchity prav detej. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/1/> (data obrashheniya: 03.04.2018).

Информация об авторе:

Шестернин Егор Евгеньевич, аспирант, Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Россия
egorshest@gmail.com

Получена: 04.04.2018

Для цитирования: Шестернин Е.Е. Влияние внешних факторов на социальную эксклюзию в системе социальных отношений. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с.178-182.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-178-182.

Information about the author:

Egor E. Shesternin, Postgraduate Student, Tyumen Industrial University,
Tyumen, Russia
egorshest@gmail.com

Received: 04.04.2018

For citation: Shesternin E.E. Shesternin E.E. Influence of external factors on social exclusion in modern society. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 178-182.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-178-182. (in Russ)

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В 2018 году исполняется 160 лет включения Северного Приамурья и 158 лет вхождения Уссурийского края в состав Российской империи, а 20 октября этого же года – 80 лет со дня образования Хабаровского и Приморского краев. Однако не только юбилейные даты, но и современное развитие российского Дальнего Востока как одна из приоритетных национальных задач находятся в центре внимания представителей разных научных направлений и практиков-экспертов. К числу важнейших сегодняшних проблем относятся поиски ответа на вопрос как обеспечить развитие территории во благо всей России и дальневосточников. В современной познавательной ситуации важны не только оценка экономического, демографического, культурного потенциалов и возможностей страны с точки зрения реализации амбициозных целей и задач, но и адекватная оценка роли и места в этом процессе основных его участников, историографического осмысления, а также последствий принятых программ для населения. Наступило время подвести некоторые итоги осмысления дальневосточной проблематики.

На страницах третьего номера научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2018 г. в формате специального раздела **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** предлагается обсудить следующие теоретико-методологические и прикладные проблемы:

- научные концепции, особенности, участники разработки стратегии развития Дальнего Востока;
- подходы к оценкам ее реализации в научном и экспертном сообществе;
- отражение последствий радикально-рыночных реформ и результатов осуществления планов развития региона в публицистике и др.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются к публикации оригинальных текстов аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарна Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

160 years of inclusion of the Northern Amur Region and 158 years of the Ussuriisk Region's entry into the Russian Empire will be celebrated in 2018, and on October 20 of the same year will be 80 years from the date of the formation of the Khabarovsk and Primorsky Regions. However, not only the jubilee dates, but also the modern development of the Russian Far East as one of the priority national tasks are at the center of attention of representatives of various scientific trends and experts. Among the most important current problems are the search for an answer to the question of how to ensure the development of the territory for the benefit of all of Russia and the Far East community. In the modern cognitive situation, it is important not only to assess the country's economic, demographic, cultural potential and capabilities from the viewpoint of achieving ambitious goals and objectives, but also to adequately assess the role and place in this process of its main participants, historiographical comprehension, as well as the consequences of the adopted programs for the population. And it is time to sum up some of the results of understanding the Far Eastern issues.

On the pages of the third issue of the journal "Historical and Social-Educational Idea" for 2018 in the format of a special section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"***. It is proposed to discuss the following theoretical, methodological and applied problems:

- scientific concepts, features, participants in the development of the strategy for the development of the Far East;
- approaches to assessing its implementation in the scientific and expert community;
- reflection of the consequences of radical market reforms and the results of the implementation of plans for the development of the region in columns and notes, etc.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Post-graduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited to publish original texts. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"*** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»**.

Набор статей для раздела осуществляется в течение всего 2018 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. – по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” invites everyone to participate in the special section **“Falsification of History as a Threat to Russia’s National Security”**.

A set of articles is carried out during 2018.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section **“Falsification of History as a Threat to Russia’s National Security”** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
“Historical and Social-Educational Idea”,
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки <http://www.antiplagiat.ru>). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате A4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12, междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, межстрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи.* Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова.* Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>.
4. *Abstract & Keywords.* Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. *Информация о спонсорстве* (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. *Благодарности* (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. *Текст статьи* (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

например: [1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. *Библиографические ссылки* (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. *References* (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком «//» и «–», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в *References* для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineral'nyh vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ.).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. *Russian Journal of Electrochemistry*. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalina I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Svishnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;

- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;

- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;

- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;

- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;

- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

The editorial board of the journal "Historical and Social-Educational Idea" examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: "Antiplagiat.ru" and "Advego Plagiatus".

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a republication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;
- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;
- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс П4427), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: <http://www.hist-edu.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

**Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала
и авторам статей.**

**Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно
отражают позицию редколлегии.**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «Historical and Social-Educational Ideas»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»
доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг.
номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2018. Том 10 № 2/2

Подписной индекс П4427
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.04.2018
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 195 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»